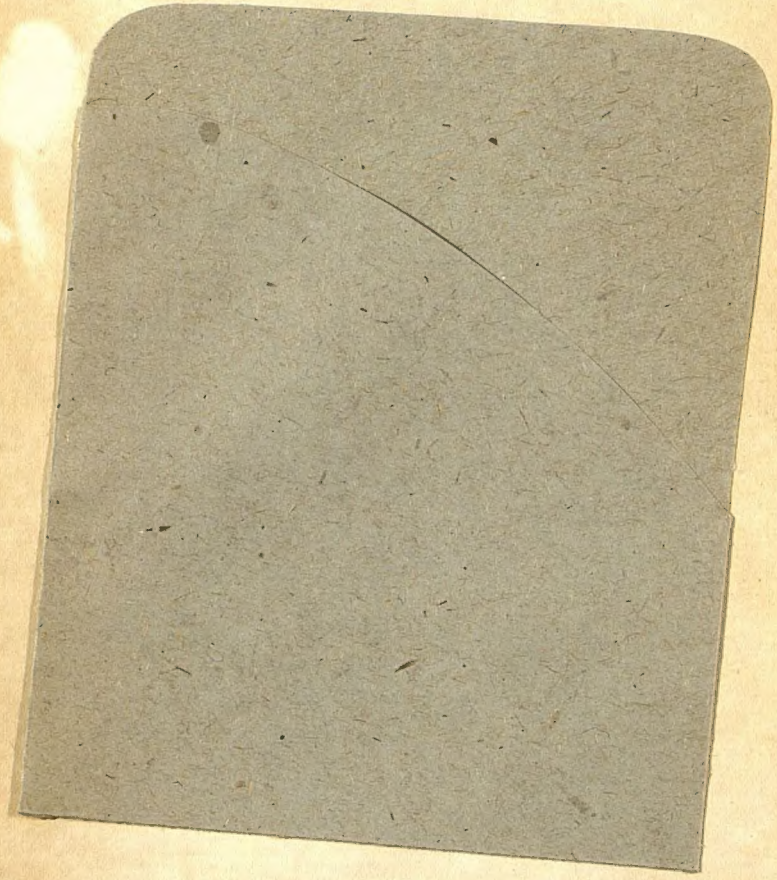
Т22 5/16

ВЛАДИМИР КНЕХТ

ДОБРАЯ НАДЕЖДА

ГОСЛИТИЗДАТ



ВЛАДИМИР
КНЕХТ

Т22 5/16

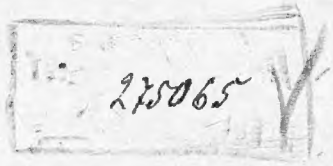
ДОБРАЯ НАДЕЖДА

Из цикла „Закон"

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ЛЕНИНГРАД — 1936

К — 53

Переплет и титул Ю. Скалдина.



Ответственный редактор Н. Лесючевский. Технический редактор В. Макрушин. Корректор А. Гусева. Сдано в набор 2/VII 1936 г. Подписано к печати 1/X 1936 г. Ленгослитиздат № 935. Леноблгорлит № 20369. Тираж 10 300 экз. Заказ № 782. Бумага 82 × 110 см. Уч.-авт. л. 10,8. Бум. л. 3¹/₄. Цена 2 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

1

Я хочу рассказать кое-что из истории одного моего друга, молодого человека XX века. Речь идет о хорошем, жизнерадостном парне, который с самого раннего детства был весел и пробовал шутить даже тогда, когда на старом «Мстительном» шел штурмовать стенку Зеебрюгге. Сид откровенно признался мне, что в свое время он мог смеяться при самых печальных обстоятельствах, и в том, что плакал он всего два раза в жизни.

В первый раз это было от обиды на рыжего Боба Уотерс, который сломал деревянный кораблик, искусно сделанный отцом Сида. Мой друг хорошо помнит этот случай. Отец, сильный, большой, красивый, с красными нашивками на обоих рукавах, приехал из Портланда, где стал на отдых весь флот, и попал к самому дню рождения сына. После горячих поцелуев мать (она была молода и хороша тогда, какие красивые темные косы распускала она перед сном!) нежно напомнила ему, что 22-го числа, ровно в 9 часов 17 минут Сиду исполняется шесть лет. «Волк» — так в шутку звала она мужа — бережно пересчитал деньги и, гордо показывая новый блестящий значок за отличную стрельбу, повел свою Шарлот в магазин готового платья «Буртон и сын». Они выбрали отличный коричневый в клетку костюмчик, и «волк», не поморщившись, отвалил всю сумму. А при-

казчик мистер Блондел, у которого был смешной красный нос картошкой, долго раскланивался и несколько раз назвал Чарли мистером Лидс. Подумать только! А давно ли этот зазнайка Блондел заговаривал с матерью у дверей их домика, когда Шарлот начищала медную ручку:

— Ах, как вам должно быть скучно, бедная миссис Лидс! Ваш муж опять в дальнем плавании и, вероятно, утешается с какими-нибудь испанками.

— Вы очень любезны, мистер Блондел, но мне совершенно не скучно. У меня такой веселый, славный сын.

— Нет, я на вашем месте никогда бы не пошел за «синюю блузу»... А вы знаете, миссис Лидс, есть люди, которые до сих пор не могут забыть славу нашего городка, Шарлот... Ах, как вы звонко смеялись в те дни!

— Сейчас так же хорошо смеется мой Сид, мистер Блондел. Замечательно здоровый мальчик. Но отойдите, мистер Блондел, на ваш прекрасный костюм может попасть мел.

— О, у меня есть еще две пары брюк, Шарлот. И мистер Буртон очень благоволит ко мне. Ах, как мы были бы счастливы, Шарлот!

— Вы очень, очень любезны, мистер Блондел. Сид, что вы там делаете с кошкой?

— Ну, до свидания, миссис Лидс. До свидания. Ах, вы все-таки испачкали меня мелом.

Такие разговоры вел хитрый курчавый приказчик накануне приезда отца. А теперь ему оставалось только кланяться. А «волк» солидно вел под-руку такую же рослую, как и он, красавицу жену; у Шарлот горели щеки, глаза, губы, и она нарочно шла медленно, чтобы все видели ее Чарли, и очень мило отвечала на поклоны и приветствия.

Поздно вечером, когда Сид был уложен в постель, счастливая пара долго сидела у камина (хотя он по причине летнего времени не топился), и Чарли готовил сыну сюрприз. Своим большим, тяжелым матросским ножом он вырезал стройный корпус крейсера с четырьмя трубами, а Шарлот терпеливо ждала, когда муж окончит работу. Наутро мальчуган нашел на табурете у кровати чудесный кораблик, и его-то сломал завистливый Боб.

Сид даже не хотел возвращаться с реки домой. Было совестно посмотреть в лицо отцу. Стало совсем темно, и на корпусе старого парохода, который рабочие мистера Пуль разбирали на куски, прекратились оглушительные звонкие стуки, когда Чарли нашел своего опечаленного сына.

Отец поднял его с пропитанной угольной пылью земли, прижал к груди, потом посадил на свою левую руку, как в кресло, а правой отвел еще неокрепшие ручонки от мокрых глаз и вытер веки большим, жестким платком, от которого шел табачный запах.

— Кто из вас поступил не по закону? — спросил большой Лидс.

— Я не виноват, — тихо сказал маленький Лидс.

— А зачем же плакать?

— Мне жаль вашего подарка. Это ведь такой же корабль, на каком плаваете и вы.

— Я сделаю другой. Но вы никогда не поступайте не по закону. Видите, как это плохо.

Мальчик крепко обхватил обнаженную, твердую как дерево, шею отца; прижал головку к шершавой щеке.

— Когда я вырасту, я сломаю ему все его игрушки, — прошептал Сид.

— Такого закона нет, — засмеялся отец, а на другой день они вместе построили новый корабль, еще больше и лучше. Чарли сходил к маляру Тому Грин (он был убит потом в самом конце войны в лесу Инвернес под Ипром) и выпросил у него голубой и красной краски. Голубой он выкрасил всю верхнюю часть корабля, а красной — нижнюю, подводную, а кроме того навел полоски на трубах и сделал надпись «Добрая Надежда».

— Это хорошее название,— сказала вечером Шарлот, отставляя игрушку повыше на полку, чтобы дать краске высохнуть.

— Я нарочно его придумал, — откликнулся «волк», намыливая волосатые руки, — я надеюсь, Сиду не придется скитаться по морям. Пускай лучше из него выйдет хороший монтер. Это отличная профессия, милая Шарлот.

Это было давно. Очень давно, даже год не запомнился. Но тогда жилось хорошо. По крайней мере так

казалось. И мать никогда не унывала, провожая своего «волка», и Сид рос веселым парнем.

Впрочем, он и сейчас веселый. Нет нужды, что ему пришлось заплакать еще раз в жизни (об этом расскажем дальше). И во время нашей первой встречи он хохотал, как сумасшедший, хороший, бравый Сид Лидс, которому так и не удалось переломать игрушки рыжего Боба Уотерс, но зато довелось заняться профессией отца и получить нашивку за хорошее поведение.

Первая наша встреча произошла тогда, когда Сид еще гордился званием сигнальщика королевского флота, а именно в 1925 году.

В то время я был штурманом на линейном корабле «Марат» (Краснознаменного Балтийского флота) и стоял на вахте, выводя корабль к Либаве. Проходил обычный для Балтики зюйд-вестовый шторм. Балтийское море упрямо било волнами в бронированные борта кораблей-великанов, неудачно пытаясь их раскачать, и срывало бессильную злобу на миноносцах. Наша эскадра подходила к иностранным берегам, и сам Михаил Васильевич Фрунзе, который вел эскадру в том историческом большом походе, как всегда внимательный и спокойный, уже вышел на мостик, чтобы взглянуть на отдаленные очертания бессмысленно построенной базы царского флота.

Облака низко нависали над морем и берегом, окутывая даль туманом. Из этой туманной завесы вдруг появились пять мрачных силуэтов. Головной был крейсером типа «Си»,[1] остальные миноносцы — «дестройеры»[2]. На крейсере сигнальную вахту стоял Сидни Лидс.

Разумеется, мы не знали друг друга, но корабли должны были соблюсти международные правила вежливости. Я отдал приказание приготовить флаг Британского Королевского флота, а Сид доложил вахтенному офицеру:

— Сэр, слева на крамболе два больших корабля и четыре миноносца (миноносцев было восемь, но Сид еще не успел разглядеть второго дивизиона, прикрытого линейными кораблями).

---

[1] Легкие крейсера, построенные в период 1916—1918 гг., имели названия, начинавшиеся с буквы «С» (произносится «Си»), например «Cairo», «Centawr» и др.

[2] Истребители.

— Национальность? — спросил офицер и, приложив бинокль к глазам, не дождавшись ответа, приказал:

— Комендоры дежурных орудий, наверх! Пристопорить голландский флаг на форстеньга-фал.

— Есть, сэр. Но, сэр, мне кажется, они похожи на русских?.. Сэр, головной имеет на грот-мачте флаг...

— Чин?

— Дым и туман, сэр. Но мне кажется, он — красный со звездой в середине.

— Деревянная голова! Вам мерещатся большевики, а они не имеют даже офицеров, умеющих управлять кораблями.

— Есть, сэр.

Дистанция на контракурсах быстро уменьшалась. Разглядывать было некогда. Флаг на грот-стеньге требовал первого поклона.

— На фалах!.. скомандовал вахтенный офицер.

Он был приучен к самостоятельности и слишком самоуверен, этот глупый лейтенант Даймонт. Он начал салют, не дождавшись разрешения ни командира, ни старшего офицера (впрочем, те, вероятно, отдыхали после торжественных либавских проводов накануне вечером). Четкие залпы, один за другим, девять раз нарушили монотонное гудение шторма. Их было только девять. Внезапно на гафеле и на стеньге встречного флагмана открылись флаги алого цвета. Звезды разбрасывали по красным полотнищам белые лучи.

— Отставить! — задохнулся лейтенант Даймонт. — Отставить! Флаг долой. Команду вниз.

Комендоры ушли, отряхиваясь от воды, как утки, и ухмыляясь, а Сид после вахты долго рассказывал в кубрике, как выпучил глаза лейтенант.

— Он за это получит, — авторитетно сказал заслуженный Лэн, рулевой.

Весь кубрик смеялся, и больше всех сам Сид. Они очень не любили этого грубого, глупого Даймонта.

Такова была наша первая встреча с Сидом. Но я забежал вперед. Раньше следует рассказать, как он заплакал во второй раз, прежде чем окончательно сделался веселым человеком.

2

Радиостанция Лондон «Белый дворец» на радиостанцию линейного корабля «Железный герцог».[1]

«Командующему флотом Метрополии.

Июля 28, 1914, 5 ч. р. m[2].

Завтра в среду Первый Флот должен выйти из Портланд — в Скапа-Флоу. Назначение следует держать в тайне, исключая флагманов и командиров. Так как вы нужны в Адмиралтействе, вице-адмирал 2-й Боевой Эскадры должен принять командование. Курс на Портланд должен быть проложен к югу, потом серединой канала к Дуврскому проливу. Эскадра должна пройти пролив без огней в течение ночи и пройти во внешнюю сторону отмелей на пути к северу. «Агамемнон» должен остаться в Портланде, где соберется Второй Флот.

Черчиль, Первый лорд адмиралтейства.
Луи Баттенберг, адмирал, Первый морской лорд».

События вынуждают нас выйти за пределы милого, уютного городка Блайс, где жило и процветало семейство Лидс, где мой приятель появился на свет и впервые увидел улыбки жизни, кстати сказать, кривые и суховатые, совсем как у мистера Пуль, представителя фирмы «Причард и К°».

Разумеется, наш герой был слишком мал, чтобы знать, что его судьба решалась не в одном Блайс. Кроме того, по выражению не столь уважаемого, сколь всем известного мистера Ллойд-Джорджа, выведшего добрую, старую Англию на новую стезю благоденствия «. . .река весело стремится к морю на большом протяжении без всякого представления о той участи, которая ждет ее в направлении, в котором текут ее воды, и вдруг сталкивается с громадою океана, с морскими волнами. . .»

Отдавая должное стилю мистера Ллойд-Джорджа, мы хотим построить повествование несколько иначе: так,

[1] Флагманский корабль английского флота в период мировой войны.

[2] P. m. — post meridiem, т. е. пополудни, a. m. — ante meridiem, т. е. до полудня.

чтобы никакая тайна не окутывала историю жизни Сида Лидс. Тем более, что он не принц и не незаконнорожденный сын знатного лорда. Поэтому позволим себе воспользоваться еще некоторыми добавочными материалами, полученными в устной передаче или найденными в виде документов, подобно вышеприведенной телеграмме, чтобы по возможности рассказать и о том, что происходило вне поля зрения Сида Лидс.

Рассматривая ход событий, прежде всего остановим наше внимание на двух весьма учтивых джентльменах, которые встретились на почтамте в прекрасном городе Копенгагене. В том самом Копенгагене, где красавица Валькирия потрясает копьем над тихими волнами Зунда.

Повидимому, джентльмены были приезжими, хотя внешность их отнюдь не выделялась среди посетителей главного зала. В фигурах и в лицах этих весьма солидных мужчин была выдержанная скромность: умеренно светлой окраски костюмы сероватых тонов; котелок у одного, соломенная шляпа у другого. Тот, который был постарше, носил весьма красивую черную бороду и такие же усы. От этого он казался еще солиднее, и некоторая дородность была ему вполне к лицу.

Джентльмены подошли к окошечку выдачи корреспонденции одновременно, но сначала долго вчитывались в объявления. Разумеется, они были приезжими и, поэтому плохо ориентировались. Какой-то учтивый молодой человек в пестром галстуке и с непокрытой головой приблизился к высокому в соломенной шляпе, и спросил:

— Извините, но не могу ли я быть полезным?

— Благодарю вас, молодой человек, — ответил джентльмен на вполне приличном датском языке, хотя и без специфического копенгагенского произношения. Он учтиво откланялся, но все-таки задал вопрос: — Здесь выдаются отправления до востребования? Благодарю вас! Я сумею спросить.

Теперь он решительно придвинулся к окошечку и обратился немного грубоватым, но звучным голосом:

— Могу я получить письма на имя Альберта Петерсона?

— К сожалению, их не имеется, — последовал ответ.

— Будьте любезны посмотреть на имя Александра Шейдемана, — попросил второй джентльмен. — Александр Шейдеман, — повторил он медленно приятным баритоном и, чуть сдвинув на затылок шляпу, стал непринужденно, по-домашнему, платком вытирать потный лоб.

— К сожалению, не имеется, — механически прозвучал безразличный голос.

Оба посетителя, один за другим, не выражая ни радости, ни печали, не торопясь, направились к выходу. Высокий, в соломенной шляпе, остановился у подъезда на лестнице, как бы выбирая дальнейший путь; другой тоже задержался и вдруг выразил свою неудовлетворенность вслух:

— Какая неудача! Простите, но не знаете ли вы, когда можно ожидать получения следующей почты? Похоже, что мы с вами в одном положении...

— Приблизительно, — осклабился, показывая ряд крепких зубов, высокий. — Позвольте представиться: Петерсон, Альберт Петерсон, агент фирмы Браун из Мальме.

— Шейдеман... доктор истории архитектуры Иенского университета.

Джентльмены обменялись визитными карточками и пожали друг другу руки.

При этом высокий кланялся особенно почтительно, видимо польщенный знакомством с ученым.

— Почта прибывает сюда ежечасно, господин Шейдеман. Это — мировой город. Деловой и веселый. Но до вечера можно обождать. Мы могли бы совершить пока отличную прогулку. Не окажете ли вы мне такую честь, господин Шейдеман?

— Охотно, уважаемый господин Петерсон. Охотно! Я специально приехал сюда, чтобы познакомиться с некоторыми архитектурными достопримечательностями.

— В таком случае я могу быть вам полезным. Я давно знаю Копенгаген и очень люблю его.

Разговаривая совсем как по учебнику Берлица, они уже шли по нагретому асфальтовому тротуару оживленной Стреэт, сопровождая беседу любезными улыбками и

взглядами. Ученый архитектор несколько грузно опирался на толстую палку. Агент фирмы легкомысленно помахивал легкой тростью. И оба шли так уверенно и с такой неторопливостью, что каждый мог позавидовать их приятной, не обремененной заботами жизни.

— Прежде всего мне хотелось бы посмотреть на Валькирию.

— Это чудесная статуя. Незабываемая стремительность и отвага!

Несомненно, вкусы джентльменов совпадали, и оба были изрядными знатоками скульптуры. Они бродили по городу целый день и даже забыли зайти в почтамт. Очень теплый, почти душный вечер, обещавший грозу, застал их под веселыми огнями сада Тиволи. Но они не стали развлекаться в паноптикумах. Ресторан в саду был самым подходящим местом, чтобы хоть немного подышать прохладным, свободным от уличной пыли воздухом.

Джентльмены заняли столик у самой балюстрады, и господин Шейдеман изъявил немедленно готовность отметить приятное знакомство бутылкой вина. Он деловито занялся изучением карточки. Господин Петерсон игриво покачивал головой и притоптывал ногой в такт вальсу из «Веселой вдовы». Между белыми столиками не торопясь проходили люди. Их одежда была из хорошего, добротного материала, хотя костюмы сидели на плотных фигурах не всегда красиво; воротнички были чисты; трость, сигара, женщина были принадлежностью почти каждого, кому особенно почтительно кланялся крупный, толстый, с двойным подбородком, метрдотель.

С шумом вошла большая компания торговых моряков. Это были капитаны многих судов, под разными флагами стоявших в порту. И удивительным было именно то, что капитаны — англичане, шведы, голландцы, датчане и даже один русский, — господин Петерсон распознал их по форменным фуражкам, по говору, по жестам, — ввалились, именно ввалились, все вместе, толпой. В центре их шел высокий, сухой, желтый, с тонкой жилистой шеей человек, который размахивал газетой и почти кричал: «Клянусь святым Георгом, это им даром не пройдет!». Для убедительности он выражал свое возмущение на

двух языках, по-английски и по-датски, и остальные тянулись к газете, пытаясь заглянуть в нее.

Когда группа приблизилась, господин Петерсон насторожился и метнул взгляд в развернутый лист. Крупные черные буквы обрисовали всего три слова. Однако господин Петерсон заволновался, прикусил губу, но все же выждал, когда кельнер отойдет с заказом. Тогда он быстро заговорил и в глазах его появился необычайный блеск:

— В экстренном выпуске есть что-то новое, господин Шейдеман. Люди волнуются. Боюсь, что мы должны переговорить обо всем заново...

— Да?.. — Ученый стремительно повернулся всем корпусом и осмотрелся. Действительно, капитаны, наполняя высокие бокалы золотистым пенистым напитком, гудели как пчелиный рой, и их возбуждение передавалось на соседние столики. Отдельные слова, полные то горячности и хвастливости, то холодного безразличия, то тревоги и волнения, вырывались из общего шума.

Входили новые посетители. Многие из них шли, держа перед собой развернутые газеты.

— Газетчик у входа, — сообразил архитектор.

С неожиданным проворством он устремился между столиками и действительно вернулся с экстренным выпуском.

— Германский ультиматум России... По слухам, английским судам запрещен выход из Гамбурга, — объявил ученый, опускаясь на стул.

Он посмотрел в сторону шумной компании моряков и вдруг засмеялся хитрым смешком.

— Пари держу, что все они собирались в Гамбург. А вы правы, уважаемый друг! Мы можем застрять. Нам придется поговорить заново.

— И пересмотреть ставки!

У господина Петерсона горело лицо. Он держал бокал обеими ладонями, как драгоценность, и пил совсем маленькими глотками. С каждым глотком щеки и нос делались ярче, а глаза лихорадочнее.

— Пожалуй, вы правы... — откликнулся архитектор (поглаживая бороду рукой, он размышлял). — Пожалуй, вы правы. Задержать британские пароходы, — для этого

надо решиться... Чорт побери, но мы можем застрять здесь! Господин Петерсон, как вы думаете?

— Ставки и цены должны быть пересмотрены.

Господин Петерсон упорно смотрел в бокал, словно вычитывал оттуда эту свою несложную мысль. Ученый забарабанил пальцами по столу.

— Дорогой господин Петерсон, — сказал он вкрадчиво, стараясь заглянуть под желтые брови собеседника, — дорогой господин Петерсон! Неужели вы думаете, что я такой чудак — бессеребренник, что забуду интересы своего предприятия? Дорогой господин Петерсон, прежде чем заработать звание профессора, мне действительно пришлось поработать над собой, и если вы способны повторять бесконечное число раз вздохи о ценностях, накопленных в здешних музеях, то вы делаете это как попугай. А я могу вам прочесть целую лекцию об искусстве Торвальдсена и других мастеров Дании, Германии, даже, если хотите, России.

— Я агент торговой фирмы, — угрюмо возразил Петерсон и долил бокалы.

— И в прямом и в переносном смысле, уважаемый друг. Надо быть художником. И если я сейчас еду в Англию, то, кроме всего прочего, меня зовет художественное чувство. Однако оставим эту тему. В конце концов, изменение цен зависит не от меня.

— Не стоит скромничать, господин профессор!

Господин Петерсон усмехнулся как-то криво, окончательно потеряв любезное выражение лица. Он, видимо, хотел продолжить свою мысль, но удержался. Ученый, желая восстановить поколебленное душевное спокойствие, мягко возразил:

— Будем уметь сочетать работу и личную жизнь, дорогой друг. Несомненно, ставки должны быть пересмотрены, и надо ехать поскорей. По крайней мере вам надо выехать не позднее завтрашнего утра. Я в крайнем случае выеду через Норвегию. Нас ждут. Если мы опоздаем, всякие надежды на пересмотр цен должны отпасть.

С последней фразой голос профессора перестал быть вкрадчивым. Поглаживая бороду, он произнес слова раздельно, внушительно, и господин Петерсон стал сразу задумчивым и даже как бы рассеянным.

Собеседники замолчали. Архитектор вдруг забеспокоился:

— На кого вы смотрите?.. Мы, кажется, говорим слишком громко.

— Ничего... Музыка, — пробормотал Петерсон.

— Все-таки... Посмотрите: за моей спиной сидит человек, — он слушает?

— Он пьян. Это из той же компании пароходчиков.

— Давайте закажем еще что-нибудь. И будем повеселее, милейший господин Петерсон. Напрасно мы не пригласили женщин!.. Ах, вы, кажется, уже приглядели... Что? Ваша старая знакомая?.. Ну, приглашайте же ее сюда! Ах, женщины, женщины. Это моя любимая скульптура!..

Словно по взмаху волшебной палочки, мрачная деловитость рассеялась над квадратным столиком у балюстрады. Заколыхалась большая дамская шляпа. Запахло духами. Торопливо подбежал кельнер. К густым голосам мужчин присоединился нежный женский. Вдруг оказалось, что веселье распространялось повсюду. Встревоженные было люди уже забыли волнующие вести. Или сделали вид, что забыли. Во всяком случае теперь они смеялись. В конце концов, слухи еще не означали прямой опасности, а моряки всегда найдут, о чем пошуметь. Но и капитаны стали тише. Часть из них ушла. Оставались только те, кто хотел веселиться; и музыка наигрывала самые приятные мотивы. Ночь подкрадывалась из-за балюстрады, пытаясь залить веранду своей чернотой, но матовые шары, источавшие свет, разгоняли ее. Тьма витала где-то высоко, под сводами потолка, а у столика было уютно и радостно.

Любезный господин Шейдеман рассказывал премилые анекдоты; женщина, полная блондинка, ахала и стыдливо опускала глаза; господин Петерсон, продолжая глотать, издавал несложные звуки сдержанного смеха и только в особо пикантных случаях выпускал из рук бокал и двигал пушистыми желтыми бровями. Потом они заговорили о красоте жизни. Каждый придумывал и называл то, что казалось ему прекрасным. Положительно, они вели себя как юнцы. Звонкий, раскатистый смех профессора Шейдемана никак не вязался с представитель-

ной профессорской наружностью. Тем не менее госпожа Андерсен благосклонно относилась к его шуткам и ухаживанию. А господин Шейдеман, уподобив красоту женщин красоте жизни, до того разошелся, что объявил себя безмерно счастливым, поскольку эта самая красота пребывает здесь собственной персоной.

— Наши сердца бьются, моя Афродита! — воскликнул профессор, схватив обеими руками, чуть не опрокидывая посуду, пальцы своей богини и припав к ним бородой и усами. Он был все-таки очень лиричен и экспансивен, этот ученый архитектор из Иены.

Так развлекались приятные джентльмены до тех пор, пока музыка не сыграла прощального марша. Когда на веранде опустело, они рассчитались и встали. Оглянулись и заметили за соседним столиком моряка, отставшего от своей компании.

— Господин капитан, — обратился к нему развеселившийся профессор, — господин капитан, вы потеряли свое место. Вам нужна обсервация.

— Моя «Лора» под углем, — мрачно по-английски ответил моряк. — Не мешайте, я думаю.

Все-таки он поднял свое морщинистое темнокоричневое лицо, но только для того, чтобы кинуть сердитый взгляд.

— Пройдите вперед к такси, — тихо сказал господин Петерсон. — Это капитан «Лоры», которая собиралась завтра в Лондон. Сколько можно обещать?

Господин Шейдеман замялся, потер лоб:

— Сорок-пятьдесят фунтов самое большее. Я еще не уверен в серьезности обстановки.

— Хватит...

И господин Петерсон, придав своим голубым глазам выражение полного сочувствия, опустился к столику капитана и заговорил на вполне натуральном английском языке:

— Приятно встретить соотечественника, сэр. В такую тяжелую минуту. Игра начинается. Не правда ли? Я уверен, наш король не оставит без помощи Бельгию. Наш король — джентльмен. Интересы Англии и всего мира будут обеспечены!

— Все мы джентльмены, — мрачно пробасил капитан, — но как я завтра пойду в Лондон? Я был у консула, и он говорит, что ниже пятьдесят пятой параллели спускаться не стоит. Все мы не прочь подышать воздухом. Ходят слухи о минах.

— Это блестящий совет, — согласился вежливый собеседник, — но нас сейчас попросят отсюда. Ресторан и сад закрываются. Если вы не против знакомства, мы могли бы немного прогуляться. Мое имя Тэйлор, Ричард Тэйлор, эсквайр.

— Капитан Райт, сэр. Двадцать два года чистого плавания. Порт приписки — Блайс.

Теперь глаза моряка смотрели твердо прямо в лицо мистера Тэйлор. Новые знакомые пожали друг другу руки и двинулись вниз по ступеням.

— Так как же вы думаете итти? — продолжил беседу мистер Тэйлор, эсквайр.

— Я ломаю себе голову... Если итти на Ньюкастль, потеря будет не менее как в сутки. Если рискнуть на прямой курс, можно поплатиться грузом и головой.

— Я бы пошел все-таки прямо. Война еще не объявлена, и в открытом море никто не задержит.

Собеседники подошли к выходу.

Мистер Тэйлор вдруг приблизил свое лицо к лицу моряка:

— Сэр, я надеюсь, говорю с джентльменом?

Не давая моряку ответить, взял его под руку и зашептал необычайно дружески и быстро:

— Уважаемый мистер Райт! Я не случайно заговорил с вами. Есть не много капитанов, о которых знают все.

— Капитан Райт может рассчитывать на это, — самодовольно пробормотал моряк.

— Мы с вами должны выполнить долг, мистер Райт! Будет война или нет, наше правительство должно быть осведомлено кое о чем своевременно. Полный ход! Прямо в Лондон! Лучше рисковать одним пароходом, чем тысячами. Король недаром требует от вас этой услуги, капитан. Ваша цена?

— Стойте, стойте, сэр. Я ведь не... Впрочем, если вы говорите... Если у вас есть документы... А мне по-

нятно все, сэр. Я очень уважаю адмиралтейство, сэр. Консульскую бумажку можно спрятать.

— Когда уходит «Лора»?

— Как только примем овощи и доприемем уголь. В Риге я не бункеровался.

— Часов в шесть?

— Нет, часов в десять.

— Это крайний срок?

— Крайний... Сэр, все-таки я не откажусь от награды. У меня жена, сэр. Очень болезненная жена и хорошая дочка. А мы все хотим тихой старости и здоровья. Риск есть, а потому было бы хорошо утром двадцать пять фунтов перевести на мое имя.

— Мы встретимся в восемь и пойдем их прямо в Блайс. Если рейс пройдет хорошо и к десяти часам третьего числа я высажусь на берег Темзы, надбавка десять фунтов в честь короля и доброй старой Британии.

— Вы джентльмэн, сэр. Чорт побери! Пошел брашпиль! Так в восемь у главного почтамта, уважаемый мистер Тэйлор.

Была середина ночи. Госпожа Андерсен откровенно зевала, сидя в такси. Архитектор нетерпеливо прогуливался по тротуару. Господин Петерсон подошел и молча кивнул головой. Мужчины немедленно сели, отвезли приятную компаньонку далеко на Оденсегэ, но, к ее удивлению, откланялись и снова помчались в центр. Утро застало обоих джентльменов в маленькой комнатке отеля «Космополит» на площади Королевского нового рынка. Головы были тяжелы, глаза слипались, и джентльмены боялись сесть в кресла. Господин Шейдеман лишился своего свежего, задорного вида, борода его старила, особенно по сравнению с бравым, желтобровым Петерсоном. Однако последний тоже таращил глаза, борясь с усталостью. Джентльмены стояли у окна и смотрели на безобразную статую короля Христиана V, на узкий канал Нюхавн, в отдалении впадавший в Индер-Хавн, на здания, окружавшие площадь.

Господин Шейдеман говорил сдавленным, потерявшим приятность баритоном, а его волосатые пальцы бесцельно играли расщепленным по ребру куском картона:

— ... Не забудьте прежде всего Дрезден, затем норвежские шхеры. Следует прямо указать Лофотены. Что касается меня, то, разумеется, я остановлюсь в «Савой» или в «Виктории». Я напишу вам. В крайнем случае сможем встретиться... ну, хотя бы в Египетском отделе Британского музея. Вы бывали там, господин Петерсон? У египтян есть чему поучиться. Имейте в виду: я буду в черном, как воплощение мудрости и тайн жизни и смерти, господин Петерсон. Черный костюм очень идет к цвету моего лица. Надо быть художником своего дела, господин Петерсон. Учитесь... Я к вам искренно расположен, и если вы будете на высоте, мы достигнем процветания в нашей жизни... Все ли ясно?

— Все...

Джентльмены замолчали, созерцая статуи поэтов Дании при входе в Королевский театр. Воды канала стали розовожелтыми. Дымка тумана над крышами, над дальними нагромождениями портовых сооружений таяла. Небо начинало светиться нежным пламенем восхода. Трубы еще не дымили. Церкви величественно, строго возносили к чистому небу свои шпили. Замки стояли на страже покоя. Великолепный город, созданный столетиями, вырастал на берегу проливов, подобно богатому скульптурному украшению на берегу пруда в королевском парке, полный памятниками старины, сам являя собою монумент в честь добродетели купцов, договорившихся с королями. Добродетель глядела с чистых вымытых улиц, с солидных вывесок, украшавших фасады домов. Даже гавани, заполненные кораблями всех наций, были необычайны в своей тишине и ясности по сравнению с другими, прокопченными дымными, пыльными портами Европы. И Христиан V уже с 1688 года беспощадно попирал копытами страшной лошади корчащуюся фигуру нужды.

3

Впрочем, довольно о славном городе Копенгагене и о поступках двух странных джентльменов. Очень вероятно, что господину Шейдеману архитектура была совершенно безразлична, и можно опасаться, что торговый

дом Браун существовал только на вывеске. Но ведь приходится считаться с фактом. В свое время небезызвестный король-вояка [1] говаривал: «Маршал де Субиз требует, чтобы за ним следовало сто поваров; я же предпочитаю, чтобы передо мною шло сто шпионов». Штибер, начальник прусской тайной полиции в эпоху Бисмарка, следуя этой заповеди, заполнил в 1870 году французские приграничные провинции пятнадцатью тысячами агентов. Генеральные штабы XX века, не возражая против установленного историческими лицами количества кулинаров, не сомневаясь, увеличили штат тайной агентуры; а парламентские деятели утвердили расширенные сметы «на его величеству известное употребление».

Итак, ясно, что мистер Петерсон-Тэйлор получил и вез какие-то важные сведения в Англию. Поспешность его была понятна: в дни его путешествия на «Лоре» журналы уже печатали изображения полулегендарных бородатых русских казаков с пиками наперевес, эшелоны смеющихся молодцов в касках под защитными чехлами, отъезжающих, чтобы воскресить славу Седана, бравых французских драгун, оттачивающих клинки или проезжающих мимо полосатого пограничного столба с черным одноглавым орлом; на бирже начиналась паника; акции заводов, изготовлявших военное снаряжение, пошли вверх; пароходные компании волновались и повышали фрахты. Мистер Тэйлор — сейчас это имя более приличествует ему — имел достаточно понятные инструкции, чтобы не дожидаться официальных известий об объявлении войны. Поверим без специального описания, что он благополучно пересек Северное море, что прославленный туман Британских островов отсутствовал или, во всяком случае, не задержал высадку, что документы пассажира были в порядке, и он своевременно постучал в дверь красного невзрачного дома на улице Вишневого сада в Бермендзи.

В то время, когда мистер Тэйлор скучающим взглядом улавливал игру черных, блестящих дельфинов,

[1] Прусский король Фридрих II (1740—1786). Один из крупнейших полководцев и политиков эпохи абсолютизма.

когда он время от времени подкреплялся вместе с почтенным капитаном Райт горячим грогом, семейство Лидс переживало новые часы разлуки. Впрочем, волнение началось не с самого утра, а только к вечеру. Сначала же было, наоборот, очень хорошо. Пробная мобилизация королевского флота закончилась, корабли 2-го и 3-го флотов разошлись по своим базам; и Чарли Лидс, являвшийся «по приглашению» адмиралтейства, уже неделю был дома и возобновил свою службу у мистера Пуль. По вечерам заходил толстый Уилл Толчер, сосед маляр Том Грин, а иногда и еще кто-нибудь. Приятели рассаживались на стульях и табуретах вокруг большого стола, а чаще шли за угол в заведение мистера Мэк-Ки, где всегда были свежие газеты. Толчер начинал разговор о политике. С некоторых пор, поступив надсмотрщиком на угольный склад, толстый Уилл стал интересоваться ею и всегда читал, хотя и не полностью, «Таймс». Он очень гордился своей двадцатипятилетней службой во флоте и находил, что многочисленные британские корабли под флагом, осененным крестами святых Андрея, Джорджа и Патрика, — единственная гиря, способная удержать мир в равновесии.

— Вы не знаете, — говорил своим собеседникам коротконогий, уже обрюзгший Уилл Толчер, отхлебывая из кружки эль, — вы не знаете, что значит хотя бы одна британская канонерка с парой четырехдюймовок, вошедшая в какой-нибудь, — он задумывался на минуту, припоминая название посложнее, — Багхадария, чорт побери! А сколько, по-вашему, весит бортовой залп двадцати теперешних дредноутов?

Конечно, не все знали эту умопомрачающую цифру, но все твердо помнили, что, кроме линейных кораблей, есть еще крейсера, броненосные и легкие, есть истребители, наконец подводные лодки. Многие парни из Блайс побывали на королевской службе, а кое-кто и сейчас еще носит синий воротник. По правде сказать, Чарли Лидсу и Уиллу Толчеру просто подвезло в том, что они могли еще целую неделю рассуждать о политике. Несколько резервистов, попавших на корабли флота метрополии, почему-то были задержаны. И тут Уилл уверенно рассуждал по этому поводу:

— Первый флот,[1] это, чорт побери! — четыре эскадры лучших линейных кораблей, эскадра линейных крейсеров, три эскадры крейсеров, четыре флотилии истребителей, по двадцать каждая. Каково?! Это такая гиря в Европе, что все подожмут хвосты. Никакие весы не выдержат. Адмиралтейство знает, что делает.

Оратор со свирепым видом обводил присутствующих взглядом, вызывая сомневавшихся на поединок; но собеседники согласно кивали головами, благодушно отпивали очередную порцию из своих кружек, а Чарли поддерживал авторитет приятеля.

— Разумеется, адмиралтейство, да и парламент тоже, — без парламента здесь, я думаю, никак не обойдется, — знают, что делать. Лучше людей задержать на пару лишних недель, чем доводить дело до войны. Вот как я соображаю.

Все снова кивали головами и опять прихлебывали словно по команде. А потом толстый Уилл вытаскивал огрызок карандаша и тут же на полях газеты на память высчитывал, сколько орудий имеют германские и французские дредноуты, сколько крейсеров могут выслать немцы против коммерческих линий англичан. Иногда он приносил замусоленную карту мира в меркаторской проекции.[2] Там бесчисленными точками были обозначены все порты, где ему удалось побывать; и показывая на трэки океанских путей, Толчер расставлял воображаемые крейсера, охранявшие жизненные нервы Британской империи.

— За канал я спокоен, — объявлял уверенно Уилл, и все лицо его, и толстые, оплывшие щеки и крупные мокрые губы и маленькие, узкие глаза, сияло, не то отражая блеск лампы, не то внутреннее вдохновение. — За канал я спокоен, чорт побери! Это тут под боком. Его стережет сам флот метрополии. Но вот где загвоздка,

---

[1] В 1914 г. английский флот метрополии был разделен на три флота, отличавшиеся различной степенью укомплектованности и готовности.

[2] Проекция, используемая на морских картах, а также удобная для развернутого изображения поверхности земного шара. Названа по имени изобретателя Меркатора.

чорт побери! Дьявол должен стать святым, чтобы разобраться в этих пучках.

Толчер тыкал темнокоричневым пальцем в пучки и переплетения синих линий, покрывавших районы Канарских островов, у берегов Южной Америки, у Пернамбуко, южнее Нью-Фаундленда, у Цейлона и другие.

— Если верить вчерашним газетам, немцы сидят в Киа-Чао и в Мексиканском заливе, — деловито вставлял Чарли, вытирая черные усы большим носовым платком с красной каймой, — если наши не прохлопают, их всех можно загнать в мышеловку.

Все одобрительно крякали, допивая последние глотки, и не осмеливались возражать авторитету старых моряков. Уилл с достоинством прятал карту за пазуху и скромно умолкал, заново набивая трубку. Чарли, сосредоточенно глядя в угол комнаты, посасывал свою. Маляр Том отчего-то вздыхал и рисовал пальцем на клеенке стола непонятный узор. Другие деловито помалкивали, выпуская время от времени тучки дыма. Сизые клубы колебались, лениво круглились, разваливались и слоями ложились над столом, над головами.

Потом расходились по домам. Стук тяжелых башмаков далеко и звонко разносился по засыпающим улочкам. Слегка возбужденные элем мысли текли плавно и гасли, оставляя приятное уверенное чувство. Разве станут выдумывать такие парни, как Чарли и Уилл? Кочегар-то еще любит поболтать лишнее, но Чарли всегда был хозяином своего слова. Угольный Блайс хотел мира. Черная вода в своем глянце безмятежно отражала огни заночевавшего парохода. Полисмен Симпсон, заложив большущие руки за спину, степенно обходил набережную, оберегая покой граждан. Суфражисток в городе не было, а стрельба синфайнеров в Хаут под Деблином, где транспорт выгрузил еще партию оружия, в конце концов была таким делом, которое разбирало там, в Лондоне, министерство внутренних дел. Да и самому знатоку политики и военного дела Уиллу Толчеру, надо полагать, было гораздо приятнее рассуждать за кружкой эля, чем обливаться потом в кочегарке. Поэтому можно представить, с какой красной рожей ввалился он к Лидсам в воскресенье второго августа. Конечно, это было воскре-

сенье. Сид до сих пор хорошо помнит, что утром они ходили в церковь святого Кесберта, потом погуляли, и только после ужина отец закурил трубку и сказал... Да, именно так сказал матери:

— А ведь драка в Европе начинается, Шарлот. И никаких полисменов нехватит, чтобы ее утихомирить.

В это время постучал толстый Уилл и, не дожидаясь ответа, сразу же вбежал, задыхаясь, и, несмотря на воскресенье, поминая чорта.

— Чарли Лидс!.. Это вы, чорт побери! Правда, здесь написано мое имя, но вы тоже получите такую!

Он протягивал отцу какую-то небольшую бумажку. Толстые пальцы его дрожали. Глаза, — и это было удивительнее всего, — стали большими и испуганными.

Мать вздрогнула, как будто ее неожиданно толкнули. Румянец сбежал с красивого лица; чашка, которую она вытирала, чуть не выпала из рук, но миссис Лидс машинально прижала ее к груди и прежде, чем муж успел взять бумажку, кинулась к Уиллу сама. В это время постучал, а затем, быстро топоча по лестнице, вбежал рассыльный с телеграфа, Бэн.

В воскресенье второго августа 1914 года война вошла в дом Лидсов. В этот час склонявшееся на запад солнце бросало лучи прямо в открытое окно. Было душно. Блайс дышал пылью, и морской ветер ленился разогнать ее. Воскресное оживление на улице показалось невеселым, а толстый Уилл Толчер так беспомощно опустился прямо на высокую скамью, что его стало жалко. Бэн, смешно заморгав, хотел что-то сказать, но только приложил руку к кепи. Прошло уже несколько минут как он ушел, а все молчали. Отец неуверенными шагами приблизился к окну и, опершись руками на подоконник, долго смотрел на другой берег реки, как будто бесформенные груды железного лома, сваленные там, могли открыть ему ясный горизонт. А может быть, просто тоска заглянула ему в сердце. Может быть, ему уже слышалось завывание ветра, мерещилось бесконечное качание туч?.. Волк молчал.

Мать с полотенцем и чашкой в руках смотрела, не решаясь нарушить его думы. Младшая, Эсси, ухватилась

за ее юбку и голубыми глазками внимательно смотрела на всех, пытаясь найти объяснение, почему воскресный день вдруг стал таким печальным. Он, Сид, стоял в противоположном углу от окна, терпеливо ожидая, что будет дальше. Он хотел даже спросить, но отец вдруг повернулся и сказал так строго, так сердито, что спрашивать больше не захотелось.

— Уилл, не будьте шваброй. Король знает, что делает, а мы любим нашу родину, наши семьи. К тому же мы с вами в свое время давали подписку. Закон есть закон. Так я соображаю. А потом мобилизация еще не значит — война. И разве мы с вами не слыхали, как барабанят двенадцатидюймовые? Сами же вы высчитывали, что у немцев больше употребляются одиннадцатидюймовые. Лишний дюйм в нашу пользу. Давайте собираться. Мы как раз успеем на вечерний поезд.

Отец пытался шутить, он даже попробовал улыбнуться, но только шевельнул усами и опустил голову, на висках которой уже лежала серебряная паутинка. А Уилл засопел и хрипло откликнулся:

— Слыхать-то я слыхал, а подставлять собственную броню не пробовал. А насчет закона вы правы. Подписка дана.

Опустив голову, тяжелой походкой он побрел собираться в путь. В тот день они уже не устраивали политических бесед ни у мистера Мэк-Ки, ни дома; но многие из друзей и знакомых заходили попрощаться, и все старались быть веселыми и уверенными.

— До свидания, дружище Чарли. Разумеется, вы не дадите промаха.

— Молодчина Уилл, вы покажете, конечно, как надо держать пар. Передайте привет и наилучшие пожелания Бобу Роджерсу. Он так и застрял на «Монархе». Угораздило же его попасть в Первый флот.

Все выражали твердую уверенность, что войны не будет.

— Зачем нам вмешиваться в чужие дела? Наш флот — достаточная острастка!

Честные граждане не знали, что непонятная для них машина войны была уже пущена в ход, что война была решена, что добрый король, рассудительный парламент

и дельцы-министры только ждали уважительного предлога.

Честный служака, петти-офисер [1] резерва королевского флота Чарли Лидс натягивал синюю блузу, — германские корпуса подходили к бельгийской границе, министры готовили ультиматум.

Старый кочегарный петти-офисер резерва королевского флота Уильям Толчер застегивал парусиновый чемодан, — флот метрополии, срочно переименованный в Главный (чтобы не раздражать обидчивые доминионы), уже скрывался в туманной Скапа-Флоу, и Боб Роджерс, которому следовало передать привет от его матери, терпеливо считал томительные минуты у дежурной пушки, оберегая дредноут от возможной торпедной атаки.

Стройная, все еще красивая мать стояла у кровати, куда она выложила все необходимые вещи мужа. Он, бормоча что-то добродушное, успокоительное, давая указания и советы по хозяйству и о том, как рассчитаться и договориться у мистера Пуль, сам пересматривал их, развертывал, снова складывал и аккуратно прятал в небольшой на вид чемодан, который вдруг оказался бездонным, старый неизменный спутник, плававший еще в дни Бурской и Китайской кампаний. Шарлот потухшими глазами смотрела то на него, то на черное распятие, висевшее в изголовьи постели. Она еще во что-то верила, а может быть, безмолвно просила. Разумеется, она не знала, что английским пароходам уже запрещен выход из Гамбурга, что муж ее сестры с риском, оплаченным двадцатью пятью фунтами, вез некоего мистера Тэйлор в устье Темзы.

За этим грустным занятием застал их преподобный мистер Коллинс. Священник был еще молод, и каждый встречный на улице мог в любой момент убедиться, что духовный отец граждан городка Блайс преисполнен доброты и благодати. Толчер даже утверждал, что внутри у министра Коллинс стоит масленка. По мнению Уилла, масла в ней было так много, что оно само собой просачивается через глаза. В данном случае молодой, но уже уважаемый наставник, повидимому, совсем опроки-

[1] Унтер-офицерский чин.

нул свою масленку. Он крепко пожал руку моряку, поцеловал детей в лоб и простер руку к женщине. Неизвестно, хотел ли он ее нежно, отечески погладить по голове, а может быть, даже наградить успокаивающим поцелуем или просто благословить, но Шарлот вдруг отшатнулась и взглянула так сердито, что священник сделал шаг назад, и смог только пролепетать:

— Мужайтесь... Уподобляйтесь нашим героям...

Он кивнул головой на изображение всем известного адмирала, сраженного на палубе своей «Виктории».[1]

— Я не плачу, преподобный отец Коллинс. Я не плачу. Но зачем все это? Уже больше двух недель я мучусь!

Мать сказала так резко и вместе с тем так грустно, надорванно, что и Сиду и Эсси стало страшно. Сид тяжело засопел, а Эсси не выдержала и кинулась к матери. Отец поднялся с пола и вытянулся перед преподобным мистером Коллинсом. «Волк» был на целую голову выше, и пастор должен был задрать нос, чтобы убедиться, сколь сильно дьявол заполонил эту честную матросскую душу. Волосы и усы морячка были в беспорядке, глаза сверкали.

— Не беспокойтесь, преподобный отец. Мы любим короля и родину. И мы подписывали контракт. Все будет сделано по закону. И божьему и человеческому. Моя Шарлот — жена моряка.

А достопочтенный, хотя и молодой мистер Коллинс начал шарить руками в карманах и заговорил ласково и торопливо:

— Что вы? Что вы, уважаемый Лидс. Мы не оставим вашу Шарлот и ваших милых детей. Я только хотел попрощаться. Кто знает, надолго ли... Вот, я хотел показать вам...

Он наконец нашел то, что искал. Это была газета. Совсем свежая. Красным было отчеркнуто:

«... 1. Люди[2] Королевского морского резерва и королевского флотского резерва и офицеры и люди Коро-

---

[1] Знаменитый адмирал Хорэйшио Нельсон, возведенный в национальные герои Англии.

[2] В английском флоте матросы «нижние чины» называются «men».

левского морского волонтерского резерва призываются на действительную службу.

2. Офицеры Королевского морского резерва призываются для действительной службы.

3. Служба людей, оканчивающих свой срок во флоте, увеличивается на 5 лет, если их служба понадобится так долго. . .»

— Именем короля. . . Король знает, что делает. . . — пробормотал Чарли, все-таки он помрачнел и отдал газету.

В это время послышались тяжелые шаги, дверь распахнулась, и в комнату снова ввалился толстый Уилл.

— Прощайте, прощайте, вы, испанские леди! — Он, как видно, хватил на дорогу. Однако, увидев преподобного мистера Коллинса, догадался замолчать и даже снял фуражку.

— Я готов, Чарли. Я готов. . . Прощайте, Шарлот. Прощайте, дети.

Все, кроме уезжающих, были в праздничных платьях, и переодеваться не пришлось. Мать только пригладила детям волосы, а сама надела шляпку. В то время, как сумерки стали падать на городок, в то время как в столицах Европы уже бушевали демонстранты, а к границам тянулись запыленные эшелоны, Чарли Лидс со своим другом Уиллом Толчером в окружении родных двинулся в путь.

Снова на железную палубу. Снова под флаг святых Андрея, Джорджа и Патрика. Снова в разлуку.

«Прощайте, прощайте, вы, испанские леди!» — так поется в старинной матросской песне; и Уилл, старый кочегар, пытался напевать ее, вышагивая своими слоновыми ногами по направлению к станции.

Впрочем, никто не поддерживал его. Шли быстро и молча. Впереди уезжающие с чемоданами на плечах. За ними семенила сухая, маленькая миссис Толчер, потом твердой поступью Шарлот вела за руку Эсси, а следом шествовал Сид. Он и сейчас помнит проводы; теперь, спустя двадцать лет, может представить, как солидно, совсем по-мужски, шел вслед за старшими: руки в карманы, слегка покачиваясь, а костюм был с белым отложным во-

ротничком, с малиновым галстухом, и это было чертовски красиво и придавало важность.

Встречные люди останавливались и смотрели вслед. Некоторые говорили: «мобилизация... наши моряки уже отправляются». Кто-то из знакомых подошел к отцу и стал расспрашивать. Кто-то пошел вместе. Кажется, это был жилец, который целый день прогулял со своей милой и ничего не знал, что делается в городе.

А по улицам уже бежало это таинственное слово «мобилизация». Оно звучало тревожно, и хотя за последние недели к нему стали привыкать, хотя оно уже появлялось на столбцах газет и в объявлениях адмиралтейства, недавно проводившего пробную мобилизацию флота, казалось, люди стали понимать его настоящий смысл только сейчас.

— Мобилизация!

— Соберите три смены белья и не забудьте по одной катушке белых и черных ниток и зубную щетку.

— Мобилизация объявлена!

— Петти-офисеру полагается ходить в тужурке Посмотрите, есть ли у вас с собой дюжина чистых воротничков.

— Мобилизация всего королевского флота! Разрешено реквизировать частновладельческие суда. Не состоите ли вы, кстати, членом Лиги военного флота?

Мобилизация армии может происходить неделями, перволинейные войска экспедиционного корпуса смогут высадиться на материк через две недели, но флот приводится в готовность в первые же двадцать четыре часа. Королевский флот — первая защита Соединенного королевства. Королевский флот — гордость нации. Успели ли вы сделать все распоряжения по дому и службе? Торопитесь! Если брак ваш не узаконен, если ваши документы не в порядке, то в случае несчастного, хотя и почетного исхода может выйти затруднение с получением пенсии, а сыновьям не будет оказано должное предпочтение при приеме на военно-морскую службу. Если же вы в порядке, то от вас требуется немного: попрощаться и как можно скорее выехать в приписной пункт. В конце концов, это уж не так трудно. Страна славится своими

железными дорогами, и из конца в конец можно проехать в сутки.

Весть о мобилизации уже пробежала по всему городу. Люди, встречаясь, собирались группами и толковали о том, что бы это могло значить. Но никто еще не осмеливался громко произнести слово «война». И никто еще не выражал желания итти добровольцем.

На улице Моста уезжавших догнала Кэт, дочка дяди Сэма. Соломенная шляпка болталась у нее на спине. Девочка совсем запыхалась и, схватив Шарлот за свободную руку, заговорила, захлебываясь:

— О, тетя Шарлот, к нам приходил мистер Мэддисон и сказал... Важная телеграмма... Вызывают... Что Уот должен принять участие... в службе... Ее организуют для охраны устья Тайна... Лига военного флота призывает своих членов... Говорят, это по всему восточному и южному побережью... Правда это?.. Мама боится, что будет война... А Уот смеется и слушать ее не хочет...

Сид, недовольный, что Кэт, не обращая внимания, пробежала мимо, хотел пристыдить ее и объяснить, что такое мобилизация, но подходящих понятных слов не нашлось, и он только презрительно подумал о девчонках, которые ни на иоту не разбираются в военных вопросах. Потом он подумал об Уоте, который приходился дальним родственником, и стало досадно, что даже такие шелопаи, каким был Уот, становятся центром внимания только потому, что им повезло с годами. «Волк», услышав тревожный лепет Кэт, замедлил, обернулся и подозвал к себе.

— Отец еще не вернулся?

— Нет, но мы получили от него деньги. Теперь ждем его. А Уот не хочет ждать! Мама очень волнуется. Она послала меня к вам. Я едва догнала. Куда вы уезжаете, дядя Чарли?

— На корабль, Кэт. На корабль. Не надо бояться. Король зовет нас послужить еще немного. Передайте поклон отцу и матери. И Уоту тоже. Пускай он едет. Ведь он в Лиге тоже давал подписку. Так я думаю...

Потом повстречался сам мистер Пуль: он шел прямо по мостовой и катил коляску, в которой шевелился его

наследник. Это явление было совсем необычайным: солидный, хорошо одетый мужчина, торопливо катящий перед собой коляску, — даже прохожие останавливались и глядели ему вслед.

— Ах, вы в самом деле уезжаете, Лидс? Что же я буду делать без вас? Вы навели у меня отличный порядок.

— Джон Робинсон справится, сэр. Я ему только вчера объяснил, как нужно швартовать суда. Он, правда, любит выпить, сэр. Но очень немного, смею вас уверить. А на счет меня... Жена зайдет. Она знает.

— Все, все сделаем, Лидс! И место за вами!

— Зачем вы так поздно возите по улицам ребенка?— вмешалась в разговор Шарлот и строго посмотрела на представительного мистера Пуля. Тот состроил в ответ одну из своих кривых улыбок, которая должна была выражать нечто среднее между любезностью и смущением.

— Жена в Лондоне. Еще не вернулась. А Мэри отпросилась на вечер. Думал посидеть дома, но такие необычайные новости! Я ходил сейчас к мэру.

— Ах, вот как?!

Сид видел, с какой надеждой взглянула мать на мистера Пуля, как придвинулся к ней отец, а за ним и толстый Уилл с женой. И мистер Пуль почувствовал сразу прилив ума и красноречия. Он внушительно поднял левую руку, как бы призывая в свидетели само провидение, и сказал:

— Я думаю, все обойдется хорошо. Маленькие осложнения в Европе. Наш король просто предусмотрителен. Если вы не хотите, чтобы хулиган испортил цветы в нашем саду, вы погрозите ему кулаком. Неправда ли? Но идите, идите, добрые люди. Я вас задерживаю. Будьте спокойны — мы верим в силу королевского флота и его молодцов. Прощайте, прощайте!

Он начал трясти руки и Чарли и Уиллу. Моряки смутились и даже опустили чемоданы на землю. А представительный мистер Пуль громко рокотал на всю улицу:

— Боже, храни короля и Британию и вас, мои друзья!

Миссис Толчер растрогалась, стала сморкаться. Мать улыбалась печально и ласково и смотрела на хозяина

благодарным взглядом. Люди столпились вокруг, говоря друг другу:

— Смотрите, как добр мистер Пуль. Как он провожает своего честного работника.

Они начинали тоже пожимать руки морякам, так что те совсем растерялись и стали побаиваться опоздать на поезд.

Тьма быстро заполняла улицы, и уже трудно было разобрать лица. На станции горели ровные, какие-то тусклые огни, и в свете их Блайс запечатлелся напоследок в памяти уезжавших друзей печальным и скучным, хотя немало счастливых дней было прожито в его скромных кварталах, над которыми громыхали по эстакаде вагоны с углем.

4

Не будем описывать бессонную ночь в вагоне, тревожный, томительный путь в Лондон. Зубец шестерни, управляемый ходом большой машины, зацепил маленькое колесико. Оно завертелось, покатилось по точно вымеренному пространству; и автоматически действующие рычаги то стопорили, то вновь направляли его, пока колесо не совершило должный кругооборот, пока наши резервисты не отрапортовали о явке дежурному офицеру в Портсмесских королевских казармах. Если бы бравый черноусый (несмотря на свои сорок с лишним лет) Чарли Лидс был склонен предаваться художественным сравнениям, он, наверное, сравнил бы этот эпизод в своей жизни с работой подающего башенного механизма. Однако он и его друг Толчер устремляли мысли в другом направлении; даже тогда, когда они добирались с вокзала Мэрилебон на вокзал Уотерлоо, когда с высоты крыш между церковных и дворцовых шпилей на них посмотрели мачты адмиралтейского радиотелеграфа.

Если вы бывали до мировой войны в Лондоне и посещали район Трафальгарской площади, то, вероятно, помните небольшой магазин писчебумажных товаров, расположенный между площадью и Стрэндом.[1] Сам по

[1] Одна из главных улиц Лондона.

себе магазин ничем не был замечателен. Он запоминался благодаря хозяевам. Это была супружеская пара преклонного возраста: оба толстенькие, розоволицые и беловолосые. Казалось, мистер и миссис Бриджер (каковое имя значилось золотыми буквами на маленькой вывеске над единственной витриной) только что приняли ванну. А так как они обладали исключительно приятной наружностью и приветливостью, то запечатлеть их в памяти было легко, и магазин пользовался доброй славой во всем квартале.

В тот незабываемый день, Бриджеры стояли у своего подъезда. Пренебрегая катившимися пестрыми автобусами, они самым милым образом поглядывали на прохожих. Было именно так: солнце только что нашло лазейку для своих лучей между крыш и зубчатых труб; золото букв замирало на стене дома; мистер Бриджер, слегка покряхтывая, опустил над витриной полосатый тент; миссис Бриджер еще лишний раз протерла медь большой ручки на входной двери. Старички, улыбаясь совсем по-молодому, взглядывали на спешивших мимо людей, но никто не останавливался, и миссис Бриджер даже вздохнула:

— Неужели им сегодня не надо?

Вот показалась стройная и ярко одетая дама. У ее ног бежала маленькая собачка, похожая на обезьянку. Собачка заинтересовалась мистером Бриджером и стала тыкаться носом в концы его начищенных ботинок. Мистер Бриджер зачмокал, погладил собачку по голове и, как бы извиняясь, раскланялся перед важной леди, а его жена без слов свидетельствовала, что собачка великолепна и что леди может найти в магазине все, что угодно. Словом, чета Бриджер была на своем посту.

Разумеется, они не прогнали от своих дверей двух моряков, высокого черноусого и низкого толстого, когда те, обливаясь потом, остановились и опустили чемоданы на землю.

— Жарко, молодцы? — участливо спросил мистер Бриджер, щурясь от солнца.

— Будет жарко! — выразительно пробурчал Уилл, снимая фуражку и ладонью смахивая капли пота с лысого лба.

— Сегодня утомительный день, — согласился мистер Бриджер, в свою очередь утирая лысину и лоб батистовым платком с большой, вышитой голубым шелком, буквой «Б». — У меня даже болят ноги.

— Ревматизм? — вежливо осведомился Лидс, набивая трубку.

— Нет, просто устал. Со вчерашнего дня столько покупателей, что едва хватило бумаги.

— У кого что, — согласился с мрачным видом Уилл. — У моей бабушки всегда болел язык за праздничным обедом.

Мистер Бриджер собирался уже распространиться, как он своевременно догадался нанять мальчишку клеить французские и бельгийские флажки, как миссис Бриджер едва не погибла на своем посту, будучи раздавлена массой народа, которая вчера ворвалась в магазин и потребовала национальные флаги дружественных стран; но, словно в подтверждение его слов, со стороны площади внезапно показалась толпа людей. Не особенно старые, но и не столь свежие джентльмены наступали плотной фалангой и кричали:

— Скорее! Скорее! Обойдем по набережной!

Многие из них размахивали сине-бело-красными бумажными флажками, многие несли эти цветы в петлицах и на шляпах. Мистер Бриджер, завидев демонстрантов, легонько подтолкнул супругу к прилавку, прервал разговор и восторженно замахал шляпой.

Несколько бойких молодцов кинулись к мистеру Бриджеру и потребовали, чтобы он немедленно снабдил их бельгийскими цветами. Моряки едва успели отступить к стене дома, как толпа густо заполнила улицу, останавливая движение.

— Ну, Уилл, мне думается, мы опоздаем на поезд, — покачал головой Чарли. — Тут и кулаки не помогут.

— Смотрите, как досталось этой молоденькой леди, — откликнулся Уилл, — эти жеребцы сыграют ею партию в футбол, если не помочь ей выбраться на чистую воду!

Кочегар засучил рукава и уже собирался внушительно крякнуть:

— Держитесь, леди, прямо сюда. Мы вас не дадим в обиду!

Но в этот момент, как из-под земли, выросла фигура морского офицера, — откуда только он взялся тут?! — Лидс немедленно ткнул товарища в бок, и Толчер прикусил язык. Резервисты вытянулись и прижали руки по швам, — чем короче становился путь, тем скорее действовала старая флотская пружина. Лейтенант крикнул коротко и резко:

— Прочь! — Потом ловко задержал локтем какого-то верзилу в котелке и подал руку запыхавшейся девушке. Через мгновение они скрылись в магазине Бриджеров, а успокоившийся петти-офисер Лидс сказал назидательно:

— Молодчина! Он поворотливее вас, старина. Однако попробуем итти по течению.

Друзья снова вскинули на плечи чемоданы и двинулись к Темзе, подгоняемые общим движением.

— Мне уже кажется, что я и не снимал синей блузы, — пробормотал кочегар.

— Мы с вами — в одной шлюпке, — откликнулся Чарли Лидс.

Немного помолчали, а потом, когда перешли шумный перекресток, напоминавший бедлам для людей и автомобилей разного вида, стали подсмеиваться над розовым упитанным старичком, которому тревожные дни доставляли хлопоты исключительно приятного свойства.

Они вспомнили приветливого, разговорчивого мистера Бриджера впоследствии еще раз, на корабле, рассказывая товарищам, как добирались по улицам столицы, поспешая по вызову. Но ни разу не пришли в память ни испуганная девушка, у которой из-под шляпки выбились растрепанные светлые, как лен, локоны, ни ловкий лейтенант, увлекший ее в магазин. Да и стоило ли думать о встрече с офицером? Важно было то, что благополучно разделались с ним, а лейтенантов много, даже очень много в королевском флоте.

Но мы позволим себе быть любопытными и заглянем в магазин мистера Бриджера. Последний, освободившись от шумных джентльменов, уже спешил к хорошенькой

посетительнице, манеры, костюм и спутник которой говорили о ней как о выгодном клиенте.

— Миледи, конечно, хочет украсить себя флажками всех дружественных наций?

— Ах, правда. Я и забыла, зачем шла! Хэл, как неожиданно!.. Вы появились как рыцарь в старинном романе... Прошу вас, французский и бельгийский... Я не думала, что это вы... Я даже испугалась... Нет, больше не надо... Пойдемте, Хэл. Выведите меня. На Трафальгарской площади ужас, что делается. Простой народ ведет себя тише.

Мистер Бриджер раскланивался у входа, но молодые люди видели его мельком. Мистер Бриджер любезно улыбался. Он нисколько не обиделся, что молодые люди не ответили столь же приятной улыбкой. Напротив! Когда посетители ушли, старичок сказал многозначительно, почти нараспев:

— В каждом из ее кристальных глаз улыбается нагой мальчик-купидон.

Мистер Бриджер любил старинных мастеров пера, в частности творения лорда Серри.[1] Миссис Бриджер вздохнула в ответ. А счастливая пара, не думая о старости, шла дальше среди взволнованного потока людей.

Молодые люди вели торопливую беседу. Лейтенант, которого девушка называла Хэл, рассказывал, как он был вынужден бросить автомобиль, чтобы проложить себе дорогу на службу. Девушка, которую ее спутник называл Бэл, болтала о том, что она пошла к их общей знакомой Дайэн Монахен и решила купить эти миленькие флажки.

— Ах, подумать только, Хэл! Какие дни! Я ничего не понимаю в том, что происходит. И так неожиданно. Так бурно. Мы сидели с мамой на пляже, когда принесли телеграмму. Боб уезжает. Уходит на корабль. Может быть, в бой! Подумать только!

— Еще война не объявлена, моя дорогая Бэл.

Нет, но отец говорит, что надо быть готовым, чтобы исполнить наш долг. Отец никогда не говорит зря. Но смотрите, как мы пройдем через площадь?

---

[1] Английский поэт первой половины XVI века.

Действительно, тысячи людей устремлялись в правительственный квартал. Подступы к Черинг-Кросс преграждались плотной стеной из спин. В сторону Пель-Мель[1] уходила река шляп и котелков. Стояли обессилевшие автобусы, такси, кебы. Полисмены молчаливо, вежливыми, но решительными жестами, как бы подталкивали толпу, отнюдь не думая ее разгонять, но лишь направляя движение.

— Мы перейдем к Национальной галлерее, и там вы сможете отступать через Лестерскую площадь, — бодро сказал лейтенант. — Смелее вперед. Пока они атакуют Нельсона, мы пробьемся. Колонна не упадет; сэр Хорэйшио Нельсон[2] останется цел, а потому пугаться не стоит. Но как я рад, милая Бэл. Как я рад! Мне хотелось говорить с вами все эти дни. Столько мыслей, но я боюсь, что нашу свадьбу придется отложить, пока горизонт не прояснится.

Они уже стояли у Национальной галлереи, но не расставались. У девушки алели щеки, у лейтенанта горели глаза. Форма обязывала держаться строго, но появлялось неудержимое желание смеяться, и улыбка плясала на тонких губах. Обоим хотелось говорить, и они бестолково пытались рассказать друг другу массу разнообразных вещей.

Наконец возле завыл, зафырчал автомобиль, разукрашенный яркими призывами покупать муку «Нестле», за ним откликнулся другой, бесконечная лавина уличного движения дрогнула и двинулась совсем рядом. Они оглянулись и оба сказали: «пора». При этом снова посмотрели в глаза друг другу и еще раз улыбнулись.

— Пора, — деловито повторил офицер. — Ваш отец ждет меня. До вступления в дежурство мы должны сделать гору работы. А вас ждет мисс Монахен.

— О, она была бы рада повидать и вас, — Бэл бросила из-под шляпы лукавый взгляд.

— Я могу только просить передать ей привет.

---

[1] Пель-Мель, также как и Черинг-Кросс, — одна из главных улиц Лондона.

[2] В честь адмирала Нельсона на Трафальгарской площади поставлена колонна.

Теперь оставалось разойтись. Бэл уже сделала шаг назад, но вдруг повернулась.

— Хэл, Боб уезжает завтра. Вы, конечно, приедете провожать? Рэф тоже должен приехать.

— Конечно, конечно...

Он хотел сказать еще что-то, но удержался и только отсалютовал рукой.

«Лейтенант Бредфорд — восторженный мальчик и счастливый жених, — мелькнула смешливая мысль. — Жаль, здесь не было Рэфа. Для Рэфа это было бы хорошим случаем отколоть пару шуточек. И все-таки она — настоящая женщина, и с ней стоит сыграть игру в жизнь».

...Это было давно, на краю земли,
В стране, где плывут корабли.
Там жила та, чье имя вы слышать могли.
Это имя — Энабел-Ли.
Ах, та девушка мысли не знала иной,
Как любить и любимой быть мной...[1]

Офицер быстро зашагал, обходя площадь, вызывая в памяти музыку строф Эдгара По, пробираясь ко дворцу, название которого было известно во всем мире.

Этот дворец хранил точную память о смелых разбойных экспедициях в обе Индии и к мысу Доброй Надежды, о тревожных днях угрозы нашествия испанцев и французов. В нем бесперебойно целые сотни лет работал один из механизмов войны, та самая шестерня, поворот которой поднял тысячи людей и двинул их в базы, в казармы, на корабли; которая гнала, заставляя ускорять шаги, Чарли Лидса и Уилла Толчера.

Проходя по мосту Черинг-Кросс, моряки-резервисты увидели высокие мачты, связанные проволочными пучками, но им не пришло в голову подумать, что под крышами, над которыми поднимались эти мачты, учтивые джентльмены, отмеченные золотом и орденами, подготовляли дальнейшую судьбу их, просто «людей» королевского флота. А если бы наш толстяк-кочегар имел воз-

[1] Встречающиеся в романе стихи Эдгара По и Байрона даны в переводе Кс. Лукьяновой.

можность заглянуть в один из кабинетов, он, вероятно, чертыхнулся бы от удивления при виде большой карты мира в меркаторской проекции.

Действительно, на громадном столе лежала карта, подобная той, которую Уилл носил за пазухой. Правда, на карте не было таких точек, которые обозначали странствования кочегара Толчера, но булавки с цветными флажками отмечали пути и якорные стоянки других многих сотен людей, которые составляли собою команды боевых кораблей. Линейные корабли, крейсера, миноносцы, канонерки и подводные лодки, общим числом свыше сотни, не считая тех, которые еще сосредоточивались, отмобилизовывались и готовились к выходу в портах Великобритании, были разбросаны по всему земному шару, оберегая трэки пароходных и парусных линий. И эти трэки синели здесь точно так же, как и на замусленной карте Уилла, перебрасываясь через моря и океаны, свивая густую паутину от Дувра до реки Гудзон и до Антильских островов, у Гибралтара, у островов Зеленого мыса, Ла-Плата, Цейлона, Сингапура и во многих других местах, обозначая бесследные дороги купцов и завоевателей, — тонкие щупальцы многоногого спрута, который лежал на белых скалах Альбиона[1] и искал себе пищу во всем мире.

Но это была не только просто карта, наглядное изображение земной поверхности в удобной для морских расчетов проекции. Это была сложная задача с несколькими неизвестными: ребус, который решали специально отобранные и назначенные офицеры. Время от времени к столу подходил один из них и перебирая ворох листков, аккуратно вымерял циркулем расстояние, делал короткие надписи мягким карандашом, снимал и переставлял флажки. Иногда подходили высшие чины Штаба и Адмиралтейства, вплоть до самого первого лорда. Тогда в комнате и в смежных кабинетах становилось особенно тихо. Напряженная мысль силилась найти разгадку тайны, которая скрывалась в этом пестром, на первый взгляд беспорядочном расположении флажков.

[1] Древнее название Великобритании, происходящее от белых скал, обращенных в сторону Галии (ныне Франции).

В тот день и час, когда наши моряки-резервисты следовали и прибывали на место явки, у генеральной карты встретились двое офицеров. Оба были высоки и стройны. Оба могли поспорить выправкой, безукоризненными линиями платья, белизной воротничков и четкостью блеска нашивок. Но жесты одного были полны уверенности. Властность сквозила в его отрывистых вопросах и репликах. Властность была и в повороте головы, когда он поднимал глаза в сторону собеседника. А в плотно сжатых, как бы прикушенных губах, таилась умная усмешка. Другой был младше по чину и соответственно почтителен. Правда, он позволял себе говорить и даже излагать личные суждения, не дожидаясь вопросов, но высказывания его облекались в самую вежливую форму, причем руки избегали лишних жестов и в выражении лица отнюдь не было насмешливости. Напротив, оно казалось слишком серьезным для такого молодого возраста. И только по этой разнице в манере разговора да еще по золотым нашивкам на обшлагах и количеству орденских ленточек, становилось понятным, кто из собеседников был старше. Слова же их звучали одинаково быстро, четко, почти резко.

Впрочем, голос старшего офицера иногда терял официальную жесткость. Комодор начинал говорить теплым наставническим тоном. Это был знак несогласия, снисхождения к молодости.

— Не будем опрометчивыми, Хэл, — говорил начальник. — Первый лорд справедливо опасается трех моментов начала войны: внезапное нападение немцев на наши главные силы, минная опасность и паралич морской торговли. В силу специфического положения германского флота, мы, несомненно, находимся в настоящее время в положении, когда приходится оспаривать господство. В таком случае для нас, как для морской державы, морская оборона означает не что иное, как содержание флота в активной готовности. Именно в состоянии активной и энергичной жизни. И да не смущает вас эта, на первый взгляд пассивная, формула: «Флот в готовности».[1] Это понятие надо расширить, Хэл. Расширить до обозначе-

[1] «Fleet in being». Иногда это выражение переводят буквально, как «флот в существовании».

ния им обороны против всякого рода наступления на море. — Комодор подумал и добавил почти грустно: — Только тогда, когда положение изменится в нашу пользу, мы можем перейти к методу прямого обеспечения господства посредством решительного боя или тесной блокады. А до тех пор — уклонение от решительного сражения путем стратегической или тактической активности повсюду. Вот закон, Хэл, который выведен всеми примерами истории. Я знаю, вы принесли с собой с корабля задор и желание прямого, короткого удара, но помните, под этой крышей вы отвечаете не только за себя, но за всю страну; не только за час текущей жизни, но за десятилетия вперед. Извините меня, я пользуюсь небольшим затишьем, пока члены правительства договариваются в парламенте, и хочу пояснить вам всю ответственность момента. Наша задача — развернуть силы так, чтобы парализовать наступление противника всюду.

Глаза младшего офицера сверкнули.

— Всюду, сэр? Но хватит ли боевых единиц, чтобы покрыть ими все мировые перекрестки и заткнуть все щели?

— Хватит, Хэл!

Чуть заметные лапки морщинок обозначались у глаз комодора. Искры блеснули в зрачках. Губы слегка дрогнули. Это обозначало улыбку, и притом добродушную.

— Хэл, вы опять волнуетесь как напроказивший школьник. Я не сомневаюсь в наших вычислениях. Но задача решается не только математически, геометрически, но и посредством еще некоторых вводных данных, например, имени непобедимого Альбиона, а также тех, которые могут быть доставлены разведкой.

— Сэр, я очень ценю вашу заботу, но данные разведки говорят не в нашу пользу. Мне передана по дежурству последняя разведывательная сводка. В ней дается достаточно красноречивый список немецких пароходов. Они забились в портах Испании и Португалии как тараканы в щели. Среди этих кораблей есть такие, которые мы числим вероятными вспомогательными крейсерами.

— Я знаю этот список, Хэл.

Складки у глаз начальника выровнялись. Взгляд вновь устремился на карту. Напоминание помощника, очевидно,

вызвало какие-то опасения. Молодой офицер заметил это и продолжил, чеканя каждое слово: — Пятая эскадра крейсеров адмирала Стоддарта совершает марш к району развертывания. «Кенарвон», я считаю, достиг точки. «Кемберленд» и «Корнуэлл» идут нормально. «Монмес» задерживается в ремонте. Обратите внимание, сэр: девятая эскадра Де-Робека еще не выходила, — и побережье Испании и Португалии — без надзора.

— Не так страшно, Хэл. Не говорите ледяным голосом.

Комодор чуть приподнял правую руку, и лейтенант умолк. Начальник требовал пары минут на размышления. Они стояли в тишине, слегка опустив головы, с задумчивыми, серьезными взглядами, как над гробом покойника. Толстые стены отделяли их от мира. Тысячи миль горько-соленой воды — от тех мест, кораблей и людей, о которых они думали. Там, на просторах, катились бесконечные волны, гуляли ветры, и командиры крейсеров вместе с вахтенными всматривались в колеблющийся горизонт. За стенами дома улицы наполнялись толпами людей, и казалось, шум прибоя доносился от скал Дувра и Корнуэлла. Вне строгого кабинета жизнь катилась лихорадочно, шумно. Люди ждали, желали, противились, негодовали. А здесь медленно проворачивался регулятор машины, и мысль стремилась оставаться холодной, расчетливой в попытках установить индекс регулятора на точное деление. Но, должно быть, деления на нужной шкале стерлись или были плохо освещены. Лицо начальника потеряло уверенность и ясность выражения.

— В лучшем случае к пятнадцатому числу... — пробормотал комодор и вдруг обернулся к окну: — Сегодня шумят сильнее, Хэл, неправда ли? Посмотрите: это, вероятно, опять молодежь?

— Это клерки, сэр. Сегодня банковский праздник, и клерки имеют время выразить свои воинственные настроения.

— Я слушаю вас дальше, лейтенант. Эта комбинация с пароходами мне в самом деле не нравится. Были ли еще

новые донесения о «Гёбене» и «Бреслау»?[1] Что делает Милн?[2]

Но о германских крейсерах в Средиземном море попрежнему было известно только то, что они пришли за углем в Мессину.

— Милн крейсирует восточнее и южнее Сицилии, а в три часа «Неукротимый» и «Неутомимый» пошли на запад.

— Пошли?! Вы можете гордиться, мой умный мальчик: ваша мысль о пароходах, забивших порты Испании и Португалии, таинственное исчезновение «Гёбена» и «Бреслау», которые не могли незамеченными проскользнуть на восток, и, наконец, донесение о немецком угольщике на Минорке, — все бьют в один гол. Вы видите: Милн тоже двинул линейные крейсера на запад.

— Вы хотите сказать: прорыв немцев в Атлантику, сэр?

— Неплохой план, Хэл! Крейсера, блуждающие по всему свету. Если мы выпустим это чудовище в океан, один бог знает, что из этого получится.

Тем не менее комодор сделал довольно смешную физиономию, выпятив нижнюю губу и приподняв брови:

— Вот это игра, Хэл! Это мне начинает нравиться больше, чем писание бумаг. На кого поставить, Хэл? На Милна или на Сушона?[3]

Лейтенант невольно улыбнулся. Положительно, начальник был восхитителен, не теряясь и не унывая ни при каких обстоятельствах.

— Сэр, по-моему, на круге еще может оказаться адмирал Крэйдок.[4] Ведь на западном берегу Атлантики

[1] Линейный крейсер «Goeben» и легкий крейсер «Breslau» — германские крейсера, застигнутые войной в Средиземном море.

[2] Адмирал Милн, командовавший Средиземноморским флотом.

[3] Конто-адмирал Suschon, командовавший германскими крейсерами в Средиземном море.

[4] Конто-адмирал Kradock, командовавший силами Вест-Индской станции (4-й эскадрой крейсеров, находившейся в начале войны в Вест-Индии).

вторая концентрация сил. И центр тяжести не в Мексиканском заливе, сэр. «Карлсруэ» остается там, но «Дрезден» [1] ушел.

— «Дрезден»? Вы не ошибаетесь?

— Нет, сэр. Последняя сводка говорит совершенно точно: «Дрезден» ушел на север, предположительно в Нью-Йорк. И в том же Нью-Йорке другое скопление германских пароходов.

Так или примерно так беседовали офицеры-операторы, пытаясь найти полную разгадку ребуса. Они тщательно взвесили возможности, которые открывались немецким крейсерам в Атлантическом океане, и увидели, что опасения не напрасны. Разведывательная сводка давала неопровержимые данные (возле них в скобках было помечено: «источник заслуживает безусловного доверия») о том, что германское командование хочет использовать Норвежские шхеры, в частности лежащие далеко на севере Лофотенские острова, для посылки новых крейсеров на океанские пути, что «Дрезден» должен образовать собою звено в широком кольце своеобразной блокады: Норвегия — Нью-Фаундленд — Антильские острова — Пиринейский полуостров, которая должна задушить голодом могущественного противника, выбить из игры его многочисленный флот, с которым невозможно было справиться в открытом бою.

— Чертовски смелый план, Хэл! Блокада вокруг блокады! — Глаза комодора горели, он готов был начать двигать флажки во исполнение приказаний, которые рождались в голове. — Нет, ни в коем случае нельзя дать «Гебену» затянуть это лассо на нашей шее. Нельзя, Хэл!

Потом начальник продиктовал свои соображения: о срочном изменении маршрута крейсера «Корнуэлл» в направлении на Алжир, о подготовке крейсера из состава эскадры Стоддарта к берегам Бразилии, об устремлении сил Крэйдока в район Нью-Йорка.

— Но прежде всего Милну, Хэл, Милну! Линейные крейсера полным ходом... Полным ходом направьте в Гибралтар. Скорее бы вернулся первый лорд...

---

[1] Германские легкие крейсера, находившиеся в начале войны в Вест-Индии.

Они снова замолкли над ребусом-картой, который, по мере того, как его решали, обнаруживал все новые и новые возможные комбинации. Большой блестящий маятник в старинных громоздких часах, заключенных в футляр из красного дерева, размеренно и мягко выбивал ход времени и густым звоном напомнил о себе. Когда мелодичный звук погас в тишине кабинета, тяжелая дверь внезапно распахнулась и на пороге показался первый лорд адмиралтейства [1] мистер Черчиль. Подтянутый кавалерист, энергичный делец, неожиданный моряк, джентльмен с идеальным пробором светлых волос и с самоуверенным взглядом авантюриста.

Офицеры немедленно приняли позы подобающего почтения и внимания. Каждое движение, каждый жест министра мог иметь значение. Мистер Черчиль повел своим немного вздернутым носом, как бы выслеживая кого-то, и, очевидно не найдя, заговорил строго и отрывисто:

— Первый морской лорд [2] не приходил сюда? Начальника штаба тоже нет? Имейте в виду, комодор: никаких мероприятий, которые могли бы помешать втягиванию Германии в войну и испортить общественное мнение. До объявления войны никаких... Ни здесь, ни в Средиземном море... Пускай немцы делают, что угодно, но только не сдавайте позиций развертывания... Стратегическое положение должно сейчас упреждать политическое, но не вредить... Момент переломный... Понятно?..

— Есть, сэр!..

Министр хотел сказать еще что-то, но тут холодный, острый взгляд встретился с лихорадочно горевшим взгля-

---

[1] Морской министр (гражданское лицо), ответственный перед королем и парламентом. В мировую войну этот пост занимал Черчиль.

[2] Высшая должность в адмиралтействе после министра. Адмирал, занимавший эту должность, являлся ближайшим советником и помощником первого лорда. Первый лорд, первый морской лорд, начальник морского генерального штаба и секретарь адмиралтейства являлись руководящей группой адмиралтейства. В начале мировой войны первым морским лордом был адмирал принц Луи Баттенберг.

дом лейтенанта. Мистер Черчиль сердито, а может быть и с досадой, сдвинул брови, круто повернулся и, бросив на ходу: «Попросите ко мне лорда Джэксона» [1] — хлопнул дверью.

5

Часы дежурства томительны... Пускай все будет тихо и спокойно. Телефоны могут смиренно молчать, а сигнальные звонки дремать рядом со своими коробками. Но раз только человек заступает на пост дежурного, он делает шаг, один небольшой шаг из жизни нормальной в жизнь событий. Еще минуту тому назад он сидел за своим бюро, и все складывалось понятно, в простой логической связи, не торопясь. Еще минуту назад неожиданность могла развлекать, даже радовать. Но вот произнесена официальная фраза: «дежурство принял», вот снова сел в кресло, иногда в то же самое, за свое же бюро, и простое, обыкновенное сразу отпало. Связь с живым миром — только посредством телефонов и телеграфов, посредством рассыльных. На форменных бланках, по проводам, через короткий простой доклад ординарца приходят донесения и распоряжения одно другого неожиданнее, экстреннее, необычайнее. Дежурный журнал заполняется записями. Бесконечная цепь событий и случаев. События и случаи требуют мер; и пока не совершены нужные действия, успокоение преступно.

Дежурный сидит и решает задачи. Множество задач. Их как бы нарочно придумывают досужие шутники. Сначала они предлагают решить, можно ли поставить крейсер «А» под погрузку угля или прежде лучше предоставить это проделать с крейсером «Б»; и дежурный, наведя нужные справки, удовлетворенно пишет решение, которое передает дежурному телефонисту. Тогда звякает звонок, и бленкер, открывая номер, напоминает, что с дежурным хотят говорить из мобилизационного отдела: миноносцы дивизиона «С» с крейсером «D» несут еще полицейскую службу в Ирландском море; как и когда можно подать им пополнение? Внезапно невидимые шут-

[1] Начальник морского генерального штаба в начале войны.

ники начинают донимать радиотелеграммами: крейсер «E» встретил пароходы компании «F» в 10 ч. 20 мин. a. m. широта... долгота! линейный корабль «G» в пути в Гибралтар; имеет повреждение в правой машине; ход 10 узлов! Патруль устья реки Хембер закончил формирование! Возможен ли выход судов в порты Голландии? Положение германских крейсеров остается неизвестным... Циркуль начинает все стремительнее бегать по карте, карандаш начинает делать слишком резкие хвосты и закругления у букв, мозг начинает раздражаться. И вот уже каждое дрожание звонка, торопливые шаги за дверью, шелест очередного листка телеграммы заставляют нервно сжимать губы в предчувствии назойливых, хлопотливых, неожиданных событий. Забыто все, кроме этих неумолимых событий. Они обступают со всех сторон. Они уже заполнили прямыми жирными буквами страницы журнала. Они разбежались пестрыми флагами по карте. Они пестрят бланками донесений. Настойчиво зовут и требуют, заставляя забывать сон, обед, время. Перо излишне долго замирает без движения над графой «часы — минуты», а глаза при этом пристально-проницающе смотрят на циферблат часов, не в силах различить длину стрелок.

И разговор с начальником отдела и появление самого министра были такими очередными случаями, требовавшими мероприятий. Все носило тревожный характер, а жесты и тон речи мистера Черчиля прямо обращали внимание своей нервозностью. А хуже всего было то, что отдельные незначительные факты местного значения мешались с крупными, стратегическими. Хотелось отмахнуться от мелочей, чтобы углубиться в оценку того, что в действительности характеризовало условия, при которых вступали в войну разбросанные по всему свету корабли и эскадры. Несмотря на уверенность и бодрость наставления комодора, сомнения все-таки волновали Хенри Бредфорд. Когда умолкали звонки, когда служебный блок-нот лежал в покое, лейтенант снова и снова возвращался к мыслям о грандиозном ребусе, который лежал еще неразрешенным.

Дежурство с 3-го на 4-е августа 1914 года врезалось в память навсегда, хотя впоследствии Хэл Бредфорд ед-

ва ли мог рассказать всю последовательность событий. Даже собственные мысли не остались ясными. Напротив, они смешались с чужими. Нельзя ручаться, что именно тогда у лейтенанта Бредфорд родилась идея, которая стала затем неотъемлемой частью его жизни. Вернее всего, уверенность чередовалась с сомнениями. Тень последних стирала грани, обозначавшие до сих пор ясные положения теории. Более отчетливо запомнился прилив сознания ответственности. Этот момент сохранился как бы в фотографии: большая комната, ровно светятся большие плафоны; проникающий сквозь приоткрытое окно ветер только колеблет опущенную штору, не давая прохлады, из соседнего кабинета доносится буйный треск пищущей машинки, иногда прерываемый четкой короткой диктовкой сэра Эдгара Кери; и снова этот большой стол застланный картами, карты на стенах; и он, дежурный оперативный офицер, в сотый раз старающийся представить то, что делается на тех просторах, которые компактно умещены на стандартных листах ватмана и размечены условными значками. В одной комнате было сосредоточено все, чем жила империя. От решений чинов штаба и адмиралтейства, которые наклоняли головы над картами, зависели подвиги и неудачи, жизнь и гибель многих людей. Может быть, вся судьба страны, стоявшей перед таким же испытанием, как во времена наполеоновской угрозы. Тут имели место две стороны дела: поэт и художник могли бы увидеть торжество цивилизации и воспеть железную руку, которая безошибочно управляет невидимой для нее сложной машиной; пессимист назвал бы все это игрой в солдатики. Переставляя булавку, изображавшую место контр-адмирала Стоддарта, дежурный оперативный офицер вдруг ощутил в себе эти два начала: было приятно признать, что расчет движения верен, а подсознательно возникало раздражение против этих мертвых пестрых лоскутков бумаги, которые следовало регулярно переставлять. Возможно, что это чувство раздражения рождалось от того, что мякоть указательного пальца была натерта нажимом на твердые шляпки булавок, и нервы болезненно реагировали на каждое новое прикосновение. Так или иначе, но двой-

ственность, сомнение в целесообразности работы появилось, и это мешало ясному, уверенному мышлению.

Было необходимо убить в себе чувство пессимиста, чтобы не потерять способности к работе. В ту необычайную ночь лейтенант Хенри Джералд Бредфорд достиг этого, и если в нем не родился поэт, то по крайней мере появился художник, который не сомневался в той перспективе, которая рисовалась, хотя бы и в мыслях.

И все-таки стол с генеральной картой мира запомнился как гроб, хотя, может быть, правильнее было бы сравнивать его с койкой лихорадящего больного. Такое впечатление сложилось, надо думать, потому, что те, кто подходили к столу, никогда не садились, но стояли, молчаливо, серьезно склонив головы. В эту ночь это случилось не раз: не только он, но и сэр Эдгар, и начальник штаба, и все лорды адмиралтейства совершали такое паломничество, а около часа ночи появился снова мистер Черчиль. Он вошел на этот раз по-кошачьи, тихо, как будто опасаясь, что его уличат во вредном любопытстве. В это время сон и усталость туманили глаза и сознание, веки непроизвольно смыкались. Дежурному офицеру показалось, что вошел вежливый клерк Пирн, и лейтенант машинально откликнулся:

— Есть, Пирн! Что у вас?

Но, к счастью, открыл глаза и мигом вскочил. Мистер Черчиль остановил его, приподняв руку.

— Не надо волноваться... Ультиматум послан. Наше дело ждать. Покажите, какие распоряжения прошли через вас.

Он внимательно перелистал листы журнала и папок, потом занял позицию у карты.

— Не находите ли вы, что здесь могут произойти события?

Министр посмотрел вопросительно. Он стоял как-то необычайно близко; и от простоты вопроса все мысли и чувства этого далеко стоящего по служебной лестнице человека вдруг показались Бредфорду совершенно понятными. Лейтенант подумал и заговорил. При этом как-то неофициально. Захотелось высказать свои опасения, непроверенные догадки о кольце блокады, об опасности

прорыва «Гебена» в Атлантику, о возможности окружения его соединенными англо-французскими силами. Черчиль выслушал, не прерывая, заложив руки за спину. Когда лейтенант кончил, поднял холодные серые глаза и сказал:

— Это мне все известно. Я не о том. Ясно ли адмиралу Милну, как надо поступить с немцами?

Немного помолчав, коротко приказал:

— Дайте блокнот.

«Командующему Британским флотом в Средиземном море.

Наблюдение за Адриатикой должно поддерживаться, но «Гебен» — ваш главный объект. Следуйте за ним, куда бы он ни пошел, и будьте готовы к действию по объявлении войны, которая, повидимому, близка.

Черчиль».

Он писал, оттопырив нижнюю губу, как бы откровенно выражая презрение к непониманию исполнителей. Эта манера не вызывала симпатии.

— Доложите первому лорду, начальнику штаба и отправьте.

Мистер Черчиль ушел более шумно, чем пришел. На душе лейтенанта остался неприятный осадок уязвленного самолюбия и досады: — зачем нужно было выкладывать все? Мальчишка!.. Нашел кого учить!.. Бредфорд заглянул в кабинет начальника. Тот дремал, живописно закинув ноги на бюро. Сразу же встал. Не слушая объяснений помощника, прочел текст, пожал плечами, немедленно пошел с докладом.

Потом наступило затишье. Ночь вдруг окружила грозным безмолвием адмиралтейские стены. Людям, которые были заключены в них на своих постах у машины войны, захотелось быть вместе. Комодор Кери, после отправления телеграммы, остался в дежурной комнате. Сначала поговорил о делах. Незаметно перешел к воспоминаниям о прошлых кампаниях, о годах молодости, когда вместе с отцом Хэла выслуживал чин лейтенанта.

— Это были восьмидесятые, девяностые годы, Хэл,

восьмидесятые, девяностые. Как сейчас помню «Эдгар». Да, кажется, это было на «Эдгаре», который был назван отнюдь не в мою честь, но считался лучшим! Как мы шагнули с тех пор! Какая мощная техника! Какой масштаб действий!

Тут он вспомнил китайскую кампанию, поход под командой сэра Кристофора Крэйдока, того самого Крэйдока, который сейчас вёл игру на Вест-Индской станции. В том походе отец Хэла получил смертельную рану и завещал своему другу заботу о единственном сыне.

Комодор стал грустен и умолк. Молчал и Хэл, но ему было отрадно то, что в такие тяжелые дни он оказался рядом с человеком, который думал о нем как о сыне, который вскоре должен был стать настоящим вторым отцом. Внезапно комодор глубоко вздохнул и сказал:

— К сожалению, ваш дядя Сэм совсем не похож на своего покойного брата. Я не люблю таких дельцов, Хэл, очень не люблю. Они не станут рисковать своею жизнью, Хэл...

— Финансовое положение усложняется, сэр. Особенно в случае вступления в войну... Они тоже исполняют свою работу.

— Знаю, Хэл, знаю... Разумеется, и мы с вами пострадаем в случае финансового кризиса. Наши сбережения, правда, не так велики, как, например, у вашего дяди, но, может быть, это еще хуже.

— Дядя Сэм очень мил и ласков со мной.

— Ну, разумеется, Хэл, я не хочу сказать ничего дурного ни про мистера Бредфорда-младшего, ни про его очаровательную жену. Я хотел выразить, что мне было бы очень приятно, если бы Сэм походил на своего брата и моего друга.

Кажется, на этом разговор прервался.

Под утро из кабинета министра раздался звонок. Туда поспешил комодор и через десять минут вернулся с текстом новой радиограммы.

— Уже работает, Хэл, дьявольская работоспособность! Делайте распоряжения.

Грозное спокойствие ночи разразилось ливнем донесений. Все самостоятельные командующие спешили со-

общить о состоянии своих боевых единиц, об их действиях за истекшие сутки, о своих новых данных. Снова задвигались флажки, снова головы склонились над картой мира. Карандаш затупился, записывая соображения операторов. И вдруг среди прочих обстоятельных телеграмм перед глазами легли короткие слова французской депеши: «На рассвете сего числа германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» бомбардировали порты Бона и Филиппвиль».

Бредфорду даже показалось, что в комнате стало светлее. В самом деле, солнце проглянуло сквозь пелену дыма на небе, и бледные пятна обозначились на картах и на полу. Комодор насторожился.

— Хэл! Знает ли Милн о том, что ему теперь делать? Что выходит по вашим расчетам?

— Должен знать, сэр! Если они пойдут на северо-восток, встреча с «Неукротимым» и «Неутомимым» неизбежна.

— А если на запад или на восток?

— Это был бы тяжелый случай, сэр.

— А французы? Где французы?!

— В море, сэр. Сведений нет. Мистер Буэ-де-Лапейрер[1] молчит. Но он должен быть где-нибудь поблизости.

— Чорт! Почему нет сведений, лейтенант? Что я доложу начальнику штаба!!

— Я не имею права сношений с французским главнокомандующим, сэр.

— И я тоже, Хэл, — пробормотал Кери, — у мистера Черчиль куча советников. Он может выбирать хорошие мысли, как цветы для любимой девушки.

К полудню стало точно известно, что линейные крейсера, направленные накануне в Гибралтар, встретились с немцами и последовали за ними. Противник уходил на северо-восток, очевидно снова желая ускользнуть в нейтральные итальянские воды, словно угадывая очередное распоряжение адмиралтейства, которое экстренно выстукивал телеграф: «. . .Строгое соблюдение нейтралитета Италии. . . Ближе шести миль к берегу не подходить. . .» Бредфорду представились красивые синие легкие волны,

[1] Главнокомандующий французским флотом.

лиловая дымка берегов, жаркое солнце, белизна чехлов, обвесов и тентов. Казалось, все это происходило совсем близко, рядом.

— Почему они не вступают в бой, лейтенант? Почему?

Сэр Эдгар даже топнул ногой. Такие блестящие расчеты! Такая ловушка! Но адмирал Милн сам деликатно испрашивал разрешения вступить в бой.

«Командующему Британским флотом в Средиземном море.

«Если «Гебен» атакует французские транспорты, вы должны тотчас вступить в бой. Вы должны дать ему перед тем ясное предостережение».

Комодор, торжествуя, нес записку министра и почти кричал:

— Дело сделано, мой лейтенант! Мистер Черчиль знает правила игры! Отправляйте как можно скорей!

Хэл направил телеграмму по назначению. Время побежало сразу быстро, как всегда, когда дорога каждая минута. В перерывы между разговорами и записями четыре цветных флажка упорно ползли по карте. Может быть, там уже гремели пушки, и одну-две фигуры следовало снять с доски?.. Неожиданно вошел хмуро-серьезный начальник штаба. Словно манекен, он сделал два шага навстречу начальнику оперативного отдела и протянул бланк, не говоря ни слова. Повернулся на каблуках и скрылся за дверью... Кери прочел, молча сунул листок в руку лейтенанту и вышел вслед.

«Всем кораблям...»

Августа 4-го. 2 ч. 5 м. р. m.

Британский ультиматум Германии истекает в полночь 4 авг... Не должно предпринимать никаких военных действий до этого часа... когда адмиралтейство пошлет телеграмму о начале военных действий против Германии...

«Специальное добавление для Средиземного моря:

этим отменяется разрешение «Неукротимому» и «Неутомимому» атаковать «Гебен», если она нападет на французские транспорты.

Черчиль первый лорд Адмиралтейства.
Луи Баттенберг, адмирал, первый морской лорд».

Экстренно! Самым спешным образом!!!

Что это было: путаница, рыцарство, хитрость?..

А командор уже нес новый листок. На этот раз это была служебная записка. Начальник резким движением бросил ее на бюро и устало опустился в кресло рядом.

— Подберите сейчас же необходимый материал... А Клод заготовит экстренную телеграмму всем командующим станциями. Подпись начальника штаба. Лучше поздно, чем никогда.

Служебная записка.

4 авг. 1914. 4 ч. 15 м. р. т.

«Первому морскому лорду.

«Начальнику Морского генерального штаба.

«Я предполагаю, что вы вполне осведомили французское адмиралтейство о наших намерениях и что теснейшая кооперация установлена по всем пунктам с французским флотом. Если нет, то это надо сделать немедленно.

Черчиль».

Лейтенант Хенри Бредфорд вспомнил ночной разговор с министром. Хэл Бредфорд не выдержал и улыбнулся.

— Что с вами, Хэл? По-моему, следовало бы пролить пару теплых слез.

— Я вспомнил один разговор, сэр, и мне просто приятно, что он не пропал даром.

— Вы берете на себя слишком много, мой мальчик. Идите исполнять вашу службу.

Странно, совсем не так, как описывалось в трудах по военно-морской истории, начиналась война.

В дежурство вступил лейтенант Клод, и ему выпала честь стать человеком, пославшим окончательный сиг-

нал боевой тревоги. Но Бредфорд, равно как и остальные сотрудники во главе с сэром Эдгаром Кери, оставались на своих местах до момента, когда решительно распахнулась дверь и на пороге театрально застыла стройная фигура человека в штатском, за которым виднелись готовые слушать и исполнять фигуры советников — адмиралов. Мистер Черчилль остановил взгляд на больших часах. Они как бы помедлили, а потом, словно пробужденные этим упорным и жестким взглядом, не торопясь утвердительно отбили мягкие, звенящие удары. Всего одиннадцать[1].

— Война объявлена, джентльмены. Рассылайте извещение.

С того же места у порога большой двери он проследил за работой пущенной его словами машины. Когда начальник оперативного отдела отрапортовал о том, что «военная телеграмма» отправлена по всем адресам, министр кивнул головой и сказал вдруг совсем просто, отнюдь не театральным и не начальственным тоном:

— Теперь все... Теперь можно лечь спать.

Через десять минут командор Кери и лейтенант Бредфорд, откинувшись на подушки машины, с наслаждением вдохнули теплый воздух улиц. Вытянули ноги. Расправили плечи. Автомобиль рванулся, и Белый дворец с его узкими высокими окнами полетел прочь. В последний момент бросились в глаза смутные, уходящие в темную высоту мачты радиостанции. Сложный переплет антенн виден не был, но они угадывали его. Мысли обоих офицеров невольно направились вслед за сигналом, знаки которого в это время гудели, пищали и кричали, устремляясь с антенны по невидимым волнам по ту сторону океана, в Средиземном море, в Скапа-Флоу и ближе, в Портсмес, где стоял крейсер «Добрая Надежда»:

«Начать военные действия против Германии!»

6

«Добрая Надежда» — хорошее имя для корабля. Шарлот Лидс была очень довольна, когда узнала, что муж и его толстый приятель попали именно на «Добрую Надеж-

[1] По среднеевропейскому времени этот момент соответствовал полуночи.

ду». Но в тот день и вечер, о котором рассказывается, ни она, ни ее «волк» не подозревали, что фигуры поставлены на доску и уже сделаны первые ходы. Впрочем, беспокоиться за судьбу отца нашего героя еще не было основания; если бы даже существовала возможность навести справку в адмиралтействе, скажем, у того же милого лейтенанта Бредфорда или у деловитого комодора Кери, то последние дали бы успокаивающие сведения.

После часов напряжения, когда события запечатлеваются в мозгу, как чертежи или буквы на литографском камне, тяжелыми, жирными штрихами, когда номера всех прошедших радио-телеграмм ни к чему возникают один за другим в памяти, способность к реагированию притупляется. Бесконечно приятно произнести уставную официальную фразу: «дежурство сдал». После этого душный воздух улиц кажется свежим и ароматным; стук, лязги и грохот автобусов, повозок, поездов — истинным трепетанием человеческой жизни; поездка на автомобиле — путешествием в блаженную страну. Конечно, в голову не приходят думы о каком-то одном из многих крейсеров. Законно заслужен отдых, несмотря на присутствие начальника, есть желание развалиться на удобной кожаной подушке, потянуться, вздохнуть, даже засмеяться. Засмеяться от облегчения, от удовольствия скорого приятного свидания и просто так, для себя.

Но это только был мимолетный возврат к еще неизжитому мальчишеству. Лейтенант был достаточно воспитан, чтобы не нарушать правил приличия и дисциплины, да еще в присутствии шофера. Хэл Бредфорд позволил себе лишь слегка расправить ноги и плечи. Потом стал молча наблюдать, как машина, непрерывно гудя, пробиралась сквозь плотную пеструю массу людей, переживавших последнюю суровую новость. Иногда в свете фонарей вспыхивали, загорались яркие пятна флагов. Даже Дерби не могло сравниться с тем, что здесь происходило. А полисмены стояли цепью, чудом удерживаясь на своих местах, и говорили что-то успокаивающее.

К счастью, главные толпы скопились у Букингэмского дворца, у министерства иностранных дел, у здания

правительства. Машина медленно выбралась на Трафальгарскую площадь. Там, у колонны, повидимому, происходил митинг. Длинный человек в шляпе энергично размахивал руками. Казалось, он хотел взлететь к самому лорду Хорэйшио, взиравшему с высоты на оживленный человеческий муравейник, который копошился вокруг его пьедестала. По другую сторону площади строго, задумчиво вытянулась колоннада Национальной галлереи. Она как бы отошла на задний план, уступая место памятникам героев, которые призывали поднять прославленные знамена в защиту слабой, несчастной Бельгии, попираемой тяжелыми сапогами пруссаков. Впереди заиграли огни Стрэнда. Там тоже было людно. Граждане Лондона не хотели ложиться спать. Можно было подумать, что город переживал не час начала новых тяжелых испытаний, а праздновал полное благополучие. Возникавшие картины волновали. Культурный, цивилизованный мир бросал тихий уют домашней жизни, чтобы взяться за оружие и раз навсегда установить на земле строгий, законный порядок. Хенри Бредфорд не выдержал:

— Мы не должны бояться! Если нам нехватит того, что у нас есть, эти люди дадут еще! Долго ли сможет удержаться враг против такого воодушевления?

— Без сомнения, дорогой Хэл, — откликнулся из своего угла сэр Эдгар. — Признаться, я даже удивился, кто сумел создать такое настроение... Я начинаю думать, что мистер Асквит[1] и другие нашли действительное средство создать надолго «гражданский мир» и что они заслуживают лучшего отзыва, нежели я им давал.

Вскоре они вышли у вокзала Черинг-Кросс и поспешили на перрон. Младший сын комодора, Боб, с ночным поездом уезжал в базу Нор, где стояла эскадра, на которую по преимуществу были расписаны воспитанники Осборнского морского колледжа. Собственно, Бобу следовало бы еще вчера быть на корабле, но командир из уважения к сэру Эдгару Кери допустил исключение, тем

[1] Премьер-министр с 1908 г. до 1916 г. Приобрел известность в 1892 г. расстрелом рабочих в Федерстоне во время забастовки угольщиков.

более что мать и сестра молодого мидшипмена,[1] задержались на курорте. Леди Элис Кери с Бэл прибыла по вызову мужа только вчера и, конечно, не могла отпустить сына на войну без материнского поцелуя. Присутствовали также старший сын комодора, Рэф, сверстник Хенри, и мисс Бредфорд.

Провожавшие уже стояли у вагона. У лэди Элис веки были красны; на лбу образовалась и никак не хотела разойтись морщинка заботы и испуга. Дома леди Элис, вероятно, всплакнула. Но на людях надлежало держать себя с достоинством, как подобало женщине из рода Паркер, уже много поколений провожавших своих мужей и детей на королевскую службу. Миссис Бредфорд, угадывая ее чувства, говорила уверенно-успокаивающим тоном, поводя красивыми, крупными черными глазами:

— Ничего, ничего, дорогая Элис! Мне передавали, что эти корабли в бой не пойдут...

Разумеется, такое утешение было оскорбительным для джентльмена. Боб возмущался, задирал курносый нос и уверял, что если их эскадру будут держать в устье Темзы, то он обязательно добьется перевода на дредноуты. Юноша гордо посматривал на публику, стоявшую по соседству и проходившую мимо. Леди и джентльмены невольно обращали внимание на красивую, новенькую форму мидшипмена, на счастливое молодое лицо, на здоровый румянец щек. Несомненно, он был одним из героев дня, и это было сногсшибательно приятно. Немного конфузила мать. Напрасные волнения и вздохи! Разве она не знала, что может случиться, когда его отдавали в морскую школу? Дрянной Рэф тоже зря насмешничал. Еще неизвестно, что было лучше: его эскадра «кошек»,[2] которым один добрый снаряд мог перебить хребет, или 7-я крейсерская эскадра со своими послужившими, испытанными кораблями.

— Я боюсь, что вы столько набросаете за борт костей из супа, что Темза обмелеет, — с шутливым презрением говорил Рэф, повторяя старинную шутку британских каперов, а Боб принимал слова брата серьезно

[1] Корабельный гардемарин.

[2] Прозвище линейных крейсеров, возникшее вследствие их относительно слабого бронирования и большой скорости.

и с задором высказывал опасения, как бы не распугать всех дельфинов в Северном море. Он кипятился, смешно оттопыривая губы. В такие минуты он походил на бывшего карапуза Бобби. В общем эта пикировка была проявлением дружбы. Леди Элис невольно нежно улыбалась, но улыбка получалась грустной. У леди Элис не оставалось никакого сомнения в том, что Боб счастлив; в том, что он всей душой рвется туда, где, по его замечанию, вычитанному сегодня в газете, «слава бродила в поисках героев». А усмешка Рэфа, который, конечно, понимал больше и к тому же сам собирался выезжать завтра в свою базу, была такой же маскировкой, как и ее мрачное достоинство... Энабэл стояла между братьями, не зная, что делать, на кого смотреть, кого поддерживать в споре. Ей было жаль обоих. Ведь уезжали и тот и другой. Почему-то казалось, что надолго... Девушка иногда протирала глаза маленьким платочком, негодуя на то, что с паровоза несет гарью. Бэл старалась казаться бодрой и мужественной, но ее ласковая улыбка незаметно превращалась в жалобную гримаску.

Одна миссис Бредфорд держалась, как всегда, не теряя самообладания. Энергичная женщина успевала весело поддакивать шуткам Рэфа, говорить успокаивающие слова матери и смотреть по сторонам. Она даже не стеснялась разглядывать лица посторонних людей. Быстрая Сьюзен первая заметила прибывших; и по обыкновению воскликнула:

— Вот и мой маленький длинноногий племянник! — Миссис Бредфорд любила подчеркнуть свою молодость: рядом с Хенри она казалась его сестрой-ровесницей, но никак не тетушкой.

Комодор Кери и лейтенант Бредфорд подошли всего за пять минут до отхода поезда. Впрочем, для крепкого рукопожатия больше и не требовалось. Сэр Эдгар не говорил никаких напутственных слов, но только смотрел так пристально на сына, словно намеревался прочитать самые сокровенные мысли юноши. Примолкли и все остальные. К счастью, скоро раздался свисток, Боб откланялся по-военному, поцеловал руки дам и сестры. Лэди Элис не выдержала, поспешно сдвинула назад его

большую, тяжелую фуражку и запечатлела торопливый поцелуй на гладком, детском лбу.

— Счастливо воевать, старина! — сказал Рэф.

— Младший Кери будет не хуже старших! — напутствовал отец.

— Бобби! Вы должны писать своей сестре по крайней мере каждую неделю! — потребовала Бэл.

— Будьте здоровы, Боб, будьте здоровы! — это говорила Сьюзен, а леди Элис могла произнести еле слышно только одно имя. Красивые, четко очерченные губы матери вдруг болезненно задергались. Она вынула батистовый платочек и начала торопливо протирать веки. Зато глаза Бэл теперь сияли безмерной любовью и заботой. Девушка стала еще милее. Право, эти синие глаза заслуживали поцелуя! Но Боб уже стоял в дверях вагона. Счастливый мальчик Бобби, которому было не нужно ломать голову над оперативными ребусами, но только твердо знать устав и силуэты германских кораблей.

— Будьте здоровы, до свидания, Боб!

Вагоны исчезли в темноте. Обнажившиеся рельсы смутно отразили вокзальные огни. Немногочисленная публика толпилась у выхода. Семья Кери и Бредфорды выходили молча. Крыло гения войны задело и их (в последнем номере «График» он олицетворялся страшной женщиной, вооруженной мечом и факелом). Теперь были бесполезны всякие разговоры о том, что «может быть, как-нибудь обойдется». Комодор, прощаясь у автомобиля, как бы дал ответ на думы присутствовавших:

— Король, правительство и парламент знают, что делают. Разумеется, мы все поступим так, как подобает в таких случаях. — Сэр Эдгар произнес эти несложные фразы как текст закона, и даже насмешник Рэф не улыбнулся.

Проводы промелькнули как сон, но облик стройного, раскрасневшегося, курносого Боба остался в памяти навсегда. Лейтенант Бредфорд, подавленный впечатлениями насыщенных событиями суток, возвращался домой вместе с Сьюзен. Ему даже не хотелось говорить, но молодая, резвая тетушка имела другие намерения. В результате поездка домой превратилась в раздражительную

пытку. Но кто же был виноват в том, что Сьюзен находила невразумительным и даже смешным, что общество в два-три дня переменило свои взгляды и вдруг стало воинственным.

— Непонятно, Хэл... Даже мой супруг выражает сомнение. Не слишком ли скоро?.. После того, как суффражистки буйствовали на улицах столицы, ирландцы вели настоящую гражданскую войну, а рабочие, независимо от принадлежности к той или иной составной части Соединенного королевства, бросали работу, требуя жизни хоть немного получше. Неужели война способна разрешить все проблемы?

Миссис Бредфорд углублялась в одну из своих излюбленных областей пространных и бесплодных рассуждений. Надо было обладать снисходительностью ее мужа, чтобы спокойно выслушивать подобные вещи, полные скептицизма и неверия в силы современного общества и какой-то мрачной безнадежности. Теперь следовало говорить не так...

Мысленно Хенри пожелал очутиться в другой семье; в той, которая сейчас, вероятно, подъезжала к домику на Зеленой улице, прелестному в своем уединении среди густолиственных деревьев. Там не могло быть желчного раздражения. А как очаровательна была простая, ласковая Бэл, по сравнению с этой красивой, но своевольной, дерзкой женщиной. Хэл пытался отмолчаться, но тетушка разразилась ехидной репликой по адресу «влюбленных лейтенантов». В это время промелькнули стрельчатый орнамент тяжелой ограды и затемненные, теряющиеся в высоте ионические колонны музея, означавшие близкое окончание пути.

— Не надо забывать, что все мы англичане, Сьюзен, — нехотя возразил лейтенант, — мы никогда не изменим своему королю, и я могу только порадоваться, что рабочие не потребовали добавочных принудительных средств, более ясных, чем увещевания их так называемых вождей.

Как много раз прежде, они не довели разговора до конца. Совсем близко показались освещенные окна. Мистер Бредфорд вернулся домой и, вероятно, ужинал. Автомобиль остановился. Хэл стремительно выскочил и

подал руку Сьюзен. Все-таки мисс Бредфорд находу бросила:

— К сожалению, во мне американская кровь, Хэл. Вы, конечно, как офицер британского флота не любите Америку, — я говорю о Соединенных Штатах, — а я люблю.

— Вы вообще плохая патриотка, Сьюзен.

Последние слова были произнесены уже тогда, когда Нелли, миловидная, здоровая, хотя немного крупная девушка из Уэлса, закрывала за ними дверь.

Действительно, мистер Бредфорд оказался в столовой. Дядюшка с деловым видом и с большим аппетитом поглощал холодную ветчину. При виде жены он встал и подошел, протянув руки. Мистер Бредфорд, проводивший большую часть времени вне дома, в минуты встреч не стеснялся выявлять по отношению к своей супруге искреннее восхищение и внимание. Но едва закончив обряд приветствия, он заговорил быстро и весело, не давая открыть рот другим:

— Сью, как остроумен мистер Ллойд-Джордж...[1] Он продолжил банковский праздник еще на несколько дней, и за это время казначейство устроит все на свете. Уже говорят о снижении учетной ставки. Каково?.. При таких условиях можно и повоевать. Вы знаете, образуется компания по поставке снаряжения в Россию. Мне предлагают ехать в Петербург.

Представительный, обходительный дядюшка заботливо вел жену к столу; предупредительно расспрашивал, чего ей хочется; с увлечением рассказывал новости, приводя какие-то цифры, которые должны были доказать, что его предприятия можно продолжать не без выгоды.

— Вы, значит, тоже переменили свои взгляды? — сухо перебила Сьюзен, помешивая в чашке серебряной ложечкой.

— А я только недавно приводила вас в пример последовательности и стойкости взглядов. Увеличенная доза банковских праздников, очевидно, сильно действует на содержание черепной коробки. Насколько мне известно, до сих пор в Англии таких случаев не бывало.

---

[1] В то время министр финансов.

Миссис Бредфорд впала явно в плохое настроение. Дядюшка даже растерялся.

— Ни в понедельник на Пасху, ни в Духов день, ни во второй день Рождества, ни в первый понедельник августа, никогда, дорогая Сью... — заговорил он, поднимая плечи и брови, точнейшим образом перечисляя обыкновенные дни банковских праздников, чтобы выиграть время для своего оправдания. Это был обычный маневр перед лицом раздраженной жены. В такие минуты мистер Сэмюэл Бредфорд становился похожим на большую нахохлившуюся птицу, пожалуй даже на попугая, который повторял заученные слова.

— Я никогда не был плохим британцем, дорогая Сью, — нашелся, наконец, он. — Надо уметь видеть исторические перспективы...

Дядюшка попросил еще чаю и продолжал рассуждения тоном благодушно настроенного учителя:

— Кроме того, тут есть определенный расчет... Война по существу была решена. Не мы, так немцы... И если наше общество беспокоилось, то только за то, чтобы правительство не наделало глупостей. Там есть такие молодые люди, вроде мистера Черчиля, которые способны на опрометчивые шаги. Извините, Хэл, я не хочу сказать ничего дурного про ваше начальство. К счастью, все благополучно... И общественное мнение и финансы.

Разговор перешел на сухие, коммерческие темы. Дядя даже не поинтересовался, закончилась ли мобилизация и готовы ли войска экспедиционного корпуса к перевозке на материк. Как будто бы он и его акционерное общество были единственными господами положения, ради которых вращалась вся военная машина и ничтожные исполнители — комодор и лейтенанты — не спали ночами. Какой эгоцентризм! Этот делец даже не спросил, где была, кого провожала его жена. Хенри почувствовал, что оставаться в столовой больше не может. Ссылаясь на переутомление, он попросил разрешения встать и поднялся к себе. Быстро улегся, выключил свет. Но сразу уснуть не мог. В мозгу бежали длинной вереницей номера телеграмм, сами собой вспоминались отданные распоряжения, и все время закрадывалось непонятное беспокойство: ка-

залось, что-то забыл сделать, не то оставил несданными ключи, не то оставил непосланной телефонограмму. Ночью приснился горящий корабль с названием «Добрая Надежда».

Утром, проснувшись, вспомнил, что начальник приказал проследить готовность крейсера с этим именем. Сразу стало весело. Даже засмеялся. Пришло в голову, что сегодня «первый день». Первый день, когда могут прозвучать залпы и в счетных книгах войны должна быть открыта графа расхода. Поспешно, не дожидаясь выхода хозяев дома, проглотил утренний завтрак, поспешил в штаб. Машина войны не медля снова захватила в свой ход жаждавшую великих событий молодую лейтенантскую душу.

В дежурной оперативной комнате маленький, бравый, звонкоголосый Клод уже делал доклад комодору:

— Главный флот производит поиски в Северном море... Противник не обнаруживается... Германские крейсера в Мессине... Линейный крейсер «Неукротимый» и крейсер «Деблин» отправлены адмиралом Милном принять уголь...

Сэр Эдгар, заложив руки в карманы, покачивался на широко раздвинутых ногах (что служило признаком недовольства) и бурчал:

— Старые сказки... Ничего нового... Опять им нужен уголь... Они жрут его как шоколад... Вместо того чтобы гнаться и сокрушать...

В заключение Клод доложил последнюю сводку разведывательного отдела. Комодор стал пробегать ее с самым скучающим видом, но вдруг вздрогнул и уставился на карту. Вытянул тонкий указательный палец, украшенный удлиненным отполированным ногтем, провел им от берега Норвегии до Нью-Фаундленда и вопросительно взглянул на офицеров. На этот раз худощавое лицо начальника выразило тревогу. Лейтенанты невольно сделали шаг к нему.

— Еще один... Источник заслуживает доверия... Северные пути под ударом германских крейсеров. Нужны самые срочные меры. Как обстоит дело с «Доброй Надеждой»? Я иду к начальнику штаба.

7

Теперь оставим уважаемого начальника оперативного отдела британского морского генерального штаба и его отличных, молодых помощников исполнять ответственные служебные обязанности и вернемся к нашим землякам из Блайс.

Разумеется, ни лордам адмиралтейства, ни командиру крейсера «Добрая Надежда» и в голову не приходило ставить их в известность о событиях, которые полным ходом развивались на океанах. Об этом, правда, наглядно свидетельствовали сотни пароходов, скапливавшихся в портах. Кроме того, среди жителей ходили темные, устрашающие слухи. Чарли Лидс, будучи петти-офисером и имея возможность более частого увольнения, смог скоро убедиться, что тревога, проникавшая в матросскую среду, имела корни на берегу. Да, именно в последний раз, отдыхая в парке Виктории за два дня до ухода из Портсмес, Чарли услышал взволнованный разговор двух миссис, старой и молодой. Старая, имевшая отдаленное сходство с сильно отощавшей коровой, убеждала молодую, красивую и высокую, как мачта:

— Покупайте немедленно... Мой муж, — а вы знаете, какое место он занимает, — говорит... В магазине Дикинсон не осталось ни одной пачки какао.

Собеседница ахала и прижимала руки к груди. Она была очень мила, эта стройная женщина, и сильно смахивала на красавицу Шарлот. Но Шарлот никогда не терялась и не делала таких беспокойных жестов. Шарлот — молодец, и он ее скоро расцелует в обе щеки. Куры зря раскудахтались. Этой старухе следовало бы вести обезьян в ад, а не хвастать своим мужем.

Женщины прошли мимо по аллее, а Чарли продолжал сидеть и ворчать про себя. При этом сам не понимал, отчего прохожие миссис возбудили в нем такое раздражение. Петти-офисер Лидс устыдился и перебрал в голове все, что могло быть действительной причиной плохого настроения: оптические прицелы, — они были осмотрены только сегодня; стреляющие приспособления, — действовали без отказа (правда, пробной стрельбы еще не было, но это уж зависело не от него); принимающие приборы, —

гальванеры заканчивали их проверку. Нет, все шло как надлежало. Петти-офисер Лидс пристыдил сам себя: «Глупые мысли. Не надо ходить на всех четырех, и все будет хорошо. Не первый раз Шарлот оставалась одна...» Мысль о жене была приятна и одновременно вызывала тревогу. Конечно, она... Высокая женщина напоминала ее. Шарлот! Эсси! Сид!.. «Волк» мысленно произносил дорогие имена и радовался, что тревожное волнение проходит. Какие глупости! Волноваться? Они будут ждать, и он не забудет их. Свидание будет радостным. Тогда-то он придет, чтобы больше не разлучаться. А пока надо думать о другом. Звание петти-офисера дается не для забавы. Чарли Лидс даже ощутил прилив чувства гордости. С сознанием своей значимости он сидел на скамейке, созерцая, как сходятся вдали в одну точку ровные края длинной аллеи, линии тонких стволов деревьев и их подстриженных верхушек. «Все ведет к одной точке, — умиротворенно подумал в заключение петти-офисер Лидс. — Все ведет к одной точке, и эта точка — закон, и нечего зря рассуждать». Он встал и зашагал к доку.

Ждать очень скучно, но ожиданию когда-нибудь приходит конец. На следующий день крейсер «Добрая Надежда» вышел из дока. Немедленно были погружены уголь и боевой запас. Напоследок царствовал пэймастер [1] Уотсон, руководя приемкой провизии и вина. Грузовики то-и-дело подкатывали к месту стоянки; лебедки работали; груды ящиков с разного рода снедью, бочек, боченков, окороков и мясных туш проносились над бортом и палубой. Можно было подумать, что корабль уходит в долгое заокеанское плавание. Однако все знали, что это — мобилизация и что крейсер ждали в Скапа-Флоу. Об этом поведали рулевые, приводившие в порядок рубку штурмана: лейтенант-командер Скотт приказал приготовить карты Канала, Северного моря и Оркнейских островов. Эта весть радовала. Защищать непосредственно свои берега было приятнее. В довершение всего последние оказались совсем близко, почти на виду. Даже толстый Уилл приободрился, и тут же на условном месте для курения, посредине между камбузным люком

[1] Ревизор (интендантская должность).

и лебедкой для подъема гребных судов, где всегда происходил обмен новостями, хлопнул Чарли изо всей силы по предплечью.

— Чорт побери, старина! Мы, пожалуй, не позже как завтра посмотрим на родной бережок. А в рождественский отпуск можно будет посидеть, потрясти бородой у мистера Мэк-Ки.

А Чарли Лидс съездил его в ответ кулаком по широченной спине, засмеялся и, не вынимая трубки, расправил усы.

И все-таки тревога заползла в палубы и кубрики. Опять кто-то слышал, что германские крейсера захватывают все коммерческие суда, независимо от национальности, что Англии угрожает голод. И в самом деле, выходили только те пароходы, которые не собирались пересекать океан. «Добрая Надежда» вступала в строй одной из самых последних. Пока экстренно заканчивали ремонт и производили приемки, пришлось проводить другие корабли. 4-го августа засвистали дудки и голоса вахтенных прокричали: «все руки на палубу». На самом деле понадобились не «руки» для работы, а глотки, чтобы кричать «ура» кораблю, уходящему в море. Точнее — не одному кораблю, а двум. Под музыку, под троекратное «ура» пошли на юг «Мстительный» и «Честолюбец». Крейсера принадлежали к составу третьего флота, и проводить их собралось множество людей, преимущественно жены и дети. Уже оркестр сыграл «Минувшие времена» и «Дом, любимый дом», а платки продолжали развеваться по ветру. Он дул как раз туда, куда пошла девятая эскадра. У многих женщин лица были красны от слез. То одна, то другая миссис или мисс прижимала свой платок к носу, к глазам; потом снова поднимала, распускала по ветру, другой рукой придерживала шляпу. Вероятно, им казалось, что их знак еще видно. Между тем зелено-синие волны замыли следы крейсеров; дым гнало вслед за кораблями и они скрывались, как бы окутанные темной фатой; с трудом можно было различить только сигналы, отрепетованные на высоких мачтах «Честолюбца».

— Прощайте, прощайте, вы, испанские леди,—весьма угрюмо пробормотал Уилл Толчер, когда прозвучала ко-

манда «с вант и марсов долой, подвахтенные, вниз» и нашлось время задержаться между камбузным люком и лебедкой для подъема гребных судов: — А эту бедную леди не мешало бы приподнять за волосы. — Он сердито отвернулся от набережной, заполненной людьми; от женщины, маленькой, худенькой, с серым лицом. Ее жакет и цветы на шляпке потеряли свой первоначальный, вероятно, синий цвет; сумочка, зажатая в руке, была со сломанным замочком. Толпа затирала женщину, постепенно лишая ее возможности видеть морскую даль. Бледная, жалкая, тянулась она вверх, в желании увидеть хотя бы мачты. Изо всех сил поднималась на носках и вытягивала руку с большим платком; но последний тонул в сотне других. Слезы стояли в глазах маленькой женщины. Она чувствовала, что тот, кто ушел в море, не видел ее прощального привета.

Да, это было четвертого, а шестого газеты сообщили о первых жертвах, — погиб легкий крейсер «Амфион». Сначала он вместе с миноносцами потопил немецкий минный заградитель «Королева Луиза». Потом сам взорвался на заграждении, которое поставил последний. Из трехсот человек погибло полтораста, а кроме того, и почти весь экипаж «Королевы Луизы», перед этим подобранный «Амфионом». Газеты называли немцев, нарушивших «освященные временем законы и обычаи морской войны», самыми бесчестными прозвищами.

Ребята нашли потом в списке погибших своих знакомых. Но и без списка на сердце стало тяжело. Второй наводчик из каземата орудия 2 А (правой нижней шестидюймовой батареи) рыжий резервист Пэт О'Брайен, еще во вторник, четвертого, подал заявление командиру дивизиона, а в первый траурный четверг явился в числе просителей к самому капитану и смущенно заявил, что хотел бы жениться.

— Моя невеста здесь, сэр. Честное слово, здесь. Очень хорошая девушка, сэр. Отец ее сам служил в королевском флоте, держит лавочку; где имеется все на свете для моряка, сэр.

— Мы не сегодня-завтра уйдем, О'Брайен. Команду увольнять не разрешено.

— Ах, сэр! Если бы я только знал! Но мы отложили

свадьбу из-за мобилизации, сэр. Я хотел сначала исполнить свой долг, сэр. — О'Брайен уныло моргал золотыми ресницами, а его веснушчатые веки и нос краснели.

— Вы поступили совершенно правильно, О'Брайен. — Капитан сидел с замороженным лицом, не поднимая глаз.

— Разрешите быть свободным, сэр?

— Можете быть свободным, О'Брайен. Напишите вашей невесте письмо, что она тоже должна исполнить свой долг перед королем и Британией. Какая-нибудь пара месяцев — пустяки для умной девушки.

Вечером О'Брайен долго сидел на верхней палубе у кожуха первой трубы, не слушая сигналов, пока товарищи не растолкали его. Но этому не следует удивляться. До вечера было столько работы, что бедный Пэт даже не смог толком разобраться, успокоиться ему или печалиться. Согласно королевскому регламенту и инструкциям адмиралтейства, в рабочее время горевать матросу не полагается, но, считаясь все-таки с наличием человеческих чувств у «людей», командование флотом отвело для такого нерегламентированного рода занятий специальные часы и места, которые устанавливаются «правилами о курении». Так, старшие унтер-офицеры могут развлекаться этим во время, отведенное для завтрака, обеда и ужина, а вечером, после проверки или конца занятий до дудки «перестать курить» — на правом борту между лебедкой для подъема мусора и правой кормовой пятидесятисемимиллиметровой пушкой и посредине между камбузным люком и лебедкой для подъемных гребных судов; унтер-офицеры первого класса — в то же время и в соответствующих местах левого борта; наконец, остальная команда — в то же время, но впереди лебедок для подъема мусора с обоих бортов и впереди кожухов дымовых труб на середине корабля. Таким образом достигается планомерность жизни, удовлетворение моральных потребностей и строгое воспитание людей. Опасное по своим последствиям панибратство между рядовыми и их ближайшими командирами устранено, а чтобы воспитание было полноценным, постоянное наблюдение за местами курения поручено унтер-офицерам корабельной полиции. Бедный жених, точно соблюдая инструкцию, имел обыкновение предаваться печальным размышлениям именно

по вечерам (если бывал свободен) и у кожуха первой трубы. Товарищи посмеивались, но вполне вежливо. В конце концов, у всех у них было, о ком подумать. Один только проворный Хармер, ловкий на руки как фокусник, вертлявый как обезьяна, выходец из темных кварталов лондонских доков, покачал головой и сказал укоризненным тоном:

— Ах, О'Брайен, О'Брайен, плохо быть круглым шпеньком в квадратной дыре. Так можно заболеть чахоткой или — еще хуже — желудком.

— Почему желудок хуже чахотки? — уныло спросил Пэт.

— Вы лишитесь последней радости в жизни.

Сцена у кожуха дымовой трубы развеселила собравшихся матросов, и они были не прочь посмотреть продолжение представления, которое устроил неугомонный Хармер, но ирландец, заметив ухмыляющиеся рожи, выругался и ушел.

О'Брайен в самом деле тосковал и тревожился. Чарли Лидс, который приходился ему одним из ближайших начальников, прослышав о всей этой истории, внутренно посочувствовал матросу. Петти-офисер как-то даже хотел похлопать О'Брайена по плечу, но во-время удержался.

«Хорош петти-офисер, который заводит фамильярности с командой. Если позволить себе такую роскошь, то, пожалуй, руку отобьешь, похлопывая спины нескольким десяткам крепких молодцов. Давали подписку, так служите. У других тоже горизонт не чист. Вот, как я соображаю».

В последнем Лидс не ошибался. Смутно, тревожно было на душе у всех. В конце концов это было простительно. Ведь главное командование волновалось не меньше, и адмирал патрулей получил приказание держать дозор у побережья днем и ночью.

Лихорадочные дни, часы ожидания...

Наконец, загремел горн, бешено просвистали дудки, и команда, пришедшая еще от времен Дрэйка и Хоукинса,[1] снова вызвала «все руки на палубу».

[1] Выдающиеся мореплаватели эпохи королевы Елизаветы (XVI век). Одновременно морские разбойники, состоявшие на «королевской службе».

«Прощайте, прощайте, вы, испанские леди...» Так, вероятно, думал, толстый Уилл. Впрочем, может быть, и не думал. Он как раз попал на вахту. Даже наверное не вспомнил своего любимого припева, потому что в кочегарку вдруг стремительно сошел сам старший механик и заговорил, почти закричал, стараясь пересилить грохот вентиляции и лязг кочегарных лопат.

— Поднимайте пары, Симс. Немедленно и как можно скорее. Нужен полный ход.

— Все котлы, сэр? — спросил котельный механик с потным лбом, в сбитой на затылок фуражке.

— Все. Топку пора чистить, — крикнул старший в сторону ближе стоявшего кочегара и быстро побежал по трапу. Он был очень проворен и успевал всюду, несмотря на свой солидный возраст.

— Держу на порцию рома, — что-нибудь случилось,— проворчал матрос.

— Удивили, — откликнулся Толчер, помогая выгребать шлак. Толстый Уилл, озаренный жарким светом топки, от усилий скорчивший примасу, мокрый от пота, походил на старого джентльмена из преисподней. — А не хотите ли вы держать за то, что рыбы плавают в воде?— Но до конца вахты не удалось узнать ничего больше. Они смогли только поругивать (разумеется, вполголоса) тех, кто имел возможность быть на верхней палубе, и немного отвели душу.

А наверху после аврала сыграли «отражение минной атаки». Люди, уже отвыкшие от боевой службы, не совсем быстро заняли места у пушек. Чарли Лидс стал на свое место. С помощью пары крепких слов заставил поспешить прислугу с приготовлением орудия к бою. Солнце уходило к северо-западу, не мешая наводчикам. Поверхность канала передавала дыхание океана. Навстречу шла плавная зыбь. Горизонт чуть колебался.

На этом курсе с правого борта земли не было видно. В наступившей боевой тишине все прошлое, вместе с берегом, отошло куда-то назад. Казалось, жизнь, начавшаяся в казематах, на стальных палубах, никогда не прерывалась, а был только очередной летний или рождественский отпуск.

Встречный ветерок прорывался в амбразуру, умеряя

духоту. Молоденький мидшипмен Артур Сильвер со вздернутым носом, безусый, в аккуратном белом воротничке, по-мальчишески высунул голову и набрал длинным вдохом свежего воздуха. Юношу назначили командовать орудием. Мидшипмен гордился и был счастлив. Вероятно так же как знакомый нам Боб Кери, он жаждал приключений, славы и хотел пострелять в подходящую цель. Однако небо и море были безмятежны, на горизонте не было видно ни силуэтов, ни дымок. Тревога была проверочной, учебной. В самом деле, не были ли события последних дней просто бо́льшими маневрами?

Радиостанция Лондон — «Белый дворец» на радиостанцию крейсера «Добрая Надежда».

«*Командиру*. В изменение прежних инструкций вам надлежит немедленно отправиться в Халифекс и поступить в распоряжение командующего Вест-Индской станцией. Идите возможно большим ходом. Угроза коммуникациям в районе Нью-Йорка, Хэлифекс, Нью-Фаундленд. Вероятно присутствие крейсера «Дрезден» и вспомогательных крейсеров... Начальник морского генерального штаба... Авг. 6, ... 4 ч. 35 м. р. m».

* * *

Вдруг на дуло орудия упал солнечный свет.

Поворот?..

Луч, ворвавшийся в амбразуру, покачивание корабля дали ответ. В тот же миг и мидшипмен, и Чарли, и все старые матросы сообразили, что они повернули не на восток, а на запад.

— Вычислим по солнцу поправку компаса, — успокоил мидшипмен. Он надеялся со временем заработать медаль Гудинафа за успехи в артиллерийском и морском деле, а потому любил показывать свои знания.

Но берега Корнуэлла упорно продолжали виднеться справа, скрываясь постепенно по мере того, как «Добрая Надежда» уходила на юго-запад.

— Вероятно, мы пройдем Ирландским морем, — менее уверенно постарался объяснить мидшипмен.

Тогда стало ясно, что все, что делается, — не учение и не маневры. Вспомнился красивый «Амфион» и полтораста товарищей, тела которых лежали на дне или болтались в волнах. Значит, там, на востоке, действительно было опасно. Значит, и здесь командир остерегался атаки? Значит, в самом деле была война?.. Молчаливо, угрюмо, с тяжелыми мыслями стояли матросы. Мидшипмен больше не делал догадок, а только смотрел, как тает под солнцем мыс Лизард.

Когда стемнело, сыграли отбой. Перед сном Лидс и Толчер встретились у камбузного люка и потом выглянули на полубак. Они долго смотрели на призрачный отсвет фосфоресцирующих гребней. Ветер осыпал прохладными горькими брызгами, и Чарли сказал:

— Погода как будто свежеет.

— Просто, старина, мы имеем восемнадцать узлов, — откликнулся Уилл.

Чарли поднял глаза к небу, «Добрая Надежда» не повернула на север. Большой ковш сверкал с правого борта.

* * *

Если вам рассказывают необычайные вещи о жизни на корабле — не верьте. Необычайности хватает только на первые три-четыре дня. Потом оказывается, что эта жизнь заключена, как и всякое организованное существование, в строго рассчитанную клетку расписаний. В то время, когда корабль находится в боевом походе, она упрощена до крайности: люди живут вахтами, люди стараются спать, пока не просвистали вызова на палубу; тогда они идут на гимнастику или на работу, а ровно в четыре пополудни сигнал вызывает всех на места для ежедневного артиллерийского учения. Уныло перезванивают звонки, скучно лязгают затворы, пушки нехотя ворочаются вправо и влево, не зная, в кого целиться. В промежутках между сигналами люди спешат запастись силами, чтобы затем твердо выстоять положенные часы, вглядываясь в морщинистое лицо океана, в колебание компасной картушки или в цвет раскаленного угля топки котла, разговоры у обрезов для окурков становятся скучными,

никто не может сказать ничего нового. Новости приносят только сменившиеся с вахты, но их кругозор ограничен дальностью видимого горизонта и случайно подслушанными словами офицеров. Лучше всего — покурить и снова лечь. Палуба ходит под ногами, столы за обедом дружно качаются. Эквилибристика надоедает. Опытные люди рекомендуют спать, — тогда не надо думать. Во сне, на качке, после напряженной вахты и порции рому, исчезают излишние сомнения, надежда, томительное ожидание. Подкрепленный здоровым сном боцман считает себя добрым и склонен острить, и даже корабельному полицейскому начинает казаться, что его уважают матросы. Корабль бодрее взбегает на волны, задирая форштевень. Водовороты кильватерной струи весело крутятся, исчезая за проносящимся гребнем. Мысли о себе, о своем доме заслоняются сновидениями и вахтами. Артиллерийский петти-офисер Лидс опять вступает в дежурство по батарее. Кочегарный петти-офисер Толчер терпеливо утирает красным лоскутом капли пота. Маховик лага без устали крутится на юте, передавая пройденные мили на счетчик, позеленевший от крепко-соленой воды.

Крейсеру предстоит дальний путь через океан. Сначала он увидит айсберги, приносимые холодным течением Лабрадора. Потом в южных водах его атакуют красно-хвостые летучие рыбы, и туманы экватора будут преграждать ему путь. Корабль встретит волны, бегущие от берегов Антарктики. И все это время жизнь на нем будет скучна, как на унылых скалах Гебрид.

Небольшим утешением для тех, кто ушел на «Доброй Надежде», было то, что в этот дальний путь они ушли не одни. У берегов Америки их поджидали еще крейсера во главе с отважным сэром Кристофером Крэйдоком. В то время как крейсер «Добрая Надежда» совершал свой торопливый бег по дуге большого круга, вычисленной штурманским офицером Скоттом, адмирал, командующий силами Вест-Индской станции, пытался спасти положение.

Из Нового Орлеана шел хлопок. Из Тампико — нефть. Южная Америка слала хлеб, скот, каучук, красное дерево. Банановые республики поставляли горы фруктов. Антильские острова — сахар. Даже маленькая Ямайка выплачивала дань миллионами галлонов рома, которым жил

весь королевский флот и которого хватало еще на других. Сэр Кристофер Крэйдок вынужден был начать ответственную партию.

Это была любопытная игра. Азартной ее назвать нельзя; страсть заменялась хладнокровием, и шансы на выигрыш имел тот, кто умел лучше рассчитывать. Тем не менее она волновала... Не только контр-адмирал Крэйдок выражал свое нетерпение, проводя почти все время на мостике «Сафека», но и матросы, собираясь у кожухов дымовых труб или «впереди мусорных лебедок», на всех крейсерах говорили о скорой битве:

— Пора отчитаться перед королем за выпитое и съеденное.

— Немцы получат туда же, куда цыпленок получил топор.

На «Сафеке», стоявшем на Ямайке, на «Беруик», крейсировавшем во Флоридском канале, на «Бристоле» и «Эссексе», продвигавшихся к Нью-Фаундленду, темнокоричневые, обветренные, обожженные лица, щурясь от жарких лучей, с напряжением обращали взгляды в синюю даль, и каждый новый дымок заставлял звучать голоса тревожно и вставать с палубы отдыхавших. Кто-то уже держал пари, что видит типичные боевые марсы с прожекторами и чуть откинутые назад три трубы немца. Но горны молчали; солнце палящим жаром умеряло страсти, и игроки должны были снова призывать на помощь хладнокровие, чтобы не разругаться. Снова начинали дымить трубки, один ловкий парень, по имени Джон, черный, быстрый в движениях, садился на палубу и, обхватив ноги руками, клал широкий подбородок на колени.

— Ах, ах, — восклицал он с сожалением, — моя дорогая оставила меня в корзинке.

Люди свободной вахты размещались вокруг и слушали болтовню веселого Джона, пока снова чей-нибудь возглас не настораживал их внимания или сигнал не вызывал на службу. Джон рассказывал о своей милой, которая по цвету кожи ничуть не темнее пегой лошади, и все чувствовали себя молодцами, а комендоры хвастались, что у них чешутся руки и зудит в глазах.

А игра тем временем шла. Прежде всего пожелали сыграть свой удар лорды адмиралтейства. По их расчетам,

основанным на данных авторитетных источников (вы, конечно, не забыли двух джентльменов из Копенгагена), выходило, что надо спасать северный узел путей. «Дрезден» у Нью-Йорка. Возможен прорыв германских крейсеров со стороны норвежских шхер, вокруг Британских островов и Исландии», — кричали телеграммы из Лондона, а «Беруик» искал и не мог найти своевременно спрятавшегося противника. Один из германских крейсеров — «Карлсруэ» — был где-то близко (для океанских поисков три-четыре сотни миль — несомненный пустяк). Время от времени его радиотелеграфный передатчик давал о себе знать, и тогда командир «Беруика» покусывал с досады правый ус и начинал утирать большим платком лысый лоб медного цвета. Контр-адмирал Крэйдок, получив вслед за этим донесение «Беруика», шел в штурманскую рубку и сам брался за циркуль. Седеющие усы и борода флагмана 4-й эскадры шевелились. Адмирал обладал правом иметь привычки. Они были даже полезны для других, служа им примером. Штурман знал, что командующий соображает, а потом вскинет живой проницательный взгляд и, как бы экзаменуя, спросит:

— Как много, по-вашему, до Багамских островов?

Вест-индское солнце медленно отмечало часы погони. По существу, это была игра в жмурки, но только с той разницей, что ловцов было четыре, а тот, кого ловили, — один. Он изредка издавал неразборчивый писк, и британские крейсера, принюхиваясь, как охотничьи псы, осторожно, боясь промахнуться, подбирались к намеченной точке. Они уже рыскали в пустыне океана. Дымки пароходов перестали появляться на горизонте, и людям в палубах, в машинных и котельных отделениях игра стала надоедать. Как всегда бывает в таких случаях, внезапно, в предобеденный час, «Сафек» пробил тревогу. Матросы вприпрыжку мчались на свои места, и веселый Джон уже похлопывал свою шестидюймовку по казенной части, приговаривая:

— Мяч у вас, моя дорогая. Делайте вашу игру без промаха.

Сэр Кристофер Крэйдок почти доиграл хавтайм. В секторе его видимости стоял германский крейсер и с ним большой пароход. С юга, запада, севера располагались

британские крейсера, которые должны были затянуть лассо. Жмурки превращались в догонялки, причем опять-таки четверо догоняли одного. Десяток хороших залпов должен был положить конец.

— «Курсовой угол ноль... дистанция двадцать четыре тысячи шестьсот...»

Уже комендоры ловили грот-мачту на крест нитей. Уже артиллерийский офицер был готов подать последнюю команду. Борода и усы адмирала снова шевелились. В боевой рубке, преисполненной жары и духоты, царили последние минуты могильной тишины, когда шла игра на ярды, последние ярды дистанции. Голос в переговорную трубу с верхнего мостика сухо, резко выкрикивал:

— 23800... 23200... 22600... 22000...

Адмирал и офицеры стояли с биноклями в руках, глядели вперед, не отрывая взглядов от силуэта, который как бы таял в синеве горизонта, видневшейся в прорези. Казалось, автоматический голос был им совершенно безразличен. Казалось, они вообще были заняты какими-то своими сокровенными мыслями.

— 21400... 20800... 20200...

Равномерность выкриков вдруг нарушилась. Наступила пауза. Артиллерийский офицер болезненно поморщился. Бинокль дрогнул в руке адмирала.

— 20200... 20400... 20600.

Тогда адмирал опустил бинокль и сделал шаг к двери.

— Оуэнс, передайте лейтенанту Уокер, чтобы немедленно вызвал «Бристоль» и «Беруик». Надежда на «Бристоль». Противник уходит на север.

Веселый малый Джон не смог до конца отвести душу со своей милой. Залп «Сафека» не прозвучал в тот жаркий день над волнами синей Атлантики, и тем самым путь крейсера «Добрая Надежда» был окончательно предопределен на запад. Противник не пожелал кончить игру. Пользуясь запасом скорости, он уходил от бравого сэра Кристофера Крэйдока, пока ночь не скрыла острые мачты, пока дым высоких труб не смешался с непроницаемой тьмой южной ночи. Снова началась погоня. Корабли писали по морю странные петли. Как будто магнит притягивал их к одной непонятной точке. Когда же они туда приходили, там было пусто. Синие волны ровно катились

от одного края горизонта до другого, и опять можно было итти по любому из тридцати двух румбов.

Радиостанция Кингстоун. Ямайка. На крейсер «Сафек».

«Передается депеша из адмиралтейства... Есть сведения об устройстве германской базы на островах Сан-Пьер. Наблюдалось присутствие германского крейсера в проливе Кабо, Канада. Примите все меры для восстановления нормального судоходства в северных водах. В ваше распоряжение экстренно выслан крейсер «Добрая Надежда», который 12 августа прибудет в Хэлифекс в качестве временной охраны путей»...

* * *

«Добрая Надежда» спешила к своей точке. Огнедышащие топки котлов пожирали тысячи тонн угля. Потные люди, пошатываясь, работали у машин, и качание шатунов казалось единственным смыслом жизни. Все остальное было воспоминанием или сном. Берега, порт не манили. Оплошность грозила несчастьем, смертью. Если не самим, так другим. Только старшие командиры могли знать, к чему все это приведет. Казалось, слепое повиновение скорее всего позволит снова спокойно уснуть, подумать о своем больном и близком. Слепое повиновение, которое позволит настигнуть врага, которое позволит увернуться от удара.

Бег продолжался. Враг был неуловим. Сэр Кристофер Крэйдок почти держал его в руках (все-таки у него было уже пять и даже шесть крейсеров, а у противника всего два). Но когда доблестный, энергичный адмирал сосредоточил свои силы в северных водах, стало ясно, что там все тихо: германские крейсера были на юге. Единственным утешением для него могло быть только то, что он не один был в таком положении. В те тревожные дни, когда пароходы боялись высовывать носы из портов или, наоборот, беззаботно бурлили поверхность отдаленных морей, становясь добычей дерзких германских каперов,

пять эскадр, в общей сложности свыше семидесяти вымпелов, были брошены на поиски и ловлю. Чарли Лидс сделался участником этой грандиозной игры, которую шутники, не пробовавшие месячных переходов, не испытавшие бессонной, лихорадочно-томительной ночи угольной нагрузки, не стоявшие бесконечных вахт, называли игрой в лисицу и гусей.

То, что их корабль с таким хорошим, многообещающим именем стал участником необычайной эпопеи, равной которой могли бы быть только марш-маневры Родни [1] и Нельсона, матросы «Доброй Надежды» узнали лишь в Канаде, когда они встретились в Хэлифексе с крейсером «Сафек», на котором развевался флаг контр-адмирала Крэйдока. Этот белый флаг, рассеченный крестом святого Джорджа и отмеченный двумя красными кругами, вскоре перешел на фок-мачту «Доброй Надежды». В тот же день сэр Кристофер Крэйдок бодро прошел по верхней палубе в сопровождении командира и старшего офицера. Шеренги «людей», сняв головные уборы, стояли синей стеной, молодец к молодцу, несмотря на то, что большинство было из резервистов. Бравыми взглядами встречали и провожали того, кто замещал здесь короля, кому они должны были слепо повиноваться. Адмирал остался доволен и в свою очередь понравился «людям». Глаза сэра Кристофера Крэйдока горели помолодому, а фуражка с козырьком, обведенным золотым ободом дубовых листьев, сидела на голове как-то особенно лихо, словно он только что пролетел сквозь ураган на самом быстроходном корабле.

Перед ужином, сразу после гимнастики, было приказано построиться подивизионно. Лейтенант Фишер, заведывавший дивизионом, куда входили люди правой нижней батареи, вышел перед фронтом насторожившихся «людей». (Раз офицерам было приказано дать объяснения команде, значит было что-нибудь особенное.)

— На дороге лежит кость, — сказал внушительным голосом офицер и посмотрел взглядом, не допускающим возражений и вопросов. — Эту кость взяла ваша собака.

---

[1] Адмирал, прославившийся победами и разбоем в войнах с испанцами, французами и голландцами в конце XVIII века.

Собака тоже хочет есть, и кость ее по законному праву. Другие собаки захотели отнять лакомый кусок у вашего пса. Что делать ему?

Довольный своим остроумием, лейтенант петухом посмотрел на строго выравненных по меловой линии людей, сделал паузу и сам дал ответ:

— Перегрызть горло разбойникам. И вы сами пойдете помочь вашему псу и перебьете хребет той бродяге, которая хочет обидеть вашу собаку. В ближайшие дни командующий эскадрой контр-адмирал сэр Кристофер Крэйдок поведет нас в погоню за германскими пиратами, которые хотят уморить голодом нашу родину. Мы покажем им, как воровать чужую кость.

Офицер хотел подать команду разойтись, но вместо этого сделал паузу и что-то вспомнив, приказал:

— Командирам полудивизионов опросить людей о нуждах и мне доложить сегодня же.

Начальники должны быть в глазах подчиненных божеством, а потому им не следует подолгу разговаривать с «людьми». Иначе речь превращается в простой ветер. Лейтенант Фишер, имевший достаточно твердо усвоенные правила управления доверенным ему дивизионом, немедля ушел, предоставив поле деятельности своим помощникам. Мидшипмен Сильвер в свою очередь вышел перед фронтом, имея наготове записную книжку, но «люди» молчали, почти не моргая, уставив взгляды на начальство. Мидшипмен еще лишний раз испытал приятнейшее ощущение и почувствовал необходимость сказать пару хороших слов этим храбрым молодцам-синеблузникам, которые уже были готовы итти, хоть на край света.

— Мы идем исполнять важное дело, — звонким голосом подтвердил розовощекий юноша. — Надо помнить, что великая Британия сможет существовать без подвоза припасов не более семи недель. Наше дело поймать разбойников.

Затем он распустил команду, не подозревая, что сильно напугал тоскующего комендора О'Брайена.

Позднее, вечером, петти-офисеры первого класса дымили и предавались размышлениям на своем уставном месте у камбузного люка. Среди них присутствовали и наши друзья из Блайса, принимая участие в обсуждении

событий, потрясших однообразный ход корабельной жизни.

— . . . Мы кричим и хохочем, как подобает настоящим британским матросам, — продекламировал страшным голосом толстый Уилл. — Это значит — мы не застоимся в этом приятном порту, где публика так любезна, что берется за нас грузить уголь.

— Я вот посмотрю, как они погрузят на этот утюг, — откликнулся из полутьмы хриплый голос. — Наше счастье, что мы пришли первыми, а там старичкам придется самим поработать.

Говоривший имел в виду только что прибывший старый линейный корабль «Слава», где яркий свет люстр указывал на подготовку к авралу.

— Им спешить некуда, — умиротворяюще сказал Толчер и хотел обратиться к Чарли со своими новейшими соображениями насчет Вест-Индии, но заметил, что тот стоит с ирландцем на границе уставной зоны (граница не была нарисована, но подразумевалась совершенно точно).

— Ему нужно вбить прямой гвоздь в башку, Толчер. . . Растолкуйте ему, что его невеста никуда не денется. Он опять спрашивает, когда его отпустят домой.

Чарли Лидс даже сплюнул в обрез. Так как О'Брайен продолжал стоять, а Уилл в разговор не вступал, он сердито и грубо сказал:

— Вы мне надоели, О'Брайен, со своей Сисли. Лейтенант и мистер Сильвер сегодня самым лучшим образом объяснили наши обязанности, а он твердит свое. Не ходите на всех четырех, О'Брайен, и вам будет спокойно. Далась ему эта Сисли.

Лидс закрыл свое лицо дымным облаком и отвернулся в знак того, что разговор окончен. Матрос сделал поворот кругом и ушел.

— Вы слишком много стали разговаривать с этими ослами, Чарли, — усмехнулся Уилл. — Перерыв в службе на вас подействовал в плохую сторону. Прямые гвозди в деревянную башку лучше всего вбивать без разговоров. Пожалуйтесь на него капралу.[1] Он занесет его в список и найдет подходящее дело. А впрочем, Чарли, я помню,

---

[1] Капрал — унтер-офицер корабельной полиции.

какие письма вы писали своей Шарлот и как вы подрались — да, конечно, это было в Александрии, — из-за того, что не получили обещанных листочков бумаги.

Лидс снова пустил дым, но все-таки признался:

— Я тоже помню... Я его поглажу против шерсти, если он будет скулить как паршивая собака.

Петти-офисеры продолжали беседу, а Пэт О'Брайен отправился на свое излюбленное место у кожуха дымовой трубы. Там было много народу и среди них Хармер, который уже успел подглядеть, что Пэт имел разговор с их петти-офисером.

— О'Брайен опять ходит с черной собакой, — заметил один матрос (пользуясь отсутствием чинов корабельной полиции, он позволил себе поиграть словами).[1]

— Он напоминает мне медведя и чайник, — засмеялся Хармер, делая лукавую рожу. — Если он не перестанет носиться со своей глупой страстью, то ему ошпарят нос и лапы.

— Надо уметь делать лучшее из плохой торговли, — посоветовал третий. — Пока деньги платят, жаловаться нечего.

О'Брайен не выдержал:

— Я согласен плавать, но скажите, когда я смогу вернуться домой. Больше мне ничего не надо.

— Офицеры сказали ясно: очистим море от разбойников и кончено. Дольше, чем нужно, не задержат. — Хармер не мог вести разговор спокойно. Он отбивал ногами дробь и хлопал себя по ляжкам. Должно быть, в детстве ему пришлось бродить в качестве клоуна. О'Брайен возмутился:

— Меня сначала пригласили на мобилизацию и обещали отпустить через неделю-две. Потом попросили немного задержаться. Потом король издал указ. Если верить указу, то я должен служить еще пять лет... Продайте вашего осла, Хармер. Иначе с вами разговаривать невозможно.

— А может быть, и больше пяти, — невозмутимо подал реплику Хармер и заработал ногами в два раза скорее.

[1] Матрос намекает одновременно на плохое настроение О'Брайена и на то, что он ходил разговаривать с унтер-офицером. Выражение «blak dog» фигурально означает — дурное настроение.

— А может быть, и больше? — растерялся О'Брайен. — Может быть и больше, — повторил он, подумав и с дрожанием в голосе. — Но в таком случае я не понимаю... неужели ловля разбойников займет больше пяти лет? Если верить мидшипмену, до тех пор страна может сдохнуть с голоду. Мы воюем почти две недели. Значит, остается пять-шесть. Правильно я сосчитал?

— Правильно, — захохотали кругом. — Правильно. Он силен в арифметике. Сисли нужен грамотный парень считать выручку. Выпаливайте дальше.

— Придержите ваши челюсти, дураки, — огрызнулся Пэт. — Если вам наплевать, то мне неинтересно, чтобы моя Сисли сдохла с голоду. Пять лет — слишком долгий срок. Покойники не будут нуждаться ни в хлебе, ни в ветчине, ни в какао.

— А может, найдутся такие обжоры, — воскликнул Хармер, выкидывая хитрое коленце и все еще раз захохотали. Этот рыжий ирландец делал сам из себя отличного осла.

— Может быть, все это интересно какому-нибудь мистеру Сильверу, — снова выпалил О'Брайен, — а для меня...

— Дурак! — резко, но заботливо оборвал чей-то бас. — Заткните вашу пробоину. Указ короля есть закон. И не нам рассуждать, почему там проставлено пять лет.

О'Брайен больше не возражал. Он вышел из круга и опустился на кнехт, разглядывая огни порта.

— «Прощайте, прощайте, вы, испанские леди», — пропищал Хармер, подражая толстому кочегарному петти-офисеру. Новый взрыв безжалостного смеха покрыл его противный голос. Чья-то ладонь шлепнула О'Брайена по голове и нахлобучила ему фуражку до самого носа.

8

Я знаю чудака ирландца с «Доброй Надежды» только понаслышке. Главным образом потому, что судьба его оказалась связанной с судьбой петти-офисера Лидса. Последний упомянул в письмах имя О'Брайена, и таким образом оно дошло до нас.

Читая не особенно пространные, писанные тяжелым,

угловатым почерком письма Чарли Лидса, становится видно, что ирландец вызывал к себе у «волка» некоторое внимание, и не только своими подозрительными рассуждениями, которые, разумеется, казались особенно симптоматичными в связи с событиями, развивавшимися в последнем году на острове Зеленого Эрина.[1] История с комендором О'Брайеном, пожалуй, самая значительная из всех, которые имели место на эскадре сэра Кристофера Крэйдока за время дальнейшей погони за германскими крейсерами. На общем фоне самоотверженного напряжения, в котором пребывали люди, она показалась насмешкой, по выражению самого петти-офисера — плевком дьявола в душу младенца. Нарыв хотели вскрыть по всем правилам искусства, которым обладали чины корабельной полиции, но он лопнул сам. Гной, который обнаружился при этом, напугал людей. Сомнения всегда легко и назойливо возникают в мозгу утомленного человека. Даже унтер-офицер почувствовал себя неловко, опасаясь излишних вопросов за обеденным столом, а Чарли Лидс счел возможным упомянуть имя О'Брайена в письме к своей дорогой Шарлот.

Поэтому я позволю себе уделить еще немного времени рассказу о происшествии, которое имело место на флагманском крейсере. Но чтобы не увлекаться описаниями чудес природы, организации службы и другими подробностями, которые легко найти либо в учебниках географии, либо в Королевском регламенте, я просто приведу три письма, которые еще лучше, чем мои слова, рисуют всю историю.

* * *

Мидшипмен Артур Сильвер к миссис Эвили Сильвер.

Е. В. «Добрая Надежда»
Остров С.-Поль
Атлантический океан
2 сентября

Моя дорогая мать, я надеюсь написать вам подробнее, когда мы будем грузиться углем. Без угля эскадра итти не может, а поэтому вы можете радоваться: письма

[1] Название Ирландии.

будут написаны вам. Сегодня я пишу, во-первых, потому, что наше плавание у берегов северной Бразилии затянулось и наш адмирал, получив подкрепление, решил осмотреть и этот островок, заброшенный богом на середину океана; во-вторых, я желал бы, чтобы это письмо успело ко дню вашего рождения. Первый раз в жизни я не могу поцеловать вашу нежную, заботливую руку. Но я надеюсь, вы извините вашего сына, который честно старается исполнить свой долг перед богом, королем и Британией.

Эта мысль дает мне силы и мужество. Будьте уверены, мама, я ни разу не подумал лениться, и даже лейтенант Фишер (я, кажется, писал вам о нем и о том, что я назначен в его дивизион) поручил мне в последний раз самостоятельно делать осмотр чемоданов. Кроме того, мне поручено командовать целым казематом. Правда, мы еще ни разу не стреляли, но я хорошо командую на учениях. А себ-лейтенант мистер Котер, председатель нашей ген-рум,[1] даже разрешает остальным себ-лейтенантам рассказывать анекдоты в моем присутствии. Еще пара месяцев, и мне разрешат курить (я был бы рад получить к этому дню соответствующий подарок). Я чувствую, как я расту, как жизнь открывает передо мной свои широкие ворота. Я все-таки рад. Война не так страшна, как описывают. Мы пересекаем места, где прославились наши отцы, и я подумал, как им было тяжело сражаться в этих жарких странах. Хочется быть таким же стойким, и я буду достойным преемником наших великих предков, моя дорогая мать. Между вахтами я успеваю читать мои любимые книги. Люди привыкли ко мне, и я не могу пожаловаться, что они недисциплинированы или непочтительны. Но все-таки и среди них есть подозрительные субъекты. Вчера вечером, когда я спустился с мостика, ко мне вдруг подошел один из матросов. Было очень темно, и я не сразу узнал первого наводчика Хармера. Он совершенно неожиданно преградил мне путь и торопливо зашептал: «Сэр, у нас в дивизионе, в нашей батарее неблагополучно. Если не хотите

[1] Гардемаринская кают-компания.

иметь неприятности, примите меры. Ирландец хочет сбежать». Разумеется, я заставил его выложить все, что он узнал. Этот парень честно признался, что не любит якшаться с полицией, чтобы не испортить отношений с товарищами, но он понимает, что мысли ирландца, который намеками предлагал ему бежать вместе в леса Бразилии, — предательство. Я обещал представить к награде этого молодца Хармер. Признаюсь, меня порадовала его прямота. Но какое отвращение у меня теперь к этому краснорожему ирландцу. Впрочем, от этих негодяев всего можно ожидать. Эта история — единственное черное пятно в моей жизни. Скоро мы найдем немцев и заставим испробовать наши мячики. Моя батарея и мое орудие — одни из самых лучших. У нас очень хороший петти-офисер, по имени Лидс. Лейтенант все поручает ему да мне. Я должен поставить точку, мама. Сейчас свистят сдавать почту. Вы, конечно, передадите наилучшие пожелания моему дорогому отцу, дяде Тим, милым Мегги, Кит и Дэну, а также, если представится случай, Бобу Кери. Я бы очень хотел знать, что делает сейчас Джозеф и его сестра. Я до сих пор не получил от них ни одного слова.

С наилучшими пожеланиями
любящий и помнящий вас сын
Артур Сильвер.

«Бей первым. Бей крепко. Бей всюду». Наша ген-рум целиком держится этого девиза.

Второй наводчик орудия 2А правой нижней шестидюймовой батареи Пэт О'Брайен к мисс Сесили Смит, в Портсмут.

5 сент.

На крейсере «Добрая Надежда».

Моя прекрасная Сисли. Я бы хотел поцеловать вас в губы, в шею и даже пониже. Только и мечтаю об этом. Даже на вахте. Пишу вам опять предлинное письмо. Надеюсь, ругаться не станете. Хотя вы не любите тратить

время на такие глупости, как чтение. Согласен. Гораздо приятнее поваляться где-нибудь на траве в прохладе. Особенно под вашим мягким боком. Хотя от вас делается так жарко, как здесь. Дьявол придумал это место на земле. Люди работают как черти и готовы сдохнуть от жары и духоты. Все время стоит туман. Дышать трудно. Словно парное молоко. Иногда льет дождь как из лейки. Но ему не охладить горячего корабля и мою душу. Говорят, это — зима. Скоро наступит лето. Что же будет тогда, если и сейчас нас можно выжимать как губки. Офицеры говорят — скоро поход кончится. Как только поймаем немцев. Но они пока прячутся. Что у вас на обед, моя крошка Сисли? Ваш уважаемый отец любит хорошо набить брюхо и запить все элем. Да и вы можете съесть не меньше лошади. Будьте спокойны. Мы не позволим пиратам-немцам уморить вас голодом. Ради вас я готов терпеть эту адскую жару и дальше. Только ради вас, чтобы поскорее... Я, кажется, написал все, а сейчас пойду приготовлю песок и камень. Завтра буду чистить пушку снова и вспоминать вас. Как вы чистите ваши кастрюльки и как вы дали мне по роже, когда я попробовал...

Преданный вам
Пэт О'Брайен.

Петти-офисер правой нижней шестидюймовой батареи Лидс Чарльз миссис Шарлот Лидс, в Блайс.

Е. В. «Добрая Надежда».
Сен. 7, 1914.
Воскресенье.

Моя дорогая жена. Мой дорогой сын. Моя дорогая дочь. Я получил ваши письма все. Очень рад и теперь вполне спокоен. Все хорошо, если не считать истории с О'Брайеном. Это очень глупый парень. У него милая осталась в Портомёс, и он не успел на ней жениться. Корабельной полиции стало известно, что он хочет дезертировать. Третий капрал сделал пометку в списке против его имени и парня не пустили на берег, когда мы

пришли в Пернамбуко, а так как он потом слишком громко и непристойно выражал нежные чувства по адресу своей Сисли из Портсмёс, то попал в черный список, когда остальные разминали свои кости. Он даже не успел отправить письмо своей милой. Впрочем, этот глупый О'Брайен, вероятно, тут ни при чем, так как при уходе из Пернамбуко мы не досчитали первого наводчика Хармера. Он из моего каземата, и это очень неприятно. Этот Хармер утверждал, что О'Брайен его сманивал. Он больше всех смеялся над О'Брайеном, и никак нельзя было подумать, что он дезертирует. К тому же О'Брайен — ирландец, а Хармер — из Йоркшира. Если он не вернется в ближайшие дни к властям, парню будет плохо. Он, как видно, забыл, что только в мирное время можно отделаться арестом суток на девяносто. Теперь за это расстреляют, и поделом. Если мы все вздумаем бежать, то кто же будет защищать нашу Англию и ее короля? Это — не игра, такие игроки не нужны. Мне даже стало жаль парня. Не этого, а О'Брайена. Это называется дать собаке скверное имя и повесить ее. Но все-таки пусть лучше посидит на корабле, а письма может послать и с корабля. Уилл Толчер здоров, как бык. Он привык жариться у топок. Поэтому он плюет на жару. А тут в самом деле жарко. Я уже успел отвыкнуть от тропиков. Сегодня во время богослужения чуть не заснул. Еще раз довелось пересечь экватор, но из моего каземата крестили только юнгу. До свидания, мои дорогие Шарлот, Сид и Эсси. Обо мне беспокоиться не надо. Деньги вам переведут в ближайшем порту. Я должен кончать. Скоро вечерний обход. Надо посмотреть, как дела в батарее.

С наилучшими пожеланиями
ваш муж и отец
Чарльз Лидс.

* * *

Приведенные письма ясно показывают, что произошло на борту «Доброй Надежды» в то время, когда она вместе с другими крейсерами гонялась как бы за призраками в тропической полосе океана. Нет сомнения

в том, что и Чарли Лидс и Пэт О'Брайен были готовы исполнить то, что они считали своим долгом. И только остается чувство удивления, почему дезертировал не ирландец, а йоркширец Хармер. Но данных для объяснения этого случая не было. Хармер имел нашивку за хорошее поведение и никогда не «заправлял нетчика».

«Вот что может наделать плохой характер и скверно подвешенный язык. О'Брайен в конце концов сам виноват. Вот как я думаю. Пятно лежит на всей батарее, на всем дивизионе. И хотя рожа у ирландца самая жалобная, доверять ему нет оснований», — размышления о необъяснимости происшествия с Хармером превращались у петти-офисера в неприязнь и раздражение против глупого матроса.

«Тоже матрос» — Чарли Лидс, пользуясь коротким сроком утреннего завтрака, курил трубку, сдвигая и раздвигая брови, машинально наблюдая лишенное красок море.

Океан тяжело дышал, стараясь освободиться от тяжелого сна тропической ночи, и не мог пробудиться. Прозрачный пар тянулся над зеркалом воды, наполняя воздух влажным теплом; зеркальная гладь не блестела под лучами утреннего солнца. Гнетущее томление не проходило. Лоб тщетно искал прохладного дуновения, которое прогнало бы упрямые мысли. Грудь хотела бодрого вздоха, но легкие вбирали пар. Голова оставалась тяжелой, и от этого образ глупого ирландца становился еще более ненавистным.

— Щенок... Под юбку захотел... Сисли, Сисли... У меня жена и двое детей, а я не плачу.

Таким образом размышления по поводу поступков Хармера и О'Брайена замыкались на воспоминании о доме. Создавался как бы новый вариант для тех сопоставлений, которые в обнаженном виде были настолько тягостны, что совсем не во-время вызывали задумчивость и недопустимое ослабление внимания. Теперь оказывалось возможным размышлять даже вслух, за обеденным столом, возглавляя артель, состоявшую из баковых матросов. (Чарли Лидс принадлежал к составу шканечных, но старший офицер, много плававший на средиземноморской эскадре, придерживался полезного правила рас-

писывать унтер-офицеров на столы в другие дивизионы, дабы устранить поводы к установлению излишне близких взаимоотношений, которые, по мнению многих военных психологов, возникают именно за обеденным столом и затем вредно сказываются при исполнении служебных обязанностей.)

Во время этих разговоров чувство сознания собственного достоинства, профессиональной гордости начинало брать верх, а раздражение в отношении О'Брайена заменялось презрением.

«Такие как я послужили побольше этого трусишки Хармер или этого плаксы ирландца (имя даже не хотелось называть), но мы знаем свой долг и уважаем законы. И я не хочу, чтобы мой сын потом краснел за своего отца. Вот как».

Чарли Лидс гордо посматривал на соседей и на время почувствовал себя совершенно спокойным. После обеда он снова выходил наверх на отведенное для унтер-офицеров первого класса место для курения и смотрел, как полуденное солнце борется с облачной завесой, накопившейся за утренние часы. Бывало, неторопливую смену света и тени прорезывали живые, золотистые, голубые блики, и тогда казалось, что вот-вот сейчас разлетится этот гнетущий пар, станет дышаться легко, и кончится бесконечный бег по безбрежным просторам. Иногда случалось и так, что настойчивые потоки тепла расплавляли туманные груды. Небо делалось вдруг темноголубым. Ослепительные лучи как бы заливали поверхность океана необычным пожаром. Пламенная красота разливалась вокруг по всему горизонту. Крейсера шли в блеске жизни, и тогда путь казался преисполненным славы и радости. Как глупы и ничтожны были эти О'Брайены, не видевшие смысла жизни в ином виде, кроме как под боком у своей Сисли, наверно долговязой, рыжей и рябой, которая потом не позволит взглянуть ни на одну смазливую рожицу... Но не редко солнце оказывалось бессильным; и туман превращался в громоздкие непроницаемые клубы туч, разливался в сплошную серую массу, которая начинала истекать теплым, испаряющимся налету дождем. Тогда гнетущее чувство усиливалось. Ведь все-таки их корабли были заброшены за много ты-

сяч миль от родной земли; они подвергались опасностям мореплавания в мало изведанных краях; люди могли подхватить злые южные лихорадки, заболеть от этого изнуряющего климата, не считая того, что и враг мог напасть под покровом тумана. Тогда снова начинались думы о городке, затянутом угольной пылью, и так четко вдруг вспоминался стук молотков на предприятии мистера Пуля, так чувствовалось объятие слабых ручонок Эсси, которым девочка награждала возвращавшегося с работы отца, что хотелось закрыть глаза и открыть их лишь тогда, когда на горизонте покажутся милые, давно знакомые белые утесы, дым приморских городов, узор открывающихся крыш с узкими зубцами шпилей и труб. Становились даже понятными побег Хармера и печальное состояние О'Брайена. Конечно, это результат проклятого удушающего гнета тропиков. Тут мог бы выйти из себя и самый спокойный человек. А этот О'Брайен во время учения опять ведет себя невнимательно...

— О'Брайен, если вы еще раз будете так медленно разворачивать орудие, я вас представлю к карцеру как за неисполнение приказания.

Чарли Лидс снова был раздражен и снова говорил после учения за ужином:

— Сисли... Сисли... У меня жена и двое детей, а я же не плачу.

А О'Брайен сидел со своей артелью, возглавляемой петти-офисером Кинг из носовой башни, и боялся сказать лишнее слово. Каждое из них могло послужить предлогом к тому, чтобы его и на следующей стоянке лишили увольнения на берег. Неужели же он был так виноват? Неужели он не имел права думать о своей Сисли? И причем тут Хармер? Он и Хармер? Какое ему дело до Хармера?..

Кто-то ел и хрипло смеялся:

— Дьявол придумал эти тропики, чтобы обходиться без плиты... О'Брайен, вы плохо кушаете, и вашей красотке не будет приятно царапаться о ваш скелет.

— У него и так мало силы, чтобы ворочать пушку. Мистер Лидс уже обещал ему лекарство.

Тропики были ужасны. Они приводили людей в со-

стояние непрерывного раздражения. Шутки были мрачными и полными желчи. Для того чтобы не раскричаться и не наговорить таких же желчных слов, приходилось стискивать зубы. После ужина Пэт спешил наверх, но там, впереди кожухов дымовых труб, снова толпились люди, спешившие насладиться табачным дымом, и снова шутили тяжело и жестоко.

А крейсера шли и шли. «Добрая Надежда», «Корнуэлл», «Бристоль» и «Кармэйниа». Лорды адмиралтейства сообщили, что уже месяц, как нет никаких известий о том, что делается по ту сторону Америки. Значит, адмирал Крэйдок мог решать сам; и он устремлялся на юг, пересекая тропический пояс. В Санта-Катарина к нему присоединились еще «Глэзгоу», «Монмес», «Отрэнто». Это была уже концентрация значительных сил. Эскадра крейсеров могла внести успокоение на морских сообщениях в своем районе, если только броненосные корабли графа фон Шпее не вздумали бы перейти на восточный берег Южной Америки. Но ни слухов, ни тем более данных об этом не поступало. Следовало использовать время и возможности, чтобы расправиться с отдельными каперами, легкими и вспомогательными крейсерами, которые еще продолжали дерзко напоминать о своем существовании. Сэр Кристофер Крэйдок был, по своему обыкновению, краток. Глаза его блестели решимостью. Седина бороды говорила об опыте. Циркуль в твердой руке уверенно шагал по океанским пространствам. Время для занятия позиции и для еще большего сосредоточения сил несомненно имелось. Адмирал настойчиво постукивал указательным пальцем по карте, и никому в голову не приходило усомниться в правильности его расчетов.

Однако настроение капитанов нельзя было назвать хорошим.

— В центральной части и на севере будут следить силы адмирала Хорнби. Я займу позицию на юге. На поддержку выходит из Сен-Винцента «Канопус», из Средиземного моря «Защита». — Адмирал говорил с задором. Было похоже, что сэр Кристофер по мере того, как молчание капитанов становилось упрямым, впадал в большой азарт. Флагман обводил присутствующих вопро-

сительным взглядом, ожидая хотя бы одобрительного кивка головы, а капитаны молчали. Положительно, их худощавые смуглые лица (чернота была подчеркнута белизной костюмов) выглядели мумиями. Может быть, им нравилось сидеть в удобных креслах салона, или духота лишила их мыслей? Адмирал Крэйдок рассердился: — Предлагаю, джентльмены, высказать свои соображения.

После небольшой паузы послышался короткий деловитый вопрос:

— Уголь?

Это спросил младший из присутствовавших, командир «Отрэнто».

— Уголь и свежая провизия? — вопросительно и деловито подтвердил командир «Доброй Надежды», а молодцеватый капитан с «Монмес» уклонился совсем в сторону:

— Я не прочь постоять в приличном порту. Монтевидео — хорошее убежище для моряка. Кстати, я люблю южанок.

Тогда вмешался капитан «Глэзгоу». Он с самого начала войны бороздил южноамериканские воды, а ловкий «Карлсруэ» водил его за нос даже тогда, когда на помощь от адмирала Стоддарт прибыл «Монмес». Капитан еще до начала событий стоял в здешних портах и был старшим в своей группе крейсеров. Он знал себе цену и умел высказываться прямо:

— Мне начинает надоедать изображать собою Летучего голландца. Я думаю, мы все предпочитаем играть с открытыми глазами. Большой вопрос, кто водит за нос: немцы или наши уважаемые дельцы в адмиралтействе...

Адмирал Крэйдок сразу подтянулся, и огонек молодости в его глазах потух. Сэр Кристофер только что хотел вытереть капли пота на лбу, но задержал жест и сказал строго и наставительно:

— Сэр, предлагаю придерживаться темы совещания.

На лицах прочих капитанов появилось живое выражение, которого так тщетно добивался до сих пор адмирал.

— Я знаю, что говорю, сэр... Позвольте мне быть откровенным... Я не собираюсь возражать против при-

казов. Только что полученные инструкции штаба ясно говорят о том, что эскадра должна итти для занятия позиции в Магеллановом проливе. Я только прошу обратить внимание на то, что мы, по всем признакам, идем не вслед за легкими крейсерами противника, а навстречу эскадре фон-Шпее.

— Я не ожидал от моих капитанов такой осторожности, — с нарочитой горечью в тоне прервал сэр Кристофер и начал утирать мокрое лицо. — Вы забываете о поддержке, сэр.

— Боюсь, что до тех пор, пока она подойдет, мы не досчитаем многих из «людей» после примера «Доброй Надежды». Здесь страны имеют свои удобства для дезертиров.

Капитан даже не обратил внимания, как изменился в лице командир «Доброй Надежды», какие сосредоточенные физиономии сделались у других. Он смотрел прямо перед собою, в суконную скатерть стола, и говорил совершенно ровным, почти безразличным тоном, как будто обсуждал меню обеда. Но это был настоящий, дерзкий вызов, хотя и облеченный в дисциплинарную форму.

«Излишняя самостоятельность вызывает излишнее самомнение» — подумал адмирал.

— Вы забываете законы военного времени, сэр, — сказал сэр Кристофер Крэйдок вслух. — Я здесь наместник короля и сумею заставить итти всех строптивых туда, куда найду нужным.

Он ударил ребром ладони по краю стола и оглянул присутствующих прищуренными глазами, и всем стало неприятно: в этих глазах уже не было обычной живости и задора, которая так нравилась всем, даже матросам.

— Молчу, сэр... — строптивый капитан пожал плечами и с угрюмым видом откинулся на спинку кресла. Со своим большим лысым лбом и хмурым взглядом он походил больше на ученого, чем на вояку. В минуты задумчивости к нему больше подходило выражение не «думал», а «мыслил». Именно с таким видом он пребывал на совещании и по окончании вышел наверх. За ним следовали остальные, сопровождаемые командиром «Доброй Надежды». Сдержанное настроение никого не покидало. Особенно мрачными выглядели командиры «Корнуэлла» и

«Бристоля»; напоследок адмирал приказал им остаться в океане в дозоре.

Наступал обеденный час. Солнце пряталось за облачную завесу, старательно превращая рейд со стоявшими на нем кораблями в баню, наполненную паром.

Только что просвистали «команда наверх за бельем» (вчера по приходе на рейд удалось постираться). Вахтенный начальник, длинный и тонкий, весь в белом, держа за спиной большую подзорную трубу, вышагивал как журавль. Он никуда не смотрел (казалось, он просто для собственного удовольствия прогуливался по юту), но вместе с тем все видел. Временами он бросал слова, напоминавшие короткий лай. Их подхватывал зоркий вахтенный петти-офицер, швыряя их дальше, либо ограничиваясь такими же простыми короткими, но немного хриплыми звуками, либо предваряя оглушительной трелью дудки. В последнем случае трели и командные выкрики пробегали по всей длине корабля, и вахтенный петти-офицер настороженно прислушивался, следя за однообразной привычной игрой.

— Толковые люди из адмиралтейства думают испытать гипнотизм в качестве средства управления на расстоянии, — ворчал капитан с «Корнуэлла», пока с выстрела подходили вельботы.

— Прекрасная система — посылать старые броненосные крейсера, укомплектованные резервистами, не проходившими стрельбы, против первоклассных артиллеристов на «Шарнхорсте» и «Гнейзенау», [1] — желчно откликнулся капитан с «Глэзгоу».

— К тому же крейсера фон Шпее на пять лет моложе и раза в два сильнее, — добавил капитан с «Бристоль». — Говорят, уважаемый первый морской лорд носит слишком не английское имя. [2]

Вельботы подошли. Вахтенный петти-офицер отсвистал фалрепных (по случаю обеденного часа караул вызывать не полагалось), вахтенный начальник отрапорто-

---

[1] Броненосные крейсера, составлявшие ядро германской эскадры адмирала фон Шпее.

[2] Намек на немецкое происхождение адмирала принца Луи Баттенберга.

вал. Словно в автомат опустили монету, рычаги отработали и выбросили пачку папирос или плитку шоколада.

Командир «Доброй Надежды» еле заметно самодовольно улыбнулся: он совсем недавно перешел с береговой должности на крейсер и тем не менее четкость службы на корабле не уступала сплававшимся единицам; один случайный дезертир еще ничего не доказывал...

Вельботы отваливали и светлыми шестиногими жучками понеслись по рейду, то взбегая на вершины пологих зеркальных волн, то теряясь между ними. Вахтенный петти-офисер снова убрал фалрепных. Командир ушел вниз; а вахтенный начальник, прежде чем дать сигнал на обед, приказал свистать «людей второго разряда по поведению наверх во фронт». К счастью, среди них не было нашего знакомого комендора О'Брайена. Поэтому мы не будем наблюдать и удивляться, как вахтенный капрал корабельной полиции расставляет виновных на верхней палубе, но продолжим повествование.

Командиры разъехались. Вскоре их крейсера начали дымить всеми трубами. Хотя капитаны отбывали в плохом настроении, но они, равно как и сам флагман, ни на минуту не могли допустить по своему адресу обвинений или даже упреков в трусости. В конце концов, их делом было точно исполнить боевые приказы; а в адмиралтействе сидело достаточно много умных людей, чтобы правильно решать стратегические и оперативные задачи.

Эскадра снялась с якоря и снова разделилась. Основное ядро пошло в Ла-Плата пополнить припасы. В его составе оказалась «Добрая Надежда».

Туманы ушли на север. Справа из-за темно-синей полосы воды близко поднялся покрытый густым лесом берег Бразилии, с юга непрерывно шла мертвая зыбь, тонимая отдаленным приполярным штормом.

9

Оставим уважаемого храброго сэра Кристофера Крэйдок с его крейсерами в Ла-Плата. И адмиралу, и нашим знакомым, Чарли, и Уиллу, есть время немного отдохнуть. Лидс и Толчер снесут свои письма на почтамт.

По дороге немного удивятся европейскому виду площади Независимости. Возможно, их потянет взглянуть даже загород, и с пренебрежительным видом они пойдут смотреть на старое испанское укрепление на горе Видео. Правда, его стены — свидетели бесславного результата экспедиции излишне энергичного британского комодора;[1] но о неудачах можно не вспоминать, тем более что вечером найдется местечко, где вполне приятно скоротать время за кружкой пива или иного располагающего к размышлениям и разговорам напитка. Для таких людей, как наши друзья из Блайса, таверна «Пестрый бык» после захода солнца заманчиво светит цветными огнями. Там и тоскующий О'Брайен найдет себе скромное, по средствам, утешение (если только капрал корабельной полиции найдет возможным уволить матроса на берег). Таверна «Пестрый бык» давно обслуживает моряков и умеет удовлетворить все их запросы и вкусы. К тому же женщины снизили цены (проклятые немецкие крейсера распугали купцов, а хвастуны-англичане никак не могут угнаться за немцами). Оставим же наших героев вкусить малую толику заслуженного отдыха. Перед ними еще долгий путь. Флагманский штурман Скотт, перед тем, как сойти на берег, рассчитывал большой маршрут, прославивший непобедимого адмирала-пирата XVI столетия.[2]

Наступало равноденствие. Моря шумели под штормовыми ветрами. Сид Лидс, побуждаемый страшными и красивыми слухами о войне, о славных подвигах британских кораблей, не раз после школьных занятий пробирался на мол, защищавший гавань Блайса. С ним шли обычно сверстники. Одной рукой прижимая книги и тетради, другой ухватившись за кепку, Сид подолгу смотрел, как зеленые валы набегали на сваи, как белая стена воды, сверкающая в прорвавшихся лучах солнца, под-

[1] Против Буэнос-Айреса и Монтевидео в 1806—1807 гг. (во время войны Англии против Франции и Испании) состоялась неудачная экспедиция комодора Пойема.

[2] Пиратский поход 1577—1580 гг. Дрэйка в Южную Америку. За это Дрэйк был посвящен королевой Елизаветой в рыцари. Кроме военно-пиратской стороны дела, поход интересен тем, что Дрэйк первый после Магеллана обогнул Американский материк.

нималась то в одном, то в другом месте над молом. Он смотрел также туда, где мыс обрезал волнистый контур прибрежных холмов. Там тоже сердито белело и билось море. Тучи грязными лохмотьями летели один день на север, другой день на юг. И тени бежали по яркой поверхности моря темными пятнами; тогда волны делались мрачными.

— Я совсем не боюсь качки, — хвастал Сид. — Я бы сейчас же пошел на крейсер или на миноносец, если бы...

Он не договаривал. Фантазия опережала речь. Вдруг представлялись необычайные возможности: вот, германские миноносцы крадутся, чтобы взорвать стоящие дредноуты... Вот вражеский корабль подошел к британскому берегу и хочет высадить войска... Вот под покровом ночи немцы бросают мины... Патрули выслеживают противника. Вступают в ожесточенный бой. Ах, как гремят пушки! Взрывы!.. Он, Сид, — матрос-юнга! Он смел и силен. Он то же, как и отец, комендор-наводчик. Его пушка стреляет метко. Уже тонет вражеский корабль, и люди кричат, взывая о помощи...

Ветер рвал кепку с головы, задувал за борт куртки, вероятно, совсем так, как это бывает на корабле, устремляющемся сквозь бурю. Всплески валов, разбитых о каменные твердыни берега и порта, казались столбами взрывов. Чудилось — изогнутая стенка мола уплывает в море.

— Ничего нет... Холодно. Пойдемте, — говорил кто-нибудь из мальчиков.

Своим унылым замечанием он нарушал полет мыслей. Действительно, проносились обычные штормы осеннего равноденствия. Горизонт был пуст. Суда патрулей не выдерживали такой погоды в открытом море, да и враг едва ли предпринимал что-либо вдали от своих берегов.

— Пойдемте посмотрим подводные лодки, — повторял замерзший спутник.

Мальчики пробирались к стенке на реке, к месту стоянки дивизиона подводных лодок. Там они внимательно и почтительно созерцали тихое покачивание сигарообразных корпусов, выставивших над водой стальные хребты, узкие высокие башенки рубок, столбики пери-

скопов. Не считая дивизиона дрифтеров, охранявших вход в порт, это были единственные настоящие боевые корабли в Блайсе. Но только военные флаги и вымпелы говорили о том, что эти так называемые субмарины принадлежат к числу настоящих «военных людей».[1] Странной была конструкция. Отсутствовали пушки, трубы. Корабли носили непонятные буквенные и цифровые названия, которые все начинались на «А». Когда лодки входили в порт, они незнакомо гудели. Когда стояли в Блайсе, команды не жили на них. Черненький, маленький Джон, самый младший в классе, постоянно и полупрезрительно выражал сомнение:

— Невероятно, чтобы можно было по-настоящему воевать на таких кораблях!

В то время подводные лодки еще не прославились смелыми и успешными атаками; и даже гибель легкого крейсера «Следопыт» приписывалась взрыву на мине. Никто не мог толком возразить Джону. Сид попробовал раз обратиться за доказательствами к матери, но получил неожиданный ответ:

— Бог с ними, с этими подводными лодками, сын. С нас хватит обыкновенных кораблей. Бог создал рыб, чтобы плавать под водой.

Шарлот говорила тихо и грустно. Как и многих женщин, беспокойство не покидало ее в те дни. Было не до подводных лодок.

— Бог с ними, сын!

В самом деле, разве весело было читать телеграммы о войне, списки погибших и раненых? Ведь это же уничтожались, калечились люди, сильные, здоровые, у которых были жены, матери, дети... Каждый день, развертывая листы газеты, она невольно и со сдерживаемым страхом искала заголовков официального сообщения адмиралтейства.

«Секретарь адмиралтейства с сожалением сообщает, что произошли следующие потери... «Так начинались обычно страшные, короткие строчки, которые заканчивались перечислением фамилий, имен, чинов, должностей, номеров. Кто был следующий?

---

[1] Так называют англичане военные корабли.

Может быть, в то время, как она думала, адмиралтейский клерк уже выстукивал на пишущей машинке: «Е. В. крейсер «Добрая Надежда», Лидс Чарльз, №. . .» Дрожь пробегала по всему телу. Руки опускались. . . Сид видел, что глаза матери вдруг устремлялись в отдаленную неуловимую точку. Сперва он невольно посмотрел в ту сторону: там стоял комод, на комоде небольшое зеркало, несколько китайских безделушек. Сид удивился, но промолчал. Однако в следующий раз осторожно окликнул мать:

— Что вы видите, мама?

Шарлот вздрогнула, взяла себя в руки, но не призналась, что ей припомнился список погибших на траулере «Мэри». Номер газеты, в котором он был опубликован, миссис Лидс сохранила на память.

«Секретарь адмиралтейства с сожалением сообщает, что следующие потери произошли в результате потопления от мины траулера «Мэри» сентября 17-го:

Убиты или пропали без вести

Гримуэй, Уильям Стефан, шкипер RNR WFA 140
Буртон, Уильям Джемс, старший матрос, 207072 RFR PO EO 359
Картер Уильям, матрос SA 173
Куколотт, Роберт, трюмный TS 378
Холл, Франк Артур, матрос DA 1517
Левит, Эрнест, матрос DA 510
Мак-Кимми, Джон, машинист ES 1020
Пирсон, Сэмюэл, матрос DA 707

Ранены

Маундер, Джордж Томас, машинист ES 250
Рейнлдс, Чарльз Берти, матрос DA 1413

И траулер и все люди на нем, кроме двух, были из Блайса. Пирсон жил в соседнем доме. Теперь его жена ни днем, ни ночью не находила себе покоя: жив или погиб ее Сэмюэл?

— Ведь там же сказано: «или пропал без вести»,— хваталась она иногда за последнюю надежду. Милая Шарлот, ведь правда же? Может быть, он спасен и попал в плен?

Уже немолодая, с красными утомленными глазами,

Она умоляюще заглядывала в лицо Шарлот и спешила подкрепить свою надежду доводами:

— Ведь про рыбаков из Скарборо тоже сначала говорили так, а теперь передают, что они в плену.

Миссис Пирсон имела в виду набег немецких легких крейсеров и миноносцев в двадцатых числах августа, когда германцы захватили рыболовные траулеры в районе мыса Флэмборо-хэд. Рыбаки были забраны на миноносцы, а суда потоплены. Набег остался необнаруженным, несмотря на всю систему охраны прибрежных вод. Немцы даже сумели поставить мины перед устьями рек Хембер и Тайн. На одном из этих заграждений, вероятно, и погибла «Мэри»; и то, что она погибла от взрыва, ясно указывалось в официальном сообщении. Кто же мог спасти в таком случае мистера Пирсона? Однако Шарлот молчаливо, как бы в знак согласия, покачивала головой. Позднее вечером, уложив детей, подходила к кровати и долго смотрела на черное распятье, и снова по выражению ее взгляда было трудно сказать, молилась ли она смиренно за жизнь мужа, за счастье детей, за свою собственную радость или негодовала, проклиная тех, кто создал море и войну. По словам преподобного мистера Коллинса, первоисточником применения оружия был сам Вельзевул, а темным исполнителем, наряду с библейским Каином, был кайзер, который издавна строил свои козни против Англии, ее короля и народа. Мистер Коллинс негодующе закатывал глаза, а потом сразу же смиренно прикрывал их пушистыми ресницами, но, как видно, не мог вселить уверенность в сердце встревоженной женщины. Сид несколько раз сумел подсмотреть, что делает мать перед тем, как лечь спать. Ему было очень жаль, но мальчик не понимал, почему она так грустит. Ведь жизнь начала разворачиваться так интересно. Учитель говорил о том, что наступали трудные, но славные времена, подобные дням Абукиру и Трафальгара,[1] каждый день прибывали

[1] Англо-французские войны 1793—1815 гг., во время которых Англия находилась под угрозой жестокого поражения. В сражении при Абукире (1 авг. 1798) Нельсон разгромил французский флот, обеспечивавший Египетскую экспедицию Наполеона; в сражении при Трафальгаре Нельсон разгромил союзный испано-

вести о победах не только англичан, но и французов и русских; даже маленькие Сербия и Черногория успешно отражали натиск врага. Париж был спасен союзниками. Бельгийцы удерживали Антверпен. Казаки громили австрийские корпуса в Галиции. На далеких океанских островах, которые представлялись по картинкам почти сказочными, флаги соединенного королевства начинали заменять германские. Отец в письмах говорил уверенно, что скоро вернется. Зачем же было грустить? Это же малодушие, трусость. Он сегодня публично стыдил за это Уилли Пирсона... Надо гордиться тем, что отец погиб за короля и Британию, а не плакать. Надо гордиться!.. Сид лежал, притворяясь спящим. Было больно видеть печаль матери. Нет, у ней были, вероятно, другие причины. Не может быть, чтобы всегда такая твердая и спокойная, его мать была жалкой трусихой. Однажды Сид не выдержал.

— Мама!.. Мама!..— воскликнул он шопотом, боясь разбудить сестренку.

Шарлот быстро обернулась и опустила голову. Сиду показалось, что она скрывает слезы. Он вскочил и в одной рубашке, босиком подбежал к ней.

— Скажите мне, мама? Вас обидел кто-нибудь? Я уже большой, мама...

Мальчик прижимал милую, теплую ладонь к щеке, а Шарлот боялась поднять веки, так как глаза ее действительно были полны слез.

— Милый мой,— прошептала она и стала гладить темные спутанные вихры волос. Все-таки одна слезинка не удержалась, и Сид почувствовал горячее прикосновение ее.

— Скажите мне, мама!— настойчиво, почти сурово повторил Сид.

— Ничего, милый. Все пройдет. Ах, только бы быстрее прошло!..

— Что?

— Война, милый, война. Только бы скорее вернулся ваш отец.

французский флот (21 окт. 1805 г.) и тем ликвидировал угрозу высадки экспедиционного корпуса французов на Британские острова.

— Он скоро будет здесь, — убежденно ответил Сид. — Очень скоро.

Мальчик ни секунды не колебался в своем мнении, но случай с Уилли Пирсон помог ему быть настолько чутким, чтобы больше не расстраивать мать расспросами о подводных лодках. Происшествие же с Уилли было действительно необычайным.

Во время пустого урока, пользуясь хорошей погодой, было решено поиграть на дворе, и Сид предложил сыграть в войну. Две противные партии должны были засесть на позициях и вести бомбардировку мячами. Первое попадание обозначало ранение, второе — смерть. Убитые выходили совсем из строя. Однако дело шло медленно. Тогда Сиду пришла в голову отличная мысль пустить в ход футбольный мяч.

— Это тринадцатидюймовый, — закричал Сид. — Тот, кто попадает под него, считается убитым сразу!

Он так ловко метнул мяч, что сразу попал в Уилли.

— Ура! — закричали партнеры, старательно прячась за крыльцо и в траву. Однако Уилли не захотел выходить из игры.

— Я не уйду! — ответил он упрямо на требования противников.

— Это нечестная игра. Вы — убиты, — строго сказал, подходя к нему, его «капитан».

Но Уилли лежал, не двигаясь с места, опустив голову и закусив нижнюю губу.

— Вы не джентльмен, — презрительно сказал «капитан», засовывая руки в карманы и покачиваясь на каблуках. — Я исключу вас из команды.

— И вы не будете играть с нами в футбол, — крикнул кто-то. — Уберите его, Сэм!

— Слушайте, вы!

— Я... я не хочу быть убитым, — сказал глухо Уилли и вдруг уткнулся лицом прямо в траву.

Ему, вероятно, было больно и стыдно. И все-таки он плакал про себя, прижимая губы к земле, заслонив голову руками. Его крепкое тело вздрагивало, и только по этому мальчики поняли, что с Уилли неладно. Один за другим они собрались вокруг; сначала важно заложили в карманы руки, но затем смутились, не зная, что

делать. «Капитан» первый вынул руки, опустился на колено и осторожно коснулся плеча товарища:

— Уилли!.. Послушайте, Уилли!.. Не сажайте самому себе в шляпу обезьяну! Будьте джентльменом и не плачьте...

Тут Уилли вскочил и закричал так, что всем стало страшно:

— Оставьте!.. Уйдите! Я не хочу быть убитым, как мой отец! Не хочу!

Он зарыдал теперь громко, захлебываясь, закрывая широкое, всегда до сих пор веселое лицо ладонями. Сид попробовал его пристыдить.

— А еще хвастались, что будете моряком. Это будет очень «мокрый корабль»,[1] на котором вы будете служить.

Однако никто не засмеялся, и Сид понял, что сказал невпопад. Игра расстроилась, а перепуганный учитель попросил больше в войну не играть. Конечно, Сид больше не стал беспокоить мать вопросами, которые были ей неприятны. Впрочем, вскоре о подводных лодках заговорили все, а прежде всего в стенах адмиралтейства.

Напряжение, вызванное стремительным наступлением германцев на Париж, угрозой берегам Канала, поражением британского экспедиционного корпуса у Монс, наконец, пятидневной битвой на Марне, к середине сентября несколько разрядилось. Правда, на всех трех океанах еще продолжались действия германских крейсеров; правда, «господство на море» в Северном море было таково, что силы противника могли появиться у самых британских берегов, но все же ряд первых ответственных операций флота прошел удачно: шесть пехотных дивизий и кавалерийская бригада были перевезены на материк своевременно, причем Главный флот не понес никаких потерь; более того, в конце августа и в начале сентября батальоны морской пехоты из Портсмес, Девонпорт и Чатам высадились на бельгийское побережье, причем 28 августа легкие силы при поддержке линей-

[1] «Мокрыми» [кораблями называют такие, которые подвержены сильному заливанию волнами.

ных крейсеров вице-адмирала Битти прорвали охранение Гельголандской бухты и уничтожили три легких крейсера и миноносец противника, опять-таки не потеряв ни одного корабля.

Кто бы мог подумать, что немцы, удивившие и даже напугавшие мир действиями своих крейсеров на океанских путях, окажутся столь уязвимыми на главном направлении? Тем не менее это так: у командования Флотом открытого моря хватило глупости решать, не зная обстановки. Командиры германских кораблей, высланные против англичан, маневрировали «для окружения» зарвавшегося противника», а на самом деле поочереди попадали под губительный огонь дредноутов — «кошек».

Успех англичан прежде всего был обеспечен подводными разведчиками, которые сумели точно выследить расположение германских охранных сил. Однако грохот залпов эскадры линейных крейсеров, избивавших германские корабли, звучал слишком громко, чтобы стоило говорить о какой-то подводной мелочи; и вице-адмирал Битти, командовавший линейными крейсерами, начал свое восхождение к славе.

Хэл Бредфорд, подводя итоги удачам, радовался и волновался как мальчик. Особенно за завтраком или ужином, когда удавалось встретиться с тетушкой. Должна же она была, наконец, убедиться, что есть чему восхищаться и в Англии.

— Это дается не без труда, — пояснил Хэл. — Вы себе представить не можете, как лихорадочно идет работа. Сэр Эдгар Кери совсем похудел. Я удивляюсь, как он успевает реагировать на все требования, которые сыплются на нас со стороны правительства, мистера Черчиля, лорда Китченера, адмирала Джеллико и других...

— Не торопитесь, Хэл. Какао очень горячее. По-моему, вам, военным, надо быть хладнокровнее.

— Ах, это легко сказать!..

Лейтенант Бредфорд торопился на службу. Каждый час, каждая минута могли принести новые важные вести. Нет, это было увлекательнее спорта. На спортивной площадке все было на виду. Соперники действовали мгновенно. Не нужно было только теряться. Здесь же игра по-

ходила на заочный шахматный турнир. Кончался служебный день или суточное дежурство — ходы были сделаны на всей грандиозной доске. За ночь выяснилось, что сделал противник. Шах или мат? Впрочем, до мата было еще далеко, но шах уже был... Хэл почтительно просил у тетушки разрешения ехать. Она привычным молчаливым наклонением головы разрешала. Лейтенант сбегал вниз. Хлопала дверца, и машина уносила его с тихой, уютной улицы Кеппель к шумному центру. Только тогда, когда видел перед собой расцвеченную флажками и надписями карту, когда прочитывал накопившиеся донесения, Хэл начинал ощущать, что вошел в свою колею. Отлетали излишне напряженные мысли, появлялось такое ощущение, какое бывало за румпелем на шлюпке или у руля автомобиля. «Теперь наш ход. Наш ход. Инициатива в наших руках». Флажки двигались по карте. В блокноте появлялись цифры новых расчетов. Комодор Кери заставал обыкновенно низко склонившуюся фигуру офицера, который иногда даже не слышал шагов приближающегося начальника.

— Дела идут неплохо? Не правда ли, Хэл? — комодор улыбался, своеобразно, по-своему вбирая и вытягивая узкие губы, но его глаза выражали скорее заботу, чем радость:

— Подождите радоваться, Хэл. Игра только началась.

Однако начальник ошибался: у молодого человека было не меньше серьезных соображений, чем счастливого задора. Бредфорд только что сделал интересный вывод: следовало бы сразу, немедленно делать ходы всеми главными фигурами.

— Сэр, я бы сразу послал линейные крейсера. Хотя бы всего один. Скорость, сэр! Скорость! «Канопус» не успеет. Вне всякого сомнения. Огненная Земля — критическая точка.

Лейтенант вскочил, провел рукой по разгоряченному лбу.

— Я не мог ошибиться, сэр. Первоначальный расчет движения «Канопус» оказывается неверен. Броненосцу надо пересечь Атлантический океан от островов Зеленого мыса до Фальклэндских островов. Мы считали ход

двенадцать узлов, но мы не считали вероятных задержек. Уже сейчас броненосец отстает от нашего расчета. Кроме того, что он даст адмиралу Крэйдоку, этот тихоход? Нет, мы не обеспечим господства такими мерами.

Лейтенант ожидал обычного внимательного расспроса, но комодор только выслушал, а потом сказал, вернее прервал коротким, сдержанным, даже холодным замечанием:

— А кто будет караулить Северное море и «Мокрый треугольник»?[1]

— Но... Перевозки войск? Торговля? Германцам, повидимому, удалось возобновить коммерческое судоходство у западных берегов Южной Америки.

— У нас есть еще другие задачи.

Сэр Эдгар не выражал желания разговаривать. Несомненно за последние дни какие-то навязчивые мысли занимали его. Сдержанный, не любивший делиться даже простыми бытовыми вопросами, весь в себе, он предоставлял окружающим угадывать его настроения даже в домашней обстановке. Те, кто знали его ближе, имели в мыслях как бы таблицу условных обозначений, подобную таблице отдаленных сигналов, где простые силуэты и контуры конусов, цилиндров и шаров передают цифровые сочетания сигнальной книги или сигналы бедствия. Но и эта упрощенная таблица давалась не сразу. Одна лэди Элис обладала полным ключом к ней. Многолетняя совместная жизнь дала достаточное количество случаев, чтобы правильно заполнить графы таблицы, и если бы внимательная супруга уважаемого комодора присутствовала тут, у карты океанских операций, она безошибочно угадала бы, что ее муж терпит бедствие. Тем более, что нервозное настроение сэра Эдгара в последние две недели сказывалось и дома. Сэр Эдгар сдерживался, пробовал шутить и был особенно ласков к Бэл, но он слишком много курил, а шутки иногда были совершенно неудачны. Какая-то скрытая мысль перебивала их. И это замечалось также по рассеянному вниманию, с которым отец реагировал на живую болтовню дочери.

В тот день, когда лейтенант попробовал настаивать на

---

[1] Прозвание Гельголандской бухты.

целесообразности посылки в распоряжение контр-адмирала Крэйдока линейных крейсеров, комодор был особенно не в духе. Улыбка с подбиранием и вытягиванием губ была всего навсего плохой маскировкой; пожалуй, он был по-настоящему раздражен, настолько, что не только его жена, но и Бэл заметила это за утренним завтраком и перед сном записала в свой дневник: «Отец похож на поэта, которому не удается заказанная поэма (она только что прочла роман, где были весьма искусно и трогательно изображены мучения молодого сочинителя). Боже, как делается тревожно и скучно. И отец и мой Хэл вечно заняты. Мать решила поступить работать в лазарет при клубе «Леди армии и флота». Говорит, что я тоже должна работать ради общего блага. А мне страшно. Там, вероятно, кровь. Это так неприятно...»

Бэл, повидимому, была близка к истине. Теперь-то известно, что в поэме, которую сочинял не один комодор Кери, но целый сонм офицеров и адмиралов, что-то не удавалось. Хэл был все-таки слишком маленьким человеком, всего лишь исполнителем, чтобы сразу понять, в чем дело. Сразу прикусив язык при последних резких словах начальника, он мог только еще раз констатировать, что его пылкая речь попала в больное место.

Должно быть, комодор заметил, как изменилось лицо лейтенанта. Может быть, ему стало стыдно за свою несдержанность, за то, что неосновательно, вопреки своим правилам, обрушился на высказывания молодого человека. К тому же высказывания имели под собою достаточно серьезные основания. Что бы там ни было, Кери, помолчав, подумав, сказал мягко, как бы извиняющимся тоном:

— «Кошки» нужны гоняться за «Гебеном», «кошки» нужны гоняться за «Эмденом», за «Дрезденом», «Карлсруэ», «Лейпцигом», за всеми крейсерами фон-Шпее... Разве обыкновенные крейсера изжили себя? Впрочем, можно ли ждать установления господства, если главный фронт требует и требует новых дивизий? И все-таки то, что мы делаем, висит на волоске...

Последняя часть речи комодора прозвучала с какими-то новыми нотами. Без сомнения, они были минор-

ными, но они были новы для этих вековых стен, увешанных картами; они показались вспышкой прожектора, осторожной, боязливой, когда миноносец боится выдать врагу свое присутствие. Новая волна мыслей вдруг возникла в мозгу.

— Сэр, позвольте один вопрос!.. Еще раз один старый вопрос. Где или когда начинается господство на море и где или когда оно кончается?!

Комодор медленно повернул голову, губы его дрогнули, но слова прозвучали не те, которые хотелось услышать Хэлу.

— Не будем устраивать дискуссии, лейтенант. Надо работать.

Достал из внутреннего кармана тужурки вечную записную книжку и, глядя в нее, начал давать очередные указания, вытекавшие из вчерашнего заседания Оперативного совета.

10

— Контр-адмиралу Кристиану[1] придется своими крейсерами занять оба района; и к югу от Доггер-банка и у Брод-Фортино, — закончил Кери распоряжения.

— Есть, сэр.

Бригада морской пехоты через пару дней должна была высаживаться в Дюнкерке. В операции было заинтересовано не только английское командование, но и сам генерал Жоффр,[2] убедившийся, что фронт отступивших на Эн германцев прорыву не поддается. Напротив, немцы снова угрожали обходом с севера. Не требовалось особенного ума, чтобы понять значение фланговой маневра. Не случайно же старый Антверпен был превращен к началу войны в крепость, вторую по силе в Европе. Не случайно бельгийцы продолжали держаться в нем. Морская бригада должна была послужить добавочным компрессом, чтобы оттянуть силы противника с фронта. Ведь помимо всего, кавалерийская разведка гер-

[1] Командующий 7-й эскадрой крейсеров.
[2] Главнокомандующий французской армией.

манцев уже стремилась на берега Канала, а может быть, те гаубицы, которые позднее открыли огонь по фортам Антверпена, предназначались для позиций в Калэ? При благоприятных обстоятельствах союзные войска, сосредоточившиеся на побережьи, могли развернуть обходное движение, ударяя по коммуникациям правофланговых армий. Наступал значительный момент, который мог стать поворотным для исхода всей кампании; и флот, королевский флот, был призван вновь повторить то, что не раз совершал в войны предыдущих столетий.

Лейтенант почувствовал знакомое возбуждение, приток энергии, которая заставляла мысли укладываться в строгом порядке. Хэл смотрел на карту и как бы читал в ее знаках ответы на вопросы: что может сделать противник? Что можем сделать мы? Последовательно выплывали из глубины сознания мины, подводные лодки, подкрадывались миноносцы, ночь и непогода прикрывали их, за воображаемыми облаками летели воображаемые цеппелины. На пути враждебных сил вставали дозоры, охранные патрули. С севера нависал тигантский кулак линейного флота. Все было совершенно понятно, и в особенности в отношении необходимости усиления дозоров к югу от Доггер-банка.

Хэл подошел к окну и посмотрел на небо, на площадь. Последняя была пустынна и увлажнена только что прошедшим дождем. Унылые холодные правительственные здания ограждали ее с одной стороны, и ветер, задувавший с юго-запада, запутывался в их причудливых угловатых стенах. Ветер превращал свой полет в кружение, листья, подхваченные им в Сент-Джемском парке, располагавшемся напротив, вертелись над мокрой мостовой и ударяли в окна. Небо было серо. Тучи сплошной пеленой несло к устью Темзы. Погода переходила в шторм. Миноносцы сил Хэриджа,[1] вероятно, уже отходили со своих позиций.

— «Если не сейчас, то позднее они уйдут в базу, — оформил мысль лейтенант. — Но как же с дозорами? Одни крейсера адмирала Кристиана?»

---

[1] То есть отряда, базировавшегося на Harwich, — маневренной базе английского флота.

Не может быть, чтобы перевозка войск и дальнейшее снабжение их происходило без надлежащего владения морем!

Офицер еще раз прислушался к шуму ветра. Да, буря начинала подвывать. Через площадь по направлению бульвара Мэл шел мужчина. Он двумя руками придерживал котелок. Полы пальто трепало в разные стороны. Джентльмен, смешно расставляя ноги, упираясь, невольно мчался вперед. Но это не показалось забавным. Хэл отвернулся и постучал в кабинет начальника.

— Сэр, погода заставит обе флотилии комодора Тирвита [1] уйти в Хэридж.

— Я вижу.

— Сэр, в дозоре южных сил только три крейсера. «Вакханка» — в доке, «Кресси» — под углем.

— Лейтенант, — начальник отдела повернул голову, — ни одной единицы больше командование не даст. Ни одной. Тем более, мы не можем рисковать линейными крейсерами.

— Но... но где же?..

— Господство, — вы хотите сказать? Я вам, кажется, объяснил, что положение таково, что ждать некогда. К тому же противник достаточно пассивен и устрашен.

— Есть, сэр.

Хэл вернулся к себе и занялся работой. Подъем настроения пропал. Поведение начальника действовало подавляюще. Хэл рассчитывал и писал, в глубине сознания все время всплывали слова, услышанные на-днях от одного товарища, приехавшего из Ширнеса: «Живая приманка», «живая приманка»...

— Глупости! — рассердился сам на себя Хэл. — Если шторм разгонит наши миноносцы, то он разгонит и миноносцы и подводные лодки немцев. Глупости!

Сутки исчезали как цифры переворачиваемых листов настольного календаря. Перевозка и высадка морской бригады прошли благополучно. Штормы один за другим проносились над Британскими островами и Северным морем, и даже 7-ю эскадру крейсеров, в одиночестве

[1] Командующий отрядом.

продолжавшую нести службу у Доггер-банка, отодвинули ближе к берегу к банке Брод-Фортинс, в район между берегом Голландии и минными полями, которые немцы сумели выставить у берегов Англии в первый месяц войны. Сэр Эдгар стал спокойнее. Враг действительно оказывался более пассивным, чем можно было ожидать. Кроме того, уже имелось распоряжение усилить Южные силы [1] — новыми «Аретузами», [2] которые в ближайшее время должны были вступить в строй. Тогда 7-я эскадра могла бы отойти на более безопасные позиции. Комодор снова обрел шутливость и, глядя, как шторм гнет и треплет деревья Сент-Джемского парка, говорил совсем весело:

— Ах, как достанется Бобу на своей старушке.

— Молодчина Боб! Хорошая школа, — поддакивал Хэл.

Признаться, ему самому хотелось бы вдохнуть свежего морского воздуха. Не лучше ли было смотреть с мостика прямо в глаза опасности, нежели бороться здесь, сидя на берегу, в самом центре столицы? Этому радовалась только одна Бэл. Но что понимала она, еще по существу девочка! Он вспомнил о ней, заступая в дежурство. Невеста просила его быть сегодня вечером, но снова, как уже много раз, пришлось отложить. Дежурство шло, к счастью, спокойное, если не считать сведений, поступивших от агентуры, о том, что мимо Эсбьерг в Дании на север прошел отряд германских легких крейсеров и миноносцев. Это было только кстати. Операции на бельгийском побережьи оставались без внимания со стороны противника. Очевидно, у него между главными сухопутными и морскими начальниками не было связи в действиях. Тем лучше! Адмирал Джеллико [3] немедленно вышел из Скапа на поиски. Эти крейсера на север далеко не уйдут.

Обсерватория донесла о том, что ветер стихает. В самом деле, сквозь разорванные тучи безмятежно мерцали звезды. Бэл разучила целую серию национальных

[1] То есть силы, действовавшие в южной части Северного моря и прикрывавшие Канал и бельгийское побережье.

[2] Т. е. крейсерами типа „Arethusa".

[3] Командующий главным флотом.

песен и гимнов союзных стран и хочет устроить небольшой вечер. Пройдут ночь и день, Хэл будет свободен и зайдет домой только переодеться. Ага, Тирвит снимается с якоря. Надо передать в Секцию движения кораблей... Ночные часы проходили не торопясь. После волнений последних дней хотелось покоя, ласкового взгляда Бэл, доброй усмешки сэра Эдгара. Снова припомнился курносый Боб с упрямым вихром на затылке. Лампа светила мягко, усыпляюще. Кабинет казался уютным. Представилось, что вовсе никакой войны нет...

Рассыльный с радиостанции вбежал торопливо, без стука.

— Сэр... — пролепетал матрос, — очень спешная.

Это случилось 22 сентября утром.

...«Абукир», «Хоуг» тонут 52° 18′ норд. 3° 41′ ост...»

...— Тонут... «Абукир», «Хоуг»... «Абукир», «Хоуг»?

Было семь часов двадцать минут. Миноносцы Тарнита были еще далеко. Но там еще был «Кресси», вчера сменивший «Вакханку».

— Слава богу, Боб цел, — мелькнула мысль. — Какая удача! — дежурил сам Кери. Комодор, уже насторожившись, стоял в дверях. Должно быть, рассыльный стукнул дверью сильнее, чем полагалось.

— «Абукир»...«Хоуг»... Скорее, Хэл. Адмиралу Кристиану на «Аметист». У него должна быть дежурная полуфлотилия... Запросить еще раз «Кресси»... Я пойду к телефону!

Комодор Кери, вероятно, забыл, что он не на мостике, а в кабинете. Приказания звучали властно и громко. Как будто он только и ждал этого момента, как будто он видел погибающие крейсера здесь, перед собой.

Комодор стремительно исчез. Лейтенант начал быстро набрасывать на бланке слова сигналов. И вот пришел ответ с «Аметиста», вот подкатил автомобиль мистера Черчиля, с ним вместе прибыл первый морской лорд, им навстречу поспешил Кери. Вот показал свое место Тирвит, снова «Аметист», а «Кресси» молчал.

Потом наступил день. Солнце попыталось заглянуть через крышу соседнего флигеля; «Кресси» молчал.

Дежурство было сдано лейтенанту Клоду. Комодор вернулся от начальства посеревший, осунувшийся; не отдавая никаких приказаний, сел на первый попавшийся стул. Положил на колени ладони и застыл, словно в ожидании. Лейтенанты стояли, не зная, что делать.

Потом комодор пришел в себя и сказал тихо, не вполне твердо:

— Продолжайте работу, джентльмены. Продолжайте. Королевский флот понес большую потерю, но есть надежда, что офицеры и люди спасены голландскими судами.

— А «Кресси»? — вырвалось у лейтенанта Клода, а Хэл даже не смог шевельнуть губами.

— «Кресси»?.... Да, «Кресси» погиб... Тоже... Тоже погиб!..

И не в силах больше сдерживать себя, комодор стремительно ушел в свой кабинет.

Они сидели до вечера. Хэл позвонил к Бэл и предупредил, что важная работа удерживает их в адмиралтействе. Возможно, сэр Эдгар останется на ночь. Бэл заговорила в ответ капризным голосом, подражая маленькой девочке. Эта шутка была совсем лишней, но ведь Бэл не знала, что случилось.

К ночи поступили первые сведения о спасенных. Их было всего пятьсот сорок девять, со всех трех крейсеров, из которых каждый имел около семисот пятидесяти человек команды. Но какую-то часть людей спас смелый голландский пароход «Флора», подоспевший через час на место катастрофы. Хэл настоял, чтобы начальник поехал домой. В конце концов, если Боб погиб, лэди Элис и Бэл следовало подготовить. Комодор согласился, и лейтенант попросил позволения сопровождать его.

В доме на Зеленой улице светились окна гостиной. Скучающая Бэл перебирала клавиши. Леди Кери сидела за шитьем каких-то сумочек, бросая недовольные взгляды поверх пенсне в сторону дочери. Должно быть, у них был только что крупный разговор. Они не ожидали приезда сэра Эдгара и не вышли встретить.

— Элис... Бэл... — тихо окликнул их комодор, останавливаясь в дверях.

— Папа?

— Элис, Бэл... от атаки подводных лодок погибли наши крейсера. Погиб «Кресси», на котором... был Боб...

— Боб?!

Лэди Элис встала. Пенсне дрогнуло, соскочило с угловатого костистого носа, закачалось на черном шнурке. Бэл, намеревавшаяся подбежать к отцу с поцелуем, ахнула и, странно согнувшись, прижала ладони к груди. Бредфорд невольно кинулся к ней. Эдгар подошел к жене.

— Не надо волноваться преждевременно, — наперебой заговорили мужчины. — Списки спасенных еще неполны.

Это был тягостный вечер. Хэл вернулся домой поздно и очень удивился, увидев в столовой свет. Оказалось, тетушка Сьюзен в одиночестве сидела за поздним ужином.

— Опять, — сказала она в ответ на приветствие, делая выразительный кивок в сторону часов.

— Тяжелый день, тетушка. Новые жертвы... Вы тоже сегодня где-то задержались.

— В клубе, милый Хэл. Отчеты и планы. Каждый должен принять участие в великих событиях.

Но платье ее было несколько роскошнее, чем то, которое она надевала, отправляясь на деловые заседания клуба. Миссис Бредфорд, сознавая это, невольно оглядела себя и перевела разговор:

— Вы разве не хотите поужинать? Я прикажу подать.

Хотелось только спать. Все стало безразлично. Чувства вдруг притупились до такой степени, что даже пропала тревожная мысль о Бобе.

На следующий день стали известны подробности. «Флора» спасла всего восемьсот восемьдесят шесть человек. Значит, погибло шестьдесят офицеров и тысяча четыреста матросов. Все чины штаба и адмиралтейства ходили как тени, молчаливо и бесшумно, боясь попадаться на глаза начальникам. Первый лорд собрал всех морских лордов и начальника морского штаба и совещался чуть ни целый час, в каком виде опубликовать сообщение. Оно неизбежно должно было потрясти всех,

Как взрыв бомбы; но никто не должен был усомниться в силе королевского флота, в доблести королевских матросов.

«Лондон, четверг».

«Секретарь адмиралтейства с сожалением сообщает, что следующих офицеров, исполнявших службу на его величества «Абукир», «Кресси» и «Хоуг» 22 сентября, нет среди тех, которые спасены, и они поэтому должны быть сочтены погибшими...»

— Максуэлл! Вот списки... Сличите их еще раз с оригиналами.

— Есть, сэр... Для списка людей будет особое сообщение?

— Вы с ума сошли, Максуэлл! И хотите, чтобы и другие лишились разума!

Первый морской лорд отвернулся от тощего клерка. Постукивая блестящими ногтями левой руки по бювару и подавшись всем дородным корпусом вперед, принц обратил моложавое умное лицо, породистое, красивое, обрамленное холеными усами и заметно седеющей бородой, в сторону секретаря адмиралтейства.

— Я вас очень прошу проследить лично окончательную редакцию, которая будет сдана в правительственное пресс-бюро. Почти полторы тысячи!.. Мне до сих пор это кажется неправдоподобным... Комодор, ваши соображения по поводу гибели готовы?

Да, соображения были. Сопровождавший начальника лейтенант уже держал документ наготове. Комодор молча кивнул головой, а глаза его, обведенные темными впадинами, следили, как костлявая, украшенная чернильным пятном рука клерка старательно укладывала листок с перечнем офицеров в папку, — мидшипмены еще не офицеры, не упоминаются в списках вместе с последними.

— Комодор, прошу вас...

Первый морской лорд принц Баттенбергский, однако, был настолько тактичен, что во-время удержался от

предложения читать и сам протянул пухлые пальцы к бумагам:

— Прошу курить, джентльмены.

«Лондон, пятница».

«Секретарь адмиралтейства уполномочен сделать следующее сообщение с донесением о потоплении трех крейсеров «Абукир», «Кресси» и «Хоуг».

Факты этого сражения не могут быть переданы лучше, чем посредством прилагаемых рапортов старших офицеров, которые остались в живых и прибыли в Англию...»

— Это хорошо... Не правда ли, мистер Черчиль будет теперь доволен? — Первый морской лорд поднял глаза в сторону сухощавого нового начальника морского штаба, вице-адмирала Стерди.[1] — И далее вы прикладываете копии донесений?

Гладкие пальцы перевернули лист, к которому были подшпилены еще два:

«Донесение комодора Реджиналда А. Нортон, К. Ф., бывшего Е. В. «Хоуг». Сентября 23, 1914».

— «Донесение комодора Бертрама У. Л., Никольсон К. Ф., бывшего Е. В. «Кресси». 23 сентября 1914».

— Почти полторы тысячи, — пробормотал первый лорд и погрузился в раздумье. Потом спохватился: — Вы, комодор, и ваш лейтенант можете быть свободны.

Почти полторы тысячи жизней в несколько минут! Крейсера принадлежали к составу 3-го флота и были укомплектованы преимущественно резервистами. На них, кроме того, плавали осборнские кадеты. Почему-то этот район и эта эскадра считались самыми безопасными. А на самом деле все произошло быстро и до ужаса просто. Товарищ Хэла по выпуску лейтенант Колнер рассказывал, вздрагивая и улыбаясь, хотя ни одной искорки юмора не было в его словах.

---

[1] Вице-адмирал Sturdee, вступил в должность начальника морского генерального штаба 29 августа 1914 г.

Три корабля крейсеровали постоянными курсами десятиузловым ходом, держась на траверзе друг у друга в двух милях. Были выведены специальные наблюдатели за подводными лодками, с каждого борта было в готовности по одному орудию. Рассвет ли, волны, или утомление позволили наблюдателям проглядеть опасность, но в шесть тридцать утра взрыв взметнул воду и дым у правого борта «Абукира». Капитан решил, что крейсер подорвался на мине.

«Приблизиться, держаться впереди». — Командир «Абукира» был старшим и имел право распоряжаться. Сигнал был исполнен, а тем временем «Абукир» повалился набок. Шлюпки крейсера разнесло на куски, матросам оставалось в беспорядке кидаться в воду. Многие бросались в холодные осенние волны, другие пытались ползти по мокрому борту корабля. Люди уже были измучены штормовым крейсерством. Теперь стихия грозила смертью. Надежда была только на помощь товарищей. «Хоуг» подошел близко, на два кабельтовых. Половина команды стояла у пушек, готовая открыть огонь по врагу, половина спускала шлюпки, вытаскивала койки, деревянные столы и скамейки для помощи погибавшим. Катера отвалили. Тогда новый взрыв взметнулся над морем. Слева от «Хоуг» всплыла подводная лодка. Ее встретил бешеный огонь, но две торпеды для старого корабля оказались более чем достаточной порцией. Через пять минут шканцы были уже на воде, и командир подал единственную возможную теперь команду: «спасайся, кто может». Только тогда матросы отошли от орудий, чтобы кинуться в еще бурное море, где уже плавали сотни людей с «Абукира».

«Кресси», пославший шлюпки к погибавшим кораблям, кричал по радио и не двигался с места. Через десять минут после гибели «Хоуг» он увидел справа в двух кабельтовых перископ. Командир хотел увернуться, но корабль не успел забрать ход. Торпеда взорвалась. Потом другая. Кто-то увидел всплывшую рубку субмарины. Артиллерия стреляла до последней возможности. Кто-то даже радостно кричал о попадании. Возможно, это был мидшипмен Боб Кери или кто-либо из кадетов. Голос был звонкий, мальчишеский... А крейсер переворачи-

вался, и уже не было шлюпок для спасения. На горизонте маячили голландские траулеры, но они боялись подойти,— от мин не застрахован никто. Трижды спасенный лейтенант Колнер сказал последнюю фразу тоном нравоучения, как будто соль была в минах. На самом деле это наделала всего одна подводная лодка, всего одна старая «У-9». Ни в штабе, ни во флоте долго не хотели верить этому, но это было так. Сами немцы были поражены неожиданным успехом.

И об этом стоило поговорить.

Первый разговор у Хэла произошел в служебном кабинете начальника на другой день после происшествия, после рассказов нескольких авторитетных очевидцев. Комодор внешне держался совершенно спокойно. Только по темным контурам глаз, по излишне строгому тону становилось понятным, что сэр Эдгар чувствует себя ненормально. Он вызвал помощника и начал разговор с вопроса:

— Вы знаете, что означает катастрофа 22 сентября?

— Уничтожение ядра Южных сил, сэр.

— Не в этом суть, Хэл... Не в этом... Не кажется ли вам, Хэл, что палуба заколебалась под нашими ногами несколько необычайным образом?

— Господство нарушено еще раз. Не правда ли, сэр?

Комодор кивнул головой. Он чуть сощурил умные, проницательные глаза и посмотрел в упор на лейтенанта.

— Надо принимать решительные меры. Немцы не так глупы, чтобы не использовать этот дьявольский успех, настоящий адский успех, Хэл... Решено запретить большим кораблям заниматься проявлением гуманности по отношению и к своим, и к дружественным, и к враждебным поврежденным кораблям. Летит ко всем чертям рыцарство, Хэл. Довольно романтики... Подготовьте наши окончательные соображения по этому поводу. Никаких нежностей и оговорок. Никаких. Слышите, Хэл. Мы расстреливаем дельфинов в водах собственных баз и стопорим машины перед перископами. Никаких послаблений, Хэл!

Хэл Бредфорд вышел от начальника взволнованным.

«Расстреливаем дельфинов», — ведь это же его, Хэла, слова. Как он помнит! Они смеялись и острили над паникой, устроенной крейсером «Фальмес» в Скапа 1-го сентября и подхваченной другими кораблями. Главный флот на ночь даже ушел в море. А как разошелся комодор! К чорту гуманность, рыцарскую романтику! Британский королевский флот, что будет с вами, если адмиралы и комодоры, носители старых традиций, овеянных пороховым дымом эскадр Родни, Сен-Винсента, Нельсона, Кодрингтона приказывают вычеркнуть статьи уставов, хранимых с XVII века?

В 1653 году впервые начертаны «священные слова» о помощи терпящим бедствие:

«... Если корабль поврежден настолько, что ему грозит опасность быть уничтоженным или взятым в плен, ближайший к нему, наименее занятый противником корабль должен оказать немедленную посильную помощь и содействие».

Лейтенант улыбнулся.

— Капитаны действовали по уставу, и судить их нельзя...

Возле номера пункта он вычертил карандашом черный мальтийский крест. Потом стал размашисто набрасывать слова приказа, неумолимые, не допускающие лишних толкований и послаблений, как учил комодор.

«... Это наставление является развитием принципа, отныне являющегося статьей боевого устава, по которому поврежденные в эскадренном бою корабли предоставляются собственной участи».

Лейтенант поставил точку. Потер, расправил пальцы. Потянулся к выключателю. Свет смутно озарил портрет знаменитого адмирала, воспитавшего еще более знаменитого однорукого ученика, предания о котором, впрочем, как и о других морских героях, будь они даже просто разбойниками, слагались в рыцарские подвиги.

«Вы, кажется, испуганы, лорд Сен-Винсент? — с удовлетворительностью подумал Хэл Бредфорд. — Вам никогда не приходилось изображать собою «живую приманку»?

Когда-то под этими сводами, среди этих капитально-

сложенных стен, может быть, даже в этом же самом кабинете сидели люди в расшитых сюртуках и мундирах и с удивлением рассматривали очередной сумасшедший проект. Начиная с XVII века появились беспокойные изобретатели, в качестве рассудка которых сомневались все благонамеренные люди.[1] Просоленные, обветренные «морские псы», избороздившие океаны до обеих Индий, поднимали их на-смех. И все-таки идея была заманчива. Умный Джон Джервис, он же лорд Сен-Винцент, адмирал, пират и палач, не выразил презрения. Корабль Фультона уже не был мифом, но сумел продержаться под водой около 4 часов, пройдя при этом 5 миль. Подводная лодка американца Фультона, служа французам, пыталась даже атаковать английский флот, а в 1804 году непризнанный изобретатель, покинувший Францию, предложил свое детище другому из противников. Нет, старый вояка лорд Сент-Винцент не поднял Фультона на-смех; напротив, он долго раздумывал над странными чертежами, над цифрами, безошибочно доказывавшими, что такое судно может существовать и плавать. Мускульной силы людей должно было хватить, чтобы вращать колесо, которое сообщало движение. Удивительный корабль. Он шел в воде, как бурав. Торпеда, укрепленная на форштевне, должна была вдребезги разнести деревянный борт, даже если он и был обшит медью. Старый лорд долго сидел над чертежами, а важные чины адмиралтейства терпеливо ждали, когда поднимется склоненное сухое, коричневое лицо. Еще никто не осмелился высказать своего мнения. В душе они уже ненавидели этот нелепый, рыбоподобный корабль, не нуждавшийся ни в мачтах, ни в парусах, грозивший лишить их многих статей дохода на лесе, льне, пеньке, но близился год Трафальгара. Наполеон Бонапарт готовил силу, которая могла лишить их еще больших благ, и с высказываниями следовало обождать. Лучше всего было бы, если ответственность взял бы на себя первый лорд; и старый Джервис, наконец, откинулся на спинку кресла и, отодвинув чертежи, сказал:

[1] Первый проект подводной лодки относится к 1620 г.

— Не обращайте на это предложение внимания и не трогайте его. Если мы примем его, другие государства сделают то же; тогда нашему правительству на море будет нанесен величайший удар, какой только можно себе представить.

Члены адмиралтейства облегченно вздохнули. Подводная проблема была разрешена просто и надолго.

Об этом жесте дальновидного Джервиса, отодвинувшего вопрос почти на сто лет, Хэл Бредфорд заговорил с начальником через несколько дней, когда улеглось первое ужасное впечатление. Разговор произошел на этот раз в домашнем кабинете в присутствии Бэл, которая делила все свое внимание между матерью и отцом.

В тот вечер в доме Кери было особенно тихо. Рэф, присутствовавший на заупокойной службе по брату, уехал на корабль, который только что начал проходить артиллерийские стрельбы. Лэди Элис, измученная бессонными ночами и слезами, заснула прямо на диване в гостиной; комодор уединился в кабинете.

Бэл и Хэл сначала шептались у камина. Лейтенант держал руки девушки в своих руках и временами, как бы незаметно, подносил нежные пальцы к губам, вдыхая мягкий, чуть пряный аромат духов. Мать тяжело дышала во сне, и Бэл не противилась. Она даже придвинулась ближе, и светлый локон, прикрывавший маленькое ухо, иногда касался мужественной, жесткой щеки.

— Хэл, — говорила Бэл, — я не понимаю, как это все случилось?.. Я до сих пор не могу привыкнуть, что Боба, моего глупого Боба нет и не будет...

— Он герой, моя Бэл.

— О, только это меня и утешает. Я взяла пример с папы.

— Сэр Эдгар — настоящий джентльмен. Все поражены его стойкостью. Он ни на минуту не оставил службы.

— Еще бы!.. В такие тяжелые дни... Я поняла теперь, какие вы все самоотверженные, и хочу теперь тоже отдать свои силы во имя защиты справедливости.

Подумать только, что делают немцы во Франции и в Бельгии.

Хэл хотел ее успокоить новыми благоприятными перспективами, но она перебила его.

— Я заказала большой портрет Боба. Я повешу его здесь, слева от камина, где он всегда выбирал себе место. Потом я послала его карточки во все лучшие журналы.

— Вы замечательная сестра, Бэл. К сожалению, у меня нет такой!..

— Тсс... Тише... — она зажала ему рот ладонью. — Мама шевелится... Глупый Хэл! У вас буду я... Тоже я... Разве этого будет мало?

— Бэл!..

— Тише... Дайте мне ваше ухо.

Она обвила его шею рукой и приблизила губы к уху:

— Хэл, я сегодня утром проснулась и подумала, что у нас будет непременно сын. Такой же смешной, с вихром... как Боб. И мы назовем его Бобом... Когда я подумала так, мне вдруг стало спокойно, совсем спокойно... Я хочу сказать это маме и папе... Они успокоятся тоже... Ведь правда?

Ее голубые глаза сияли от избытка любви и глядели совсем близко. Девушка уже не шептала на ухо. Она прильнула к дорогому человеку, который был избран ею, чтобы восстановить счастье дома Кери. Хэл едва сдерживался, чтобы не осыпать поцелуями лицо Бэл, светлое, одновременно печальное и счастливое. Они, должно быть, разбудили леди Элис, так как она глубоко вздохнула и шевельнулась.

— Довольно, милый... Довольно... Мы мешаем... Пойдемте лучше к отцу, пока спит мама. Он тоже любит молодую жизнь, хотя и сидит один.

Тогда они пошли в кабинет и застали комодора за его старинным письменным столом, украшенным серебряным фрегатом — призом, полученным когда-то за управление под парусами. Одна стена была почти целиком закрыта книжным шкафом. С двух других глядели смелые лица героев королевского флота. Под каждым из них висела гравюра, изображавшая соответствующий прославленный эпизод из морских войн. Дверца шкафа

была приоткрыта. Комодор занимался чтением. Молодые люди заметили на столе том «Истории великобританского флота» Джемса и толстую наследственную библию, сохранившую следы пожара в сражении у Наварина.

— Если вы заняты, мы немедленно сдрейфуем назад, — шутливо извинился лейтенант.

— Нет, нет. Я просто читал. Читал об Аврааме, приносящем в жертву сына. Потом о смелом молодом Джозефе Хоуке, павшем под градом русской картечи.[1] Сколько самопожертвования, дети! В этих просто, даже скупо изложенных эпизодах черпаешь необходимую внутреннюю силу. Откуда у людей было столько мужества?.. Веры?.. Вера в бога, вера в короля, в страну, в доблесть королевского флота. Отцы приносили в жертву сыновей не только в библейские времена и знали, ради чего приносили. Разве они ошиблись, Хэл?

Он замолчал. Молодые люди не решились нарушить воцарившуюся тишину. Они угадывали, какая невидимая картина стояла перед глазами отца. Конечно, ему чудилось колебание волн, в которых плыли и хватались за обломки люди; поваленный страшной силой набок корабль-гигант, и опять люди, кидающиеся в водяные вихри. Может быть, он видел своего сына, принесенного в жертву... Кому? Отец думал об этом. Приоткрытый шкаф, книги на столе служили свидетельством.

Затем комодор заговорил:

— Я верю, что Боб и другие погибли не зря. Война свойственна земной жизни. Как это ни ужасно, счастье людей строится на трупах. Я верю в особое призвание нашей страны. Вся история говорит за это. Но...

Комодор вдруг помрачнел. Брови его озабоченно сошлись над переносицей. Он сделал заметное усилие над собой и продолжал обычную по своей душевности речь:

— Я думаю, что вам сказать можно... Ведь правда можно, дети? Хэл, у вас светлая голова и к вашим мыслям можно прислушаться.

— Вы слишком высокого мнения, сэр, обо мне.

— Ах, он очень глупый у меня, папа.

---

[1] Имеется в виду эпизод войны с Россией в 1809 г.

У Бэл опять сияли глаза, и, глядя на них, хмурые морщины отца разгладились.

— Не будем больше обсуждать качества Хэла. Каждый может остаться при своем мнении. Но вот в чем дело, Хэл. Мы с вами не раз говорили о той доктрине, которую должны исповедывать мы, моряки королевского военного флота.

— В этом самом кабинете, сэр, и на этих же стульях. Я имел дерзость подвергнуть сомнению теорию господства на море.

— Хорошо, Хэл. Я вижу, вы помните. Я утверждал тогда, что такое господство может быть достигнуто в некоторый срок, и тогда останется дать решительный бой на суше.

— Точно так, сэр.

— Хэл, я... я кажется... ошибся... Я потерял веру.

Бэл даже вздрогнула, и глаза ее отразили испуг, но вскоре стало понятно, что религиозные убеждения отца тут ни при чем.

— Вы потеряли веру в качества королевского флота, сэр?

— Разумеется, не во все. Офицеры и люди дерутся отлично, и на море и на суше, если требуется. Но, Хэл, что-то неладное в наших головах. Вероятно, там... на кораблях... это не заметно... А нам, призванным составлять планы войны и операций, приходится плохо. Очень плохо, Хэл! Голос комодора дрогнул. Он взял из портсигара, раскрытого на столе, папиросу, закурил, забыв предложить лейтенанту.

— Поймите, Хэл... С первых дней мы решили оттянуть Главный флот подальше на север. Мы думали, что повесили паровой молот над головой врага, а теперь боимся продвинуть эскадру кораблей на юг, чтобы надежнее прикрывать Канал и Бельгию. Больше того, противник уничтожает корабли вблизи наших берегов. Мы не можем ручаться за то, что однажды германские корабли не обстреляют наши восточные графства.

— А крейсера в океанах, сэр? Скоро будет два месяца, как мы не можем обезвредить их. Немцы немного просчитались. Они могли бы иметь гораздо больший успех.

— Довольно примеров, Хэл! Не думаете ли вы, что все это не должно ложиться на меня как на начальника оперативного отдела?

— Не вы один отвечаете, сэр. Планы составлялись до вас. Доктрина старше нас с вами на много десятков лет.

— Гибель людей...

— Сэр, вы же отлично знаете, что командиры крейсеров, в частности «Абукира», нарушили инструкции о движении переменными курсами еще до того, как потребовалось выполнение уставного пункта о помощи.

— Ах, не будьте формальны, Хэл. Мне больше нравится, когда вы нападаете, а не защищаете. Ну, поймите — нужно решение вопроса. Быстрое и вместе с тем надежное. А мы не находим ничего лучшего, как итти наощупь и на риск. Где же наша доктрина? Ломая старую, мы не создаем новой. Вы хотите бунтовать, Хэл, но вам не поверят, пока вы не покажете, как нужно делать. И мне не поверят. А может быть, доктрина верна, но мы неумело ее применяем?!

Они умолкли. Каждый погрузился в свои соображения. Девушка с тревогой всматривалась в лица мужчин. Неужели так сложно воевать? Зачем им нужна была какая-то доктрина, когда королевский флот в совокупности с союзными флотами был в несколько раз больше вражеского? Не проще ли было всем вместе прямо напасть на порты, где прятались корабли немцев и австрийцев и уничтожить их?!

Хэл первым нарушил молчание.

— Нет, сэр. Я склонен думать, что доктрина устарела. Правда, я не знаю, как ее нужно подправить, но для меня ясно одно, что противные стороны не ищут друг друга в море, как это делали когда-то на этих же волнах испанцы и англичане, голландцы и англичане, французы и англичане. Для меня ясно одно, что подводные лодки и не намерены устраивать генеральное сражение, а склонны вырывать жертвы из рядов противника исподволь, и их не удастся заблокировать. Наше счастье, что субмарины еще не совершенны, чтобы совершать океанские переходы.

— Это было бы ужасно, Хэл.

— А кое-кто пророчит в будущем еще эскадры в воздухе.

— Надеюсь, мы успеем окончить войну и без этого, Хэл...

Разговор, наметивший вначале совершенно ясную общность мысли, вдруг потерялся. Были ли непонятны перспективы будущего, или собственные мысли собеседников еще не получили четкого оформления, но офицеры расстались с прежними сомнениями. Все-таки стало ясным одно (и Хэлу Бредфорду было особенно отрадно, что сэр Эдгар признал это), — теория, на которой выросли они, не годилась. По крайней мере в том виде, как ее употребляли. Ясно было также то, что подводная лодка играла здесь крупную роль. Напоследок комодор вспомнил с некоторой грустью об умном лорде Сен-Винценте.

— А ведь он решил этим доктрину в ее пользу, Хэл. Не правда ли? Как это было просто и хорошо. И как он умел заставить людей воевать.

Комодору несомненно хотелось сменить тужурку на старинный сюртук или камзол. Он с любовью смотрел на гравюры, на их героев. А лейтенанту Бредфорду хотелось крикнуть: «выход должен быть!» Знакомое спортивное возбуждение охватывало его. Уже летели клочки новых мыслей. Он крепко пожал неожиданно подвернувшуюся нежную ручку.

— Бэл... Бэл... — тихо сказал он, — я хочу что-то сказать вам. Я задумал что-то очень, очень большое... Я хочу найти выход.

11

...Мы были детьми, и я, и она
В стране, где плывут корабли,
Но любили любовью, что слишком сильна,
И я, и Энабэл-Ли...

Это проносились мысли о прекрасной, любимой девушке Бэл, которая обещала счастье. Но теперь Хэлу следовало думать и о другом, большом и важном. И лейтенант Бредфорд думал достаточно много и однажды

даже решил приступить к написанию первой, вводной главы:

— «Если штурман говорит, что он «нюхом» выбрал верный курс для корабля, можете смело упрекнуть его в неискренности. И прославленный глазомер старых капитанов скрывает за собой, может быть, неписанные, но твердо усвоенные вполне конкретные основания. Только при этом условии творческий порыв навигатора дает нужные результаты». Таков был первый тезис, сложившийся в голове Хэнри, после того как он добрый час посидел за своим письменным столом. Но на этом мысли застопорились.

Примерно в тот же вечер, или по крайней мере на следующий, тетушка Сьюзен, как бы угадывая его взбудораженные мысли, высказала идею, что творчество должно распускаться подобно цветку, имеющему высокий, стройный и вместе с тем прочный стебель.

— Вы склонны к поэзии, Сьюзен, — пошутил Хэл.

— Менее, чем вы, дорогой племянник, — отпарировала миссис Бредфорд. — К тому же эта мысль не моя, но мысль неглупая, неправда ли?

Сьюзен не подозревала, что ее замечание попало в точку. Лейтенант позволил себе даже вглядеться в лицо молодой женщины. Но холодные, самоуверенные черты, а главное — рассеянный взгляд не гармонировали с глубиной высказанных слов. И тем не менее слова были кстати, и хотелось бы послушать еще что-нибудь подобное. Военные события, откровенный разговор с сэром Эдгаром, нежное внимание Бэл дали толчок, породили порыв, но собственных фраз, которые должны были воплотить большие идеи, не нашлось. Мозг рождал бесформенную массу сомнительных тезисов. Сьюзен была права: это не было распусканием цветка. Порыв творчества походил на мыльный пузырь, который грозил сорваться с соломинки, улететь и лопнуть.

В новой теории должна была воплотиться смелость молодой жизни, мысли XX века, в противовес старым догмам. Когда-то их утвердили залпы стадвадцатипушечных трехдечных кораблей, которые сваливались на абордаж. Но этого сознания оказывалось мало. Мысли нуждались в уточнении и проверке. Однако ни то, ни дру-

гое не удавалось. Было неудобно снова тревожить комодора сомнениями и исканиями. Приятели вежливо посмеивались и находили, что сейчас не время заниматься философией. Энабел охотно говорила о будущем счастье, но видела его не в разрешении военно-морских проблем.

Самолюбие не позволило заговорить на эту тему с тетушкой. К тому же между ними уже несколько лет как установились отношения своеобразной дружбы. Они проявляли друг к другу отменную заботливость, делились друг с другом новостями. Вместе с тем каждый из них демонстрировал, что ему нисколько не интересно знать подробности о другом. Миссис Бредфорд подчеркивала свой скепсис, Хэл — свое снисхождение к причудам женщин. Однажды лейтенанту пришло в голову сравнение, что они, как лотовые, пытаются измерить глубины один другого, и каждый раз брошенный лот не достигает глубины. Он сказал об этом Сьюзен, но тетушка метнула презрительный взгляд и ответила настоящим морским термином:

— Двадцать сажен пронесло, сэр!

Пожалуй, она была права, — ее лот доставал не только глубину, но и грунт.

Кроме того, глубокомысленные разговоры требовали времени, при этом, времени спокойного. Таких дней, лишенных волнений, и тем более неприятных волнений, было мало. «Я никогда не думала, что современная война — дерби. Право, можно было бы сыграть на какую-нибудь лошадь» — сказала раз Сьюзен, прочитав газету. Реплика показалась лейтенанту слишком смелой и жестокой, но и тут милая тетушка оказывалась права. На океанах совершался «бег крейсеров». Сухопутные армии во Франции и Бельгии продолжали «бег к морю». Значение моря вдруг стало особенно ярко сказываться. Адмиралтейство сразу оказалось втянутым в бурный круговорот событий. Морские батальоны сражались за Антверпен. Сам первый лорд адмиралтейства едва ли не превратился в командующего войсками и уже запрашивал у правительства разрешение сдать обязанности морского министра, а военный министр лорд Китченер подбирал на этот случай мистеру Черчилю соответствующий

военный ранг. Начальника разведывательного отдела послали взрывать коммерческие пароходы на Шельде (захват их представил бы немцам транспортные средства для десанта в Англию); в первоклассной крепости форт падал за фортом; толпы народа уходили через старый, уже сумевший позабыть ужас предыдущих войн город; к потоку селян присоединялся поток раненых; флот готовился к обратной посадке войск; угроза Калэ, Дувру становилась снова реальной; с Индийского океана и с юго-запада Атлантики шли вести о подвигах неуловимых германских крейсеров; слухи о свежих крейсерах, готовых прорваться на северные атлантические пути, не переставали поступать от агентуры и, как нарочно, из Канады потянулись транспорты с пополнением для сухопутного фронта. Адмиралтейство дрожало за их судьбу и с риском снова создать «живую приманку» выводило силы Главного флота на новую диспозицию. Это опять были чертовски нервные дни. Временами было не понять, что следовало делать. Германский флот мог в еще большей степени усложнить обстановку своей активной угрозой бельгийскому побережью и Каналу. Какой ужасный крах мог бы произойти! Не случайно же шли тревожные сведения и от кораблей и от агентуры с подводных лодок, но, к счастью, и великому счастью, противник оказывался отнюдь не столь грозным, как представлялось вначале, и в уязвимом направлении проявлял настоящую пассивность. Комодор даже нашел возможным шутить:

— Они бьют ниже черты...

В хорошие осенние вечера, когда не моросил дождь и туман не закрывал дороги, лейтенант Бредфорд, перебирая в мыслях события дней, возвращался домой пешком. Этих навязчивых мыслей обычно бывало так много, что не оставалось места для тех, которые должны были и не могли определить новую теорию. Снова начинались поиски. Завесу забот и сомнений не могли рассеять даже ни уют дома на Зеленой улице, ни родительское внимание его хозяев, ни болтовня и шутки Бэл. Иногда Хенри заходил на Пиккадилли в клуб, но старые друзья и знакомые исчезли, и уже поговаривали о предоставлении помещения под лазарет. Дом тоже казался опустелым.

Мистер Бредфорд пренебрег страхом перед минами и подводными лодками. Идеи новых великих комбинаций оказались сильнее притягивающего влияния домашнего очага и красоты жены. Россия не умела делать и Россия была союзницей. К тому же германские фирмы, естественно, лишались своих позиций. Следовало спешить. Иначе прозвище глупца было бы слишком мягким за утерянные возможности, которые по существу являлись «патриотическим актом». Мистер Бредфорд договорился с компаньонами и велел приготовить дорожные чемоданы, спасательный жилет, порошок от насекомых, браунинг № 2 и отправился через скандинавские страны в далекую, холодную Россию.

— Шубу и меха я куплю на месте, — объявил он на прощанье.

— Не забудьте привезти мехов и мне, — деловито напомнила миссис Бредфорд.

Она отказалась ехать, мотивируя тем, что путешествовала достаточно и что восточный мистицизм и деспотизм ее раздражают.

— С вашими запросами, моя дорогая Сью, вам следовало бы пребывать на луне, — обиделся муж, но не стал настаивать. В конце концов, он достаточно долго прожил холостяком, чтобы не оценить привлекательности самостоятельной поездки.

Поэтому расставание не было сложным и тягостным. По определению самой хозяйки, дом Бредфордов существовал прежде всего для представительства, а затем уже в качестве семейного очага. Конечно, Сьюзен преувеличивала факты и умаляла свои достоинства, благодаря которым заброшенный было в дни довольно легкомысленной жизни мистера Бредфорд дом стал одним из самых уютных и почтенных очагов делового Лондона. Хотя члены этого обиталища Бредфордов широко пользовались клубами и другими общественными учреждениями, хотя для общей беседы встречались обыкновенно по воскресеньям, тем не менее они, как матросы на корабле, уже имели свои места по расписанию и чувствовали присутствие друг друга точно так же, как комендор в батарейной палубе ощущает рулевого, стоящего у штурвала на ходовом мостике, или машиниста,

скрытого в машинном отсеке. Отъезд мистера Бредфорд создал пустоту в организации и пробел в расписании, и, пожалуй, это обстоятельство тоже послужило толчком к дальнейшим поступкам его родственников.

И миссис Бредфорд и лейтенант Бредфорд слишком уважали сами себя, друг друга и хозяина дома, чтобы позволить себе какие-либо пошлые неджентльменские поступки. Нет, я хочу рассказать о том, как война вторглась и в этот дом, гордившийся своей деловитостью. Не будет преувеличением сказать, что каждый из его обитателей (разумеется, кроме прислуги) в начале войны втайне считал себя выше происходивших событий.

Возвращаясь по вечерам в особняк Бредфордов на улице Кеппель, лейтенант заставал свою прекрасную тетушку обычно в одиночестве. Сьюзен либо восседала за чайным столом, либо отдыхала в глубоком кожаном кресле. По характеру ее поведения можно было предполагать, что до этого молодая, энергичная женщина выполняла большую изнурительную работу: она ела стремительно и с завидным аппетитом, а в кресле полулежала, раскинув длинные, тонкие руки, прижав подбородок к груди, как бы на месте скошенная усталостью. Ее глаза теряли блеск, и, глядя на застывшие черты лица, было трудно понять, размышляет ли она о чем-нибудь или дремлет. В таких случаях Хенри, произнеся негромко приветствие, спешил пройти мимо. Впрочем, к такому поведению явно скучающей дамы он мог бы привыкнуть, если бы его внимание не занимало то, что Сьюзен буквально каждый раз оказывалась в разных платьях. Дело не в том, что тетушка имела богатый ассортимент туалетов, а в непонятном характере чередования: не редко ее туалет выделялся роскошью, превышавшей требования текущего дня, но не менее часто она поражала скромностью одежды, напоминая собою не то ученую женщину, не то проповедницу. Только темные волосы, собранные в тяжелый узел, оставались всегда одинаковой рамкой, подчеркивавшей свежесть румяного лица.

Комнаты были наполнены массой вещей — каких-то диванчиков, этажерок, подушек, качалок. Археолог мог бы найти там следы многих поколений. Фирма Бредфор-

дов начала свое существование в смутное время Кромвеля, и с тех пор члены рода копили разные вещи. К тому же отцы завели отличное правило посылать одного из сыновей на службу в королевский флот и таким образом, кроме финансирования через банк, обеспечивать свое участие в дележе добычи. Риск оправдывал себя. Каждый захваченный приз оценивался в тысячи фунтов стерлингов, и везде в операциях участвовали смелые, предприимчивые Бредфорды. Конечно, можно было позволить себе небольшую роскошь. Вместе с тем они были настолько предусмотрительны, что всегда успевали оставить мужское потомство. Правда, к началу XX века традиция пошатнулась. Прежде всего старый Бредфорд перестроил дом и затеял предприятие в Ост-Индии. Это слово послужило началом потрясений. Старик внезапно умер при таинственных обстоятельствах в Бомбее, Хенри Бредфорд-старший погиб в Китае и оставил всего одного сына, а Сэмюэл Бредфорд-младший даже не удосужился жениться, а когда, наконец, остепенился и начал восстанавливать позолоту вывески старинного торгового дома, когда-то ведшего крупные операции шерстью, оказалось, что жизнь ушла далеко вперед. Пришлось, как он сам выразился, однажды, подобрав фалды фрака, кинуться вдогонку. Спасло доброе имя отца и остатки богатств, накопленных предками. Акционерное общество «Причард и К°» расширяло свои предприятия, имея в виду верные перспективы, открывавшиеся в связи с русско-японской войной и заключением соглашения с Францией. Мир нуждался в пушках, снарядах и военных кораблях. Очень скоро мистер Бредфорд перестал удивляться, как это ему удалось выиграть, и, отдышавшись и опустив фалды, уже рассуждал о преимуществах 15-дюймовой артиллерии перед $13^1/_2$-дюймовой не хуже первого морского лорда. Вместе с тем он не потерял вкуса к жизни. По его мнению, одним из лучших средств сохранить бодрость духа были комфорт и красота. Таким образом, Сьюзен украсила собою загроможденные, завешанные комнаты мало обитаемого дома, которые были наполнены самыми разнообразными вещами, призванными всячески удовлетворить желания пребывавших возле них

людей. Теперь казалось, что Сьюзен сидит, обессиленная в неравной борьбе с надвинувшимся роем вещей. Люстра горела вполсвета, угрюмо наливался жаром уголь в камине. Кругом было тихо до звона в ушах. Из одного угла улыбался азиатский божок, любезно предлагая бросать окурки в резную чашку из слоновой кости, привезенную из Африки; из другого торчали копья австралийских дикарей, охраняя своими остриями изображение последнего из погибших Бредфордов. Улыбающийся божок и строгий Бредфорд-старший были две наиболее ясно запоминавшиеся вещи. Между ними также неподвижное в своих чертах виднелось лицо миссис Бредфорд.

Однажды Сьюзен остановила Хенри ленивым подъемом кисти правой руки.

— Хэл, вы стали неразговорчивы, почти невежливы.

— Извините меня, Сьюзен, но мне казалось, я могу помешать.

— Садитесь, Хэл. Мы могли бы поговорить немного.

Лейтенант опустился в кресле напротив.

— Если вам это может доставить удовольствие. — Он почувствовал какую-то неловкость. Почудилось, она снова будет иронизировать.

— Конечно, я не стала бы задерживать вас.

Они замолчали, а потом Сьюзен вдруг улыбнулась просто, почти по-девичьи, даже по-детски. Хэл не выдержал и ответил тоже улыбкой. Тут ему стало немного неловко, и для маскировки он начал вспоминать «Глостер», на котором плавал еще совсем недавно, — там в кают-компании были такие же удобные, глубокие, кожаные кресла. На мгновение в голосе офицера прозвучали минорные нотки, — товарищи дружной семьей несли службу, рискуя жизнью, — но миссис Бредфорд не позволила распространяться.

— Хэл, вы не находите, что мы живем плохо?

Вопрос был задан четко и коротко. От неожиданности лейтенант смешался.

— Спросите у меня что-нибудь другое, Сьюзен...

— Я хочу сказать: скучно, неинтересно, даже, пожалуй, бессмысленно...

— Я не мог бы сказать это про себя.

— Вы не исключение, Хэл. Вы себя сверх меры за-

нимаете службой, вы возводите ее в некую святую обязанность, но что это дает и даст в результате?

— Служба и работа меня удовлетворяют, Сьюзен. Я знаю, что я делаю.

— Это вам кажется, Хэл. Уверяю вас.

Тут она заметила изумленное выражение лица лейтенанта, помолчала и заговорила совершенно спокойно, серьезно, с нотками укоризны.

— Вы привыкли вести разговоры со мной о хорошей погоде и скачках, Хэл. Вы — щенок, сэр. Женщина для вас куколка, игрушка, родильная машина, кухарка, горничная. Ваш идеал — Бэл. Она способна развлекать игрой модных романсов или патриотических песенок, делать назойливо ласковые глаза, мечтать о двух детях и о тихой старости у тлеющих, согревающих углей камина на той же Зеленой улице.

— Сьюзен, но...

— Обождите, Хэл. Я сегодня зла и хочу отвести душу. — Голос ее вдруг окреп. — Вы были так недогадливы и вежливы, что изъявили готовность доставить мне удовольствие. Теперь слушайте.

Миссис Бредфорд усмехнулась и выжидающе умолкла, а может быть, ей доставляло удовольствие созерцать растерянность Хэла.

— Мне обидно за вас Хэл, — продолжала миссис Бредфорд. — Способный, даже талантливый молодой человек, достаточно обеспеченный, и не видит ничего дальше собственного, правда, красивого, носа.

— Вам доставляет удовольствие издеваться надо мной, Сьюзен?

— Я говорю слова истины, Хэл. И вам это, конечно, неприятно. Мы все предпочитаем вежливость. Вам нужна другая жизнь, Хэл. А в такую жизнь Бэл вас не выведет.

— Вы, разумеется, будете любезны до конца, Сьюзен, и рекомендуете мне другую женщину?

— Представьте себе, да! Возьмите меня, Хэл.

— Сьюзен!.. Миссис Бредфорд... — офицер встал и, не находя слов, оборвал речь, которая должна была выразить возмущение.

— Как интересно высказывать интересные идеи,

Хэл! — торжествующе воскликнула миссис Бредфорд и вскочила. — А разве я плоха?! Я старше вас на пару лет и я смогу делать, что угодно, даже управлять королевским флотом.

— В самом деле... — смущенно пробормотал Хэл. — В самом деле... Я не нахожу слов... Только уважение к дяде, к вам...

Но руки зачем-то протянулись к ней и даже коснулись ее. В тот же момент она ударила его ребром ладони по запястью. Он невольно охнул и отшатнулся. Тогда Сьюзен приблизилась к нему и, поглаживая ушибленное место, заговорила с ласковой насмешкой:

— О, бедный рыцарь... Я должна вас предупредить, что мы с мужем несомненно можем быть девятой парой, которая имеет право есть свинину в Денмау. И я пока не собираюсь нарушать супружескую верность.[1] А вы — счастливый жених, обладатель самой прекрасной женщины, если не в Лондоне, то по крайней мере на Зеленой улице.

Лейтенант кусал губы... Что же следовало сделать с этой сумасшедшей? Тем не менее он послушался нежного прикосновения и снова погрузился в кресло. Сьюзен тоже села.

— Я хочу продолжить разговор. Но, между прочим, вам, Хэл, следует поскорее жениться. Я и то подозреваю, что моя Нэлли бывает у вас по ночам... Стоп! Полный назад!.. Мы с вами друзья. Будем же откровенны. Я хочу быть сегодня совершенно откровенной, но вы этого не хотите понять. Впрочем, как это типично для всех вас.

— Вы хотите сказать — для англичан? Но вам, американцам, никогда не понять нас. У вас нет прошлого, миссис...

— Сьюзен! Просто Сьюзен, Хэл! Зачем вы меня

---

[1] В XII—XIII веках существовал обычай, согласно которому человек, отправляясь в Денмау в Эссексе, мог получить право на окорок свинины, если, преклонив покорно колени на два камня у церковной двери мог присягнуть, что за двенадцать месяцев и один день он ни разу не имел домашней ссоры и не желал развестись. Предание насчитывает только восемь пар таких счастливцев.

обижаете? Я к вам отношусь попрежнему хорошо. И мне не хотелось бы ошибиться. Вы должны быть умным, Хэл.

Она говорила так убедительно, так хорошо смотрела, что нельзя было не остаться. Зажав пылающие щеки ладонями, он сидел в тот вечер в полутемной гостиной и слушал взволнованные высказывания необычайной тетушки. Сьюзен говорила о том, что война и связанная с ней жизнь кажутся чудовищной нелепицей, что она поражена слепотой и лицемерием людей, которые обманывают себя и друг друга, промогласно вопя о каких-то идеалах, о патриотизме, о святом праве защищать родину. Миссис Бредфорд поведала, что за последние недели она специально искала людей в самых разнообразных слоях общества, которые могли бы дать ей путеводную нить.

— Но поиски были тщетны, — с грустью заключила Сьюзен. — Или, вернее, почти тщетны. На одном из рабочих собраний я видела и слышала лишь одного человека, который осмелился говорить почти мои мысли о ненужности войны. Во всяком случае для них. В известной степени он прав. Бесконечные жертвы.

Хенри стало неприятно. Положительно, тетушка забывала, к какому дому она принадлежала.

— Вы серьезно утверждаете это, Сьюзен? — Он даже не смог сдержать дрожь в голосе, так ему не хотелось разочаровываться. — Я не могу допустить такую мысль...

— Тише, Хэл. Нелли в соседней комнате и может слышать. Тише! Садитесь, я вам говорю!

Хенри сел, но возмущение продолжало сжимать горло. Голос хрипел. Слова выдавливались тяжело и сбивчиво.

— Вы забываете... Боб Кери... Еще другие... Мы тоже отдаем... Посмотрите... Если есть глаза... Сэр Эдгар... Отец отдал сына... Боба... Если мы приносим жертвы... Разве мы позволим говорить?.. Если бы я услышал... У меня есть пистолет, Сьюзен, и меня бы оправдали...

Он замолчал и вдруг повторил совершенно твердо и спокойно:

— Дело зашло слишком далеко, Сьюзен, и мы не позволим вмешиваться в нашу игру.

— А я имею возможность закрывать глаза и закрываю. Я презираю себя за это, Хэл! — Миссис Бредфорд действительно закрыла глаза и молчала так долго, что собеседник даже стал подозревать, не заснула ли она, но это опять был маневр. Тетушка вернула себе прежнее самообладание и заговорила о своем желании заняться научной деятельностью.

— Вы знаете, Хэл, представляется отличный случай. В Лондон приехал ваш дальний родственник доктор Грэй.

— Грэй? Мистер Грэй?.. Он или его отец был знаком с дедом? Я слышал это имя.

— Его отец. Но он сам тоже был в Индии. Знаток востока. Историк. Археолог. Я встретила его случайно, мы с леди Кэмерн были на его лекции. Она увлекается пророчествами вавилонян и египтян. Это преинтересный человек, Хэл.

— Ну, разумеется, вы должны заняться с ним, если он предлагает. Это развлечет вас.

Хенри в самом деле почувствовал необычайную радость. Научные занятия были бы куда лучше и во всяком случае приличнее анархистских бредней. Бедная тетушка! Вот что значит подолгу оставаться без мужа. Напрасно она корила его Нэлли! — Впрочем, эти задорные мысли он оставлял про себя. Перед тем же как разойтись по своим спальням, они деловито обсудили, целесообразно ли устроить прием доктору Грэй у них в доме.

— Вы будете представлять семью Бредфордов, Хэл, лучше, чем я, — убеждала Сьюзен. — Освободитесь от службы на вечер. Бэл вас простит. Я вымолю для вас прощение. Ведь это же человек, который проводил в могилу вашего деда.

Имя деда было тяжелой гирей. Лейтенант обещал, и они разошлись, снова довольные друг другом.

Все-таки эта женщина была хороша. Даже очень хороша. Но напрасно она стремилась уничтожить свет-

лую Бэл. В Бэл много мыслей, много содержания. Она умеет красиво мечтать и знает, для чего живет.

...Не восходит луна, не навеяв мне сна
О прекрасной Энабэл-Ли;
И не светлые звезды я вижу вдали
А глаза моей Энабэл-Ли...

Он уснул под рифмы любимых стихов.

12

Через пару дней после необычного разговора с тетушкой Сьюзен дела сложились, как нарочно, так, что к семи Хэл Бредфорд оказался свободен. Все-таки чувство к Бэл потребовало своего. Непосредственно из адмиралтейства лейтенант вызвал дом Кери. Он звонил, преодолевая неловкость. Почему-то не хотелось объяснять свои намерения и вместе с тем казалось неудобным не сообщить. Когда к телефону подошла прислуга Молли и сообщила, что решительно никого дома нет, что мисс Кери уехала с матерью в клуб, где они работают по устройству лазарета, но что все будут... лейтенант перебил ее обещанием позвонить еще раз и бросил трубку. Затем он быстро оделся и вышел на подъезд. Охваченный рассеянностью, остановился. Забылся настолько, что хотел закурить, но коснувшись пуговицы пальто, вспомнил, что в форме. Почувствовал, что сердце билось быстро. Так бывало в дни детства, когда он убегал потихоньку от гувернантки за запретную черту в большом парке. Точно так же, как и в те дни, уже затянутые мглой времени, Хэл отлянулся направо, налево и приподнял лицо вверх, измеряя взглядом глубину неба. Но оно было черно, с неясным отсветом. Облака, смешанные с дымом, ползли по шпилям и гребням крыш и, казалось, были готовы заполнить собою улицы. Нос, щеки и подбородок ощутили прохладную слизь осеннего тумана. Но это не умерило волнения. Сердце билось стремительно. Молодость настойчиво стучала и требовала, чтобы ей дали выход. Лейтенант Хенри Бредфорд прямо под аркой адмиралтейства с молниеносной быстротой

превращался в просто черноглазого мальчика Хэла, который убежал из-под назойливого взора мисс Пэйнтер.

Все-таки давние внушения строгой воспитательницы сказались и тут. Лейтенант посмотрел под ноги и удостоверился, что дождь не шел и можно было без особых неприятностей сделать прогулку пешком. Он двинулся в направлении Трафальгарской площади, а оттуда избрал путь среди смутных теней переулков, ведших через Лонг-Акр к Британскому музею.

Молодой человек шел не торопясь, нарочно выбирая малолюдные улицы и перекрестки. Ему вдруг захотелось до конца почувствовать себя беззаботным, смелым Хэлом, затейником веселых игр, который умел без отдыха резвиться, потом становиться тихим мечтателем, способным созерцать угасание вечерних лучей на золотистых кромках облаков, призрачное колебание дымки тумана на морском горизонте или фантастический полет чудовищ-туч во время бури.

Прощайте! Меркнет берег мой
За водной синевой.
Вздох ветра, рокот бурунов
И дикой чайки зов.
Садится солнце над волной,
Наш путь — за солнцем вслед.
И солнцу и земле родной
До встречи — мой привет!

Невозвратные дни смутных порывов, когда Хэл был готов на все. Если рассказать о них Сьюзен, она поднимет его насмех. Только Бэл могла выслушать и понять по-настоящему. Настоящая девушка, Энабэл-Ли. В те далекие дни, она маленькой, нежной, гладкой, как атлас, рукой отвечала на рукопожатие, а он боялся признаться самому себе в том, что ему хотелось чаще бывать в гостях у Рэфа, брата Бэл.

И все-таки сегодня он был рад не видеть своей невесты, о которой столько думал. Все-таки шел, чтобы снова побыть рядом с другой, от которой не ждал ничего, кроме насмешки и сарказма.

Хэл прислушался. Впереди, в другом конце переулка, кто-то отбивал четкий шаг. Должно быть, сапоги прохожего были на очень твердых подошвах или на гвоз-

дях. Человек щелкал ими по каменным плитам совсем в такт шагам Хэла. Казалось, невидимый незнакомец идет туда же, куда и он, и тоже думает о том, как неумолимо, бесповоротно уходят дни, месяцы, годы. В раннем детстве, когда еще был жив отец, они ехали раз по длинной дороге, должно быть, это было весною. Конечно, весной, и не здесь, а в «конце страны», в Корнуэлле. Кругом раскинулись поля цветов. Люди, согнувшись, собирали желтые нарциссы. Отец, добрый отец обнял его плечи и рассказывал, как хороша и богата их страна. Дорога убегала назад и снова открывалась впереди. Она вела по холмам, то взбираясь на склоны, покрытые желто-зелеными коврами, то падая в ложбины, где прятались от океанского ветра приземистые коттэджи. Не было видно, куда выводил этот путь, возникавший среди цветущей весны. Может быть, за ближайшим зеленым гребнем лежало сверкающее море, а может быть, черный лес, переживший предков. И это было захватывающе интересно. Тогда ему было грустно, что экипаж катился слишком быстро. Жаль было картинных ландшафтов, скрывавшихся позади, и хотелось, чтобы путь продолжался без конца. Хотелось вечно чувствовать крепкую заботливую руку отца. Это было так давно... Теперь туман лизал лицо мокрым, липким языком, и холодок пробирался под платье. Все-таки Хэл, отстукивая четкий шаг, радовался тому, что путь еще не окончен. Разумеется, он еще молод и не разучился быть молодым. Бэл поймет, и вместе они пойдут дальше, чтобы увидеть, куда же в конце концов доведет дорога в этой лучшей в мире стране. И не потому ли так желчна Сьюзен, что это не ее страна, что она не знает, как можно наполнить смыслом свое существование? Нет, жизнь хороша, тысячу раз хороша и будет еще лучше, когда страна и весь народ с ней перешагнет через жестокое испытание войны... Внезапно Хэл задержал ход. Шаги человека перестали быть слышными. Ритм движения и мысли сразу нарушился. Что это за место? Дома тесно обступали его; было мало света фонарей и окон, чтобы разогнать тьму, скопившуюся между стен. Над гребнями крыш мелькнул бледный луч. Прожектор ощупал набухшее сыростью небо. В светлой

полосе на мгновение стали видны тяжелые клубы, плывшие над городом. Луч задержался, качнулся и вдруг быстро исчез. Засмотревшийся наверх лейтенант споткнулся и чуть не упал.

— Чорт возьми! — вырвалось у него, и тут он заметил прислонившегося к стене мужчину. Должно быть, это был тот, кто так бодро шел впереди. Хэл бросил быстрый взгляд и увидел подозрительную фигуру, для которой был бы более подходящим местом «Длинный Берег», [1] а не центр города. Человеку в легком, коротком пальто несомненно было холодно. Или, может быть, у него просто озябли руки, так как он старательно засовывал пальцы в короткие рукава. Из-под шляпы обнаруживалось узкое бородатое лицо, выражение которого нельзя было счесть ни радостным, ни приветливым. Бредфорд хотел пройти мимо, но мужчина остановил его вполне вежливым обращением:

— Сэр, я, кажется, заблудился у вас тут, в Лондоне... Извините, пожалуйста, сэр... — Посмотрел на офицерские нашивки и смутился.

— Что вы хотите? — Было неприятно видеть длинный сморщенный нос, на самом кончике которого дрожала капля. Еще неприятнее было слышать хриплый, сдавленный голос.

— Я приехал к сыну, сэр... Сегодня не успел... Мне надо переночевать, сэр. Полисмен сказал мне...

— Это не здесь. Вы забрели слишком влево.

— Благодарю вас, сэр. Там, говорят, можно дешево переночевать... Но вы офицер, сэр. Вы, вероятно, скажете, где госпиталь, куда привезли моего Боба...

Лейтенант поднял и задержал взгляд. Капля продолжала дрожать на кончике носа. Глаза слезились, но старик старался стоять почтительно, даже навытяжку, спустив руки.

— У вас есть телеграмма?

— Да, да, сэр... Он заторопился, расстегивая рваные петли и вытаскивая совсем измятый конверт. — Да, вот она... Госпиталь называется как-то длинно... Ми-

---

[1] Кварталы к востоку от Сити, в которых расположены доки.

стер Стивнс у нас там сказал: поезжайте, там знают. Но я сегодня опоздал.

«... Все хорошо, ногу отняли отлично. Лежу в госпитале королевы Мэри, приезжайте. Боб».

— Ваш сын — герой, — сказал многозначительно лейтенант. — Он теперь скоро поправится и будет молодцом.

— Совсем, как я... — криво усмехнулся старик и выставил вперед деревяжку, которая заменяла ему левую ногу. Деревяжка была прикрыта штаниной и в темноте казалась настоящей ногой. Хэл понял, почему так звонко шагал неизвестный путник, — конец деревяжки был подбит железом. Теперь он заметил прислоненную к стене толстую палку, служившую добавочной опорой, и узелок, лежавший на земле.

— Какое несчастье, — пробормотал лейтенант.

— Еще бы, — вдруг рассердился старик. — Я говорю ему: дубовая голова, какое нам дело до всего этого?! Только бы прожить!.. Я ногу оставил под вагонеткой, а он неизвестно где. Что же нам делать, сэр?

Теперь человек смотрел с ненавистью. Глаза горели. Нос был сух. Руки тянулись, раскрыв пальцы, словно желая кого-то схватить. Офицер торопливо сунул ему телеграмму.

— Идите вслед за мной до перекрестка пяти улиц. Там есть полисмен. Я скажу ему, чтобы он вас отправил на ночлег, и заплачу за дорогу. Идите! А госпиталь — во дворце Александры. Запомните: во дворце Александры! Олдуич. Завтра вы найдете своего сына. Прощайте!

Все-таки какой неприятный был вечер. Правда, дождя не было, но и Лондон, и всю страну, и, вероятно, все море окутывал липкий туман. Вахтенные на палубах и мостиках кораблей чертыхались, покрепче кутаясь в бушлаты и непромокаемые плащи, проклиная дьявола и подводные лодки, мечтая поскорее залечь на ночь в тепле отсеков. Лейтенант спешил домой, — конечно, было бы приятно согреть ноги и руки под жарким потоком, изливающимся из камина. Сьюзен, наверное, уже сердилась, что он не сдержал своего слова.

Впереди блеснули огни перекрестка. Сразу же стало шумно. Жизнь города катилась бесконечным, неостанав-

ливающимся потоком, и рослый полисмен величественно управлял им. Раздраженный стук подкованной железным наконечником ноги пропал за углом. Экскурсия в молодость окончилась.

Хенри Бредфорд вошел в гостиную тогда, когда доктор Грэй уже повествовал звучным приятным баритоном о трудности путешествия из Азии в Европу.

Первое слово, которое услышал лейтенант, было «Эдмен».[1] В голосе гостя Хэл почувствовал нотки уважения к этому имени, и они отозвались в груди чувством раздражения: значит, сейчас должны были начаться расспросы, выражение соболезнования доблестным королевским морякам, которые надрывают свои силы ради того, чтобы навести порядок во всем мире. Кроме того, эта обывательская болтовня, разговоры профанов, нахватавшихся умных слов! А хороша же была Сьюзен! Тетушка сидела на своем излюбленном месте и одобрительно покачивала головой, не возражая на слова. Следовательно, она могла и умела соглашаться.

— Я могу вас уверить, мистер Грэй, — если не ошибаюсь, то вижу, именно вас, — я могу вас уверить, что слухи о новом появлении корсара не отвечают действительности. Есть основание предполагать, что «Эмден» прекратил свою деятельность, окруженный шестнадцатью союзными крейсерами и лишенный угля. Я рад приветствовать вас в доме моего дяди, наследника того Бредфорда, которого вы знали, когда-то в Индии.

Лейтенант говорил как можно вежливее, но доктор все-таки заволновался:

— Мистер Бредфорд, Хенри Бредфорд... Вот он каков!.. На карточке, которую я видел, вы еще в коротеньких штанишках... Извините меня за то, что я позволил себе рассуждения на тяжелые темы. Но такие дни. Вся Англия, все доминионы переживают. Сердца бьются в унисон.

Доктор был пожилым человеком (в шевелюре и в испанской бородке, которые были совершенно ровного черного цвета, виднелись отдельные серебристые во-

[1] Германский легкий крейсер, прославившийся искусными боевыми действиями в Индийском океане в первые месяцы мировой войны.

люсы); кроме того, он обладал правом называться другом деда. Поэтому рукопожатие затянулось более, чем допускалось в гостиной Бредфордов. Ради искренней радости, которая сияла в карих искристых глазах, следовало прощать провинциальные неловкости. А миссис Бредфорд, явно желая внести успокоение, набросилась с упреками на племянника:

— Разве можно быть столь невежливым и опаздывать?! Мистер Грэй столько лет не видел Англии и всю жизнь мечтал навестить наш дом.

Доктор любовно покачивал головой, показывая среди черноты усов и бороды отличные белые зубы, извинялся и благодарил:

— Я понимаю: мистер Хенри Бредфорд занимает столь важный пост!

Хэл невольно сбавил парусов. Так как извинение и разного рода успокоительные восклицания и замечания продолжались, он перевел речь на Индию и попросил гостя рассказать что-нибудь о старом Бредфорде, плантаторе. Через час стало совершенно ясно, насколько приятным и остроумным собеседником являлся доктор. На каждое замечание Сьюзен у него находилось меткое словечко, и от этого беседа приобрела самый милый, непринужденный характер.

— Вы блестящий рассказчик, — сказал Хэл. — Вы сумели развеселить мою угрюмую тетушку, это равносильно тому, чтобы покорить ее сердце.

Доктор Грэй немедленно откланялся и возразил:

— Я не берусь за сердца. С меня довольно моей милой Джюлии, которая ожидает меня в Бомбее, но моя специальность — мозг.

— Не хотите ли вы сказать, что вы занимаетесь гипнотизмом? В таком случае не тратьте энергии напрасно. Я не поддаюсь гипнозу. — Миссис Бредфорд небрежно заиграла золотой цепочкой от часов и лукаво посмотрела на гостя. Чорт возьми, неужели она собиралась интриговать этого плантатора? Однако доктор ответил совершенно спокойно и серьезно.

— Я занимаюсь психологией. Я изучаю мышление людей в период дня и ночи, бодрствования и сна. Это изумительная наука, миссис Бредфорд. Уверяю вас.

Впрочем, вы слышали мою лекцию в клубе. Зачем же вы спрашиваете?

Доктор вдруг схватился за часы.

— Скоро девять, — подсказал Хэл. — Но не нуждаетесь ли вы в отдыхе? Где вы остановились?

К счастию, доктор был обеспечен всем. Иначе его самонадеянная физиономия могла надоесть.

— Конечно, мы еще увидим вас?

Доктор пятился к двери, натыкаясь на пуфы и кресла, прижимая обе ладони к груди, низко опуская голову. Очевидно, он набрался восточных привычек и не стеснялся применять их в метрополии. Напоследок он выразил уверенность, что семейство Бредфордов почтит своим присутствием его лекции. Он рад услышать авторитетную критику и получить свежий материал.

— Война производит на людей потрясающее впечатление, — пояснил он в заключение со значительным видом. — Исключительно потрясающее. — Забывая, что он задерживает хозяев, доктор стал с воодушевлением распространяться о цели своего путешествия. — Цепь удач и неудач. Победы и жертвы. Поразительно то, что действие на психологию одинаково во всех странах одной воюющей стороны и иное — у народов другой коалиции... Только бой часов заставил его закрыть рот. Он еще в последний раз излил поток извинений и, наконец, исчез. В гостиной наступила тишина, похожая на ту, которая бывает на корабле после того, как отгремят последние залпы.

— Отбой! — сказал удовлетворенно Хэл. — Орудия на место! В палубах прибраться!

— Вы мальчишка, Хэл. Что случилось с вами сегодня?

— Я хотел видеть вас, а не его. Кроме того, мне не нравится его развязность.

Они стояли друг против друга, и азиатский божок поглядывал на них так же любезно, как доктор Грэй.

— Он мне неприятен, — добавил лейтенант, дерзко в упор смотря на миссис Бредфорд, — я не выношу азиатов, а он настоящий азиат в доме белого. Более чем уверен, что у него мать или бабушка — туземка. Я пред-

почел бы, чтобы этот «друг» нашего дома поменьше мотал здесь своей бородой.

— О, вы берете на себя слишком много, сэр!

Сьюзен почти зашипела. Ее указательные пальцы быстро втугую наматывали на себя тонкую блестящую цепочку и снова отпускали. Она еще раз повторила ту же фразу и уставилась в лицо племянника вызывающим взглядом. Из-под прищуренных век глядели одновременно и злость и насмешка. Лейтенант промолчал. Тогда Сьюзен перешла в наступление.

— Извините, мистер Бредфорд, меня ждет леди Кэмерн, и я вас вынуждена оставить.

Она не стала разглядывать выражения лица Хэла. Мальчишку следовало наказать. Даже не кивнув головой, уверенной поступью, выработанной специально для великосветских гостиных, Сьюзен ушла, кинув как бы вскользь презрительное замечание:

— Еще недоставало, чтобы мне кто-нибудь диктовал свои вкусы и желания.

Но и без того противник потерпел поражение.

«Сьюзен, Сью!» — хотел крикнуть Хэл, но самолюбие взяло верх.

Когда лейтенант пришел в себя, то заметил, что стоит перед трюмо, трогая кончиками пальцев собственные виски и прижимая ладони к красным, горячим щекам. В висках четко ощущалось биение крови, настолько сильное, что, казалось, был слышен стук.

Разумеется, миссис Бредфорд поступила по-своему. В тот же вечер она еще раз встретилась с племянником за чайным столом и с любезной улыбкой сообщила, что они с леди Кэмерн решили организовать для узкого круга любителей несколько лекций доктора Грэя, и что доктор Грэй сразу же по телефону и очень мило дал свое согласие. Она метала хитроватые взгляды из-под полуопущенных ресниц, но Хэл уже взял себя в руки и вполне учтиво одобрил ее затею, явно демонстрируя, что его больше интересует качество горчицы, чем досужие развлечения уважаемых леди. Тогда лицо Сьюзен выразило полное удовлетворение и даже радость:

— Ах, дорогой Хэл! Я все-таки не ошиблась в вас. Я имела смелость предложить собираться у нас. Мы

решили, что доктор Грэй — близкий друг нашего семейства, и так будет удобнее всего.

Но лейтенант был во всеоружии. Признаться, Хэл рассчитывал на худшую ситуацию.

— Горчица все-таки слишком сладка... Вы — хозяйка дома, Сьюзен, и не мне перечить вам. Но о чем он читает?

— Тема лекций «Сновидение и жизнь».

— Какая чепуха!

— Возможно, но остроумная чепуха.

— Вы верите снам?

— Ничуть. Но психологией заняться стоит. Мистер Грэй немного самоуверен, но от этого можно отучить. Это даже будет весело. Он остроумен и необидчив.

Бредфорд с удовольствием констатировал, что в словах тетушки больше не было пристрастного тона. В конце концов было бы в высшей степени неприятно, если бы до сих пор устойчивая тишина дома Бредфордов была нарушена. Хэл вдруг почувствовал себя на целую голову выше этих дам, которые то прятали в чулки молотки и шли бить стекла в витринах, то искали разрешения вопросов жизни в сновидениях. Он сделал глоток чая, обжегся, приложил салфетку к губам и тогда продолжил разговор:

— Очевидно, я все-таки неуч, так как мне совсем непонятно, как можно лекциями о сновидениях помогать тем целям всеобщего блага, которые преследует вся Англия, ведя войну.

Хэл немного не рассчитал. В костре еще тлели угли; достаточно было одной сухой веточки, чтобы пламя вспыхнуло снова. Миссис Бредфорд раздавила сахар в чашке и сощурила глаза.

— А почему вы думаете, Хэл, что это благо всеобщее? Хотели бы вы быть там, в траншеях на Изере или Эн или не знаю, где еще? Говорят, в морских бригадах, защищающих Антверпен, не осталось и шести тысяч. А сколько уцелело на крейсере «Хоут»? — Сьюзен знала, как надо забивать мяч. Едва уловимая тень пробежала по лицу собеседника. Гибель крейсера «Хоут» было как бы предположением ужасной эпопеи с кораблями 7-й эскадры.

На этот раз шесть крейсеров 10-й эскадры несли дозор на позиции между мысами Питерхед и Нэйз. Словно для полной аналогии, адмирал ушел на одном из них грузить уголь. В 1 час 20 минут замещавший его командир на крейсере «Эдгар» получил от крейсера «Тезей» радио: «Атакован подводными лодками!»

— Отряду дать полный ход, курс норд-вест.

Ответили все, за исключением «Хоуг». Корабли, находившиеся в этом районе, устремились прочь на север, а на поиски «Хоуга» вышел лидер «Быстрый». Поблизости от предполагаемого места крейсера лидер увидел перископ подводной лодки, а потом наткнулся на плот, на котором дрожали от холода мокрые, но еще не потерявшие надежды на спасение люди, всего двадцать и один офицер. Еще одна шлюпка была подобрана норвежским пароходом. Там находилось три офицера и сорок шесть «людей».

«Секретарь адмиралтейства с сожалением сообщает, что остальные должны были быть сочтены погибшими»! Так, кажется, пишется, Хэл? — миссис Бредфорд рассмеялась тихо, но зло.

— У нас дела не так плохи, — с досадой возразил Хэл. — «Бесстрашный» с миноносцами только вчера уничтожил четыре германских.

— Какое геройство! Пять против четырех!

— Дело не в этом, а в том, что господство все-таки за нами! А на фланге мы скоро покажем себя бразильскими мониторами. Боюсь, что этому доктору не придется долго заниматься психологией.

Слова «нами», «мы» и «не придется» лейтенант произнес с ударением. В конце концов эта женщина слишком много думала о себе и слишком мало о тех, кто работал и защищал ее.

— Бразильские мониторы? Разве Бразилия наш союзник?

— Эти корабли с тяжелой артиллерией специальной конструкции были рассчитаны на мелководье на реках или у морского побережья. На наших заводах строили три штуки для Бразилии, но по случаю войны они оставлены у нас.

Но миссис Бредфорд, повидимому, окончательно ра-

зозлил небрежный тон лейтенанта. Она снова вернулась к начальной теме:

— Ну, бог с ними, с нашими бразильцами. Вы не ответили мне на вопрос о благе, которое хочет кто-то принести войной...

Положение спасла Нэлли, — девушке зачем-то понадобилось войти в столовую. Сьюзен отвлеклась от мысли, а потом, когда Нэлли ушла, впала в задумчивость и спросила:

— Когда ваша свадьба, Хэл? Почему вы так затягиваете? Вы можете одеревянеть до тех пор. Бедная Бэл!..

Лейтенант снова обжегся чаем. Этой тетушке следовало бы служить в Скотланд-Ярде.[1] Она славно угадывала мысли.

— Перестаньте смеяться, Сьюзен. Вы же отлично знаете, что свадьба отложена до конца войны.

— О! Добрая надежда, добрая надежда. Вы полны доброй надеждой, Хэл. Вы моложе меня душой.

Они снова сидели друг против друга точно так же, как и месяц и год тому назад. Родственники и чужие, друзья и недруги, привыкшие и надоевшие, бесцельно созерцая отблеск света люстры на крышке горчичницы. Это была нейтральная точка, на которой всегда сосредоточивались чем-либо обеспокоенные взгляды членов семейства Бредфордов.

13

Красное дерево цвело белыми с ярко красной сердцевиной цветочками. Кудрявилось перечное дерево, похожее на плакучую иву, которая росла у пруда в маленьком парке по дороге из Блайса в Бедлингтон.

Пробковый дуб раскинул развесистые ветви. Кругом этой ячейки тропического мира стояли бедные, как будто запыленные эвкалипты, скупые на тень, про которые рассказывали, что они растут, как сорная трава, в степях, покрывавших страну.

«Прощайте, прощайте, вы, испанские лэди!» — буб-

[1] Центральное управление полиции, где, в частности, сосредоточены все дела политической полиции.

нил под нос толстый Уилл. — Помяните мое слово, Чарли, больше мы не увидим цветочков, пока не обойдем Огненную землю. Ставлю десять против одного, что завтра мы уйдем из этого гнездышка... Туда...

Он махнул в сторону горы Видес, за которую быстро спускалось солнце, и качнулся.

— Благодарю вас, Чарли... это я оступился... Хотел бы я знать, почему ее так называют?

— Кого? — спросил Лидс.

— Огненную землю. Говорят, там холодно, как в Исландии... Глупое название.

Они еще раз посмотрели на корявые красные деревья и пошли в порт, торопясь к последней шлюпке, беседуя на самую мирную тему о том, как трудно из таких корявых и крепких деревьев выделывать доски и разную мебель. Но это была маскировка. Оба думали и обоим хотелось поговорить о другом. Город был прекрасен и счастлив в своей жизни на большой улице, по которой они проходили. Женщины и мужчины были вежливы, красивы, разговорчивы. Люди, повидимому, не думали здесь о войне и чувствовали ее только по скоплению пароходов, которые боялись высунуть нос в океан. Глядя на этот уцелевший за океаном кусочек спокойной жизни, нашим друзьям еще лишний раз захотелось, чтобы капитан объявил вдруг радостную весть о том, что крейсера идут домой.

Однако толстый Уилл оказался прав. Под покровом темноты корабли снялись с якорей. Маяк на горе, которая дала имя порту, в последний раз показал свой огонь справа по борту. Эскадра пошла на юг. Океан стал зеленым. Длинные волны катились, должно быть, от самого южного полюса и были так велики, что корабли, прячась между ними, видели друг у друга только стеньги и клубы дыма. Волны взбегали плавно. Буря свирепствовала где-то дальше. Туда к ней были приложены курсы.

Вскоре Уиллу привалило счастье узнать, почему Огненную землю называли таким жгучим именем.

...14 сентября германским крейсером «Эмден» в Бенгальском заливе захвачено два британских парохода...

... 20 сентября Занзибар подвергнулся набегу германского крейсера «Кенигсберг». После получасового боя затонул английский крейсер «Пегас». На берегу разрушена радиостанция...

Таковы были последние новости, полученные в Монтевидео. Капитан «Доброй Надежды» выражал нетерпение разнести своими залпами первого попавшегося «разбойника». Капитан «Монмеса» меланхолично насвистывал непонятную песенку. Капитан «Глэзгоу» скрипел зубами, выдавливая из глотки нехорошие слова. Адмирал мог утешать себя только тем, что не он один бьет туфлей по пустому месту. Но утешение было очень плохим. Тем более, что здесь, у берегов Америки, мухи не оставляли следов. Так называемые «люди» вообще не искали ни утешения, ни оправдания, но терпеливо несли службу и ежедневно по команде вертели незаряженные пушки и щелкали спусковыми механизмами сиявших, надраенных замков.

25 сентября встретился пароход «Ортэга», который вез французских запасных из Чили. Капитан парохода рассказал, как спасся от внезапного огня неизвестного крейсера. Разговор капитана с адмиралом происходил при помощи мегафонов. Чарли Лидс дежурил по артиллерии и в то время обходил батарей на верхней палубе. Ветер нес слова с мостика и со стороны застопорившего машины парохода.

— Крейсер трехтрубный...

Было странно слышать человеческий голос в водной пустыни, где до сих пор кричали только морские птицы.

— Один?.. — вопрошал мощный голос с мостика.

— Пароход... Угольщик.

Корабли по очереди то поднимались, то опускались. Казалось, разговор происходит на гигантских качелях. Матросы, свободные от службы, собирались наверху, вглядываясь в контуры, в цвета парохода, стараясь рассмотреть человеческие лица, понять, о чем идет речь. Остановка в открытом море тревожит моряка. Сквозь люки доносится перезвон телеграфа. Вдруг методическое содрогание корпуса прекращается, умолкают мерные стуки механизмов. Шум воды за бортом преры-

вается ясными всплесками волн. Тревога и подозрение закрадываются в мысли:

— Что случилось? Берег? Туман?

Адмирал вел эскадру в неведомые края. Мало ли что могло быть! Но в этот раз все шло своим чередом, и энергичный сэр Кристофер Крэйдок уверенно устремил свой бег дальше, как бы угадывая никчемное желание толстого Уилла распознать берега Огненной земли.

Лидс собирался спуститься вниз, когда увидел командующего эскадрой. Адмирал шел в сопровождении двух офицеров штаба. Один из них нес в руках сверток карт, другой — розовый листок бумаги. Они ловко балансировали, расставляя ноги, и спешили. Лидс уперся спиной в стенку надстройки, и, хотя усилия его были направлены на то, чтобы сохранить правильную стойку в положении «смирно», он успел заметить утомленное лицо адмирала, обрамленное сильно побелевшей бородой, и прежние, подмеченные еще в Хэлифекс, живые глаза под козырьком лихо сидевшей фуражки.

«Хорошие вести», — подумал Лидс.

В самом деле, следы нашлись. Дня через три после разговоров с «Ортэга» встретился еще один пароход, который передал по радио о встрече с неизвестным крейсером, отличительным признаком которого опять-таки были три трубы. Когда на видимости эскадры появились очертания берегов, отмеченных желтою россыпью патагонских песков, радиотелеграфный петти-офицер Уотс сообщил по секрету, что станция последние шесть часов все время принимает переговоры германских пароходов с крейсером. Телеграммы были шифрованные, и суть переговоров оставалась в тайне, но не значило ли это, что погоня приходила к концу?

— Безусловно, — авторитетно заявил важный Уотс, рисуясь своей центральною ролью единственного сведущего человека. — Я был с адмиралом на востоке и знаю, что значит, когда ему поручают дело. Дураки-китайцы до сих пор, надо полагать, помнят.

— Мы успели бы вернуться к Рождеству, — радостно поддержал Чарли. — А то, признаться, после первой мобилизации я не успел как следует поцеловать мою Шарлот. Вот только, как дела у других там, в Бельгии.

— Дела не заставят ждать. Германия и Австрия — одни против целого света.

Вероятно, и на мостике и в салоне адмирала разговоры звучали бодростью и надеждой. Пока главными действующими лицами были штурмана. Не пора ли было занять подобающее место и артиллеристам?

Преодолевая бешеное течение, сопровождаемые гигантами-альбатросами, корабли встали на якорь в маленьком Пунта-Арена. Завидев на фок-мачте флаг, с берега уже спешил на катере консул. За ним собиралась дюжина шлюпок поставщиков. Однако в порту было скучно. Пара пустых пароходов и старый чилийский крейсер не оживляли бухты, а, наоборот, подчеркивали пустоту. Отнесенный ветром грохот салютных выстрелов, которыми встретил чилийский адмирал старшего коллегу, прозвучал невнушительно. А приехавший консул был совсем непредставителен, в каком-то неуклюжем рыжем пальто. Как обыкновенно бывает в таких забытых уголках, которые становятся известными только благодаря военным событиям, цвет консульского носа свидетельствовал об определенном пристрастии его обладателя.

Доставленные новости были туманны, больше нервируя, нежели разъясняя. И погода была подстать общей безрадостной картине: прояснило, но ветер насвистывал в такелаже унылый мотив. Вдали на юге и на западе поднимались горы, как бы отгораживая этот закинутый на край света маленький порт-убежище для измученных океаном бродяг-моряков.

Люди рассчитывали отдохнуть... Было бы здорово приятно ступить ногами не по железу, а по песку, по земле, но, толкаемый нервирующими слухами, адмирал был неутомим. Когда погасли последние лучи во мгле за отдаленными горами, когда темная, как могила, ночь похоронила безлюдные берега Магелланова пролива, три крейсера снялись снова с якоря.

— Задраить люки и иллюминаторы.

Дежурные, дневальные вахтенные обходили палубы и следили, чтобы случайный луч света не выдал тайны похода.

— Неужели?

Старый комендор Чарли Лидс осторожно вышел на

полубак. Было совершенно темно. Даже плеск волн был тих. Но свистел ветер и бросал в лицо не то дождь, не то снег. Задних мателотов вовсе не было видно. Корабли шли медленно, осторожно. Посмотрел наверх — облака летели разорванные, полет их обнаруживался по мерцанию временами открывавшихся звезд. На ходовом мостике скорее угадывались, нежели виднелись люди. Иногда долетали голоса. Флагманский штурман подсказывал слова команды командиру. Адмирал вел эскадру по неизведанному проливу, куда мореплаватели не заходили, вероятно, около сотни лет. Это мог сделать только лихой, смелый сэр Кристофер Крэйдок.

Снова налетел снежный шквал. Лидс ушел вниз и прилег в ожидании сигнала тревоги. Ночь шла медленно; без конца думалось о доме.

И сигнал протремел... Лидс прибежал в свой каземат. Когда люди были пересчитаны, доложил мидшипмену. Потом протрещали звонки артиллерийских сигналов. Петти-офисер приготовился подбадривать медлительных (ведь это была первая настоящая боевая тревога, и люди действовали явно с напряжением), но орудие развернулось правильно, чуть приподняв хобот. Лидс посмотрел в амбразуру. В рассветных сумерках громоздились высокие, черные берега. Небо было темносерым.

— Огненная земля, — сказал глухо мидшипмен.

— Это похоже на Мертвую землю, — сказал кто-то.

— Молчать! — крикнул мидшипмен.

Замолчали. Жались от холода. Напряженно ждали. Лица были озабоченные, внимательные, но никто не представлял себе, в чем дело, чем вызван секретный ночной поход.

Крейсера вошли в уединенный залив с трех сторон. Враг не должен был убежать. Смелый, энергичный сэр Кристофер Крэйдок приготовил хитрую ловушку. Если «Карлсруэ» в свое время удалось выскочить из окружения благодаря простому случаю, то здесь были приняты все меры, чтобы такой случай не повторился. Еще пять минут, и тайна Оранжевой бухты должна быть раскрыта.

Проклятый консул... Ни одного корабля. Даже не было пароходов. Не было никаких следов.

Люди медленно расходились с боевых постов. Пушки крепили снова по-походному. У мыса Горы ревел снежный шторм. Тучи неожиданно открыли солнце. Оно озарило сумрачные скалы земли. Его стремительные лучи ударили в кристаллический покров ледника, в снеговую крышу горы, и внезапно снег и лед заиграли бриллиантами, вспыхнули пламенем, отразив поток света утренней зари. Действительно, земля стала Огненной. Толстый Уилл и другие, которые вышли на палубу отдышаться после тревоги, безмолвно созерцали этот необычайный красный блеск.

— В самом деле здесь жилище дьявола, — пробормотал Толчер.

— Лучше было бы его и не смотреть — добавил мрачный бас сзади.

Кто-то вспомнил про Летучего Голландца, который до сих пор не может обогнуть страшную землю. А крейсера уже уходили снова в океан. Их машины работали исправно, и адмирал не верил в Летучего Голландца. — Проклятый консул. Проклятые немцы. Кто из них водил за нос? — Адмирал с серым лицом, с растрепанной бородой, кутаясь в непромокаемый плащ, снова быстро шел с мостика, на ют, а за ним поспешал флагманский штурман со свертком карт и радиотелеграфный офицер со свежими листками перехваченных радиотелеграмм.

Крейсера эскадры сэра Кристофера Крэйдока еще несколько раз имели возможность наблюдать жуткие берега островов Огненной земли. Враг был близко. Правда, из адмиралтейства больше не поступало никаких донесений; но радиотелеграф систематически улавливал шифрованные немецкие переговоры. Более того, «Добрая Надежда» еще раз заглянула в Оранжевую бухту; и там офицер, посланный на шлюпке на берег, нашел необычайную визитную карточку. Лидс ходил с этой шлюпкой в качестве старшины и видел эту дощечку, где была короткая надпись на немецком языке: «Дрезден» был здесь 8, 9 и 10 октября».

— Туристы, — сплюнул офицер и добавил скверное ругательство.

Лейтенанту было холодно. Он совал несгибающимися пальцами дощечку в карман пальто и попадал мимо.

Матросы, разгорячившиеся от гребли, тоже начинали мерзнуть. Ветер не унимался. Погода снова угрожала снежным штормом. Это называлось войной.

Матросы спускались в нижнюю палубу без принятой живости. Лица были хмуры. Матросы знали, что товарищи немедленно обступят и будут расспрашивать. Всем почему-то казалось, что счеты должны быть сведены в ближайшие дни. Решились обратиться к младшим офицерам. Те подтвердили, объяснив, что адмирал занял важную позицию, преградив вероятный путь противнику. Хотели надеяться, и не было уверенности в том, что делают...

Адмирал фон Шпее со своими броненосными крейсерами подвигался со стороны островов в Самоа, из центра Тихого океана к западному берегу Южной Америки. Слухи о скоплении пароходов в Магеллановом проливе и в портах Чили, следы присутствия легких крейсеров в тех же водах начинали приобретать совсем другой смысл, нежели просто угроза торговле.

Радиостанция порта Стенли на Фальклэндских островах на радиостанцию Черрито (Уругвай).

«В Британское Королевское посольство для передачи в Лондон, адмиралтейство.

Октября 8-го. Полагаю, что оценка адмиралтейства сил противника расходится с моей. Предполагаю присутствие не одного, а трех крейсеров, превосходящих по силе артиллерии. Прекращаю продвижение на запад впредь до выяснения местонахождения германцев. Местом сосредоточения своих сил избираю порт Стэнли, куда считал бы целесообразным направить крейсер «Корнуэлл» из района Рио-де-Жанейро. На место «Корнуэлла» может быть передвинут «Эссекс» из Вест-Индии. Одновременно прошу сообщить, присоединится ли к моей эскадре крейсер «Защита».

* * *

— Уокер, добейтесь связи. Добейтесь... Какая мерзкая погода. Сойдемте вниз. Я, кажется, простудился от такой перемены климата. Положение слишком серь-

езное, Уокер. Лорды адмиралтейства, по-моему, совсем не представляют, что здесь происходит. Вы должны понимать... Состояние атмосферы? Но на что же вы радиотелеграфный офицер?.. Уокер, прошу вас, обеспечьте мне связь.

* * *

— Как связь, лейтенант? Опять нет?.. Я перестаю верить в радио, Уокер. В мое время, в Китае, мы обходились без радио, но били наверняка. Если нет связи, давайте воевать так, как воевали наши отцы и деды. Пишите, Оуэнс. Можете сесть. Вам неудобно. Телеграмма будет длинная. Уокер, если сумеете, можете сократить. Но необходимо добиться ответа. Сегодня же передайте... Они не понимают там... Можете пока закурить. Только не эти. Прошу. У меня еще остались «Уэстминстер».

— Благодарю вас, сэр. Но передам на Черрито, сэр. Только на Черрито. За дальнейшее ручаться не могу.

— Хоть чорту под хвост, сэр, если вы имеете звание радиотелеграфиста.

«... Считаясь с наличием у неприятеля двух броненосных и не менее трех легких крейсеров — не спутайте, Оуэнс, двух броненосных и трех легких, это совсем другая картина, — необходимо иметь две равноценные эскадры на обеих сторонах материка Южной Америки. В случае посылки сосредоточенной эскадры на западное побережье, неприятель может, избегнув встречи с ней, уничтожить все угольные станции на берегах Атлантического океана, лишить нас возможности преследовать и прорваться в Вест-Индию. При наличных силах считаю проблему поиска противника и сохранение торговли неразрешимой...»

* * *

— Это вы, Уокер? Нет, нет, не сплю. Я только хотел заснуть. Я думал о нашем передовом отряде. Донесение не оттуда? Там, в Чили, «Глэзгоу» и «Монмес» могут что-нибудь узнать. Поверните выключатель, Уокер. Свет слишком слаб.

— Из адмиралтейства, сэр, куча новостей, о которых лучше бы не знать.

— Но, Уокер, они все-таки... Позвольте, Уокер. Но ведь «Защита» была еще 14 сентября направлена к нам. У вас опять ошибка.

— Атмосферные разряды, сэр.

— Идите вы ко всем дьяволам с вашей атмосферой. Тут ясно стоит: «отзывается из Средиземного моря», в то время как он должен быть уже у нас. Кто там только распоряжается? Настоящий бедлам.

— Сэр, может быть...

— Придержите вашу челюсть, Уокер. Ничего не может быть. И они же еще намекают. Вы понимаете, Уокер, что значит это холодное, скользкое заключение: «приказания от 5-го остаются в силе». Сэр Кристофер Крэйдок — трус. Сэр Кристофер Крэйдок с белым пером.[1] Это я-то, Крэйдок? Уокер, плюньте в рожу по вашему радиотелеграфу тому, кто сочинял эту сумасшедшую телеграмму. Когда я вернусь в Лондон, я доставлю себе это удовольствие.

— Сэр, уже поздно. Вы очень устали. Вы могли бы вполне отдохнуть. Ничего экстренного нет.

— Вы правы, Уокер: нет... Сэр Кристофер Крэйдок — старый маниак. Совершенно напрасно потревожил офицеров пера, у которых тысячи других дел, и которые предпочитают держать новые сильнейшие корабли на оборонительных позициях и затыкать опасные дыры «Доброй Надеждой». Я стал острить, Уокер. Извините меня. Я ведь очень люблю повеселиться. Вот уже сколько недель я не могу сказать смешного слова. Хотите виски? Вам сколько? Пожалуйста... Если не считать Монтевидео. Там одна прекрасная, очень веселая леди. Но они, эти дельцы, правы в одном: кто боится услышать паденье листа, тот не должен ходить в лес. Вы все, мой дорогой Уокер, можете быть вполне спокойны. Из-за меня вас не обвинят в трусости. Контр-адмирал Крэйдок вернется на отчизну с честным лицом. Вы зеваете, Уокер?.. Простите... Мне хотелось поговорить... Я забыл, что вам тоже надо спать. Если увидите

[1] Белое перо, по старому обычаю, признак трусости.

мистера Скотта, передайте, что я хочу его видеть завтра. Придется рассчитать маршрут... Какая все-таки пощечина, Уокер...

* * *

«Добрая Надежда» простояла на Фальклэндских островах до 28 октября, до момента, пока наблюдательный пост не донес о приближении старого «Канопуса».

Команда сумела отдохнуть и привести корабль в порядок. «Люди» даже ходили гулять. Но что за земли были в этих краях! Кому пришло в голову поднимать здесь флаг Соединенного королевства?

Угрюмый океан, над которым без конца неслись тучи; дождь и ветер, ветер и снег. Плоские, темносерые с желтизной глыбы гранита, ожерелье белой пены вокруг них, мрачные стены фьордов (солнце туда не заглянуло ни разу), пингвины с белыми грудками, черные туши тюленей, тонкие, едва заметные в волнах, фонтанчики китов; наконец, в одном укромном уголке в конце извилистой бухты аккуратные домики с остренькими черепичными крышами, с палисадничками, обведенными с юга высокими предохраняющими от полярного холода стенами.

Когда-то эти безлюдные острова никого не привлекали своими бесплодными, на первый взгляд, скалами. Первые колонисты, завезенные знаменитым Бугенвилем, сбежали, а оставленный скот одичал. Прошло несколько десятков лет, пока случайно некий мистер Бут, спасшийся во время кораблекрушения, не открыл Фальклэндские острова во второй раз. Надо отдать должное исследовательским способностям, предприимчивости и настойчивости достоуважаемого мистера Бута. Сначала он обнаружил, что на торфяных болотах островов существуют прекрасные пастбища для овец. При этом открытии был нажит добрый миллион (мясо овец нашли отличным даже в Лондоне, отстоявшем по крайней мере на целый месяц пути от порта Стэнли). Потом деятельный мистер Бут нашел на островах каменный уголь. В это время корабли уже избавились от парусов, а крейсера под разными флагами стали чаще и чаще бороздить южноамериканские воды. Фальклэндские острова оказались на фланге великого мирового пути, соединяв-

шего два океана. Угольная станция на них была уготована самой природой. У нас больше нет никаких данных ни о великом открывателе способов наживы на необитаемых островах, ни об его потомках и наследниках, ни об их взаимоотношениях с сэром Кристофером Крэйдок. Однако точно известно, что командующий эскадрой крейсеров избрал порт Стэнли своей базой. По вполне понятным причинам это событие прошло незамеченным. Острова прославились немного позже, когда в их водах погибли корабли эскадры адмирала графа фон Шпее.

В те же дни, когда «Добрая Надежда» поджидала поддержки, германская крейсерская эскадра спокойно пребывала у почти сказочного, таинственного острова Пасхи, украшенного загадочными фигурами. Соединившись с легкими крейсерами, отступившими из американских вод, она направилась на остров Мас-а-Фуэра, а оттуда к Вальпарайзо, где стала крейсеровать вне видимости чилийских берегов, выслеживая передовые крейсера сэра Кристофера. Враги придвинулись незаметно, неслышно. Опытные командиры, сумевшие пересечь все пространство Тихого океана с запада на восток, обманув четыре эскадры противников, выжидали момент, чтобы прорваться мимо пятой в Атлантику. Самым выгодным было бы порознь застигнуть британские корабли, стерегшие проходы у берегов Америки; отрезать и уничтожить, пока не подоспела поддержка. Линейный корабль был бы орехом не по зубам. «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Нюренберг», «Дрезден» и «Лейпциг» [1] бродили как загнанная стая волков, готовая перегрызть горло каждому глупому псу.

Радиостанция крейсера «Добрая Надежда» на радиостанцию Вальпарайзо. Британское королевское консульство, для передачи в Адмиралтейство, Лондон.

«... *Архипелаг Конос... Чили, октябрь 26-го*...

«Ссылаясь на приказание... Адмиралтейства... отыскать неприятеля и наше горячее желание скорейших

[1] Эскадра крейсеров, возглавляемая адмиралом графом фон Шпее.

успехов, считаю... очень трудно отыскать и разбить... действуя совместно с тихоходным «Канопусом». «Канопус» оставляется... конвоирования угольщиков... Приказал «Защите» после приема угля в Монтевидео присоединиться ко мне... По опыту... почтительнейше прошу оставить попытки... препятствовать «Карлсруэ»... пока не прибудет крейсер с большим ходом...»

* * *

С прибытием линейного корабля эскадра сэра Кристофера Крэйдока начала движение вдоль чилийского побережья на север. Корабельные радиостанции уже перехватывали депеши неизвестного германского крейсера. Этот оторвавшийся крейсер следовало поймать и уничтожить, пока не подошел сам граф фон Шпее. Игра в лисицу и гусей шла к концу. Между игроками оставалось каких-нибудь пять-шесть сотен миль. Но противники не знали этого. Каждый думал, что охота идет за неосторожно отделившимся крейсером.

Радиотелеграфная станция Лондон — «Белый дворец» на радиотелеграфную станцию Рио-де-Жанейро.

В Британское королевское посольство
для передачи на крейсер «Добрая Надежда».

«...октября 28-го... «Защита» должна оставаться на восточном побережьи... в распоряжение Стоддарта... Это дает возможность иметь достаточные силы на обоих побережьях... на случай появления неприятельских крейсеров на торговых путях... Для района мыса Горн свободного судна не имеется... Японский линейный корабль «Хидзон» в скором времени... ожидается на побережьи Северной Америки. Он соединится с «Идзумо» и «Ньюкасль... Они пойдут на юг к островам Галапагос...»

* * *

Лорды адмиралтейства тоже хотели принять участие в игре. По их картам выходило, что лисица прячется, но она уже сама не без успеха выслеживала гусей. Вернее, одного из них. Того, о котором донес немецкий пароход.

14

30 октября легкий крейсер «Глэзгоу» был послан адмиралом в Коронель для разведки. Сэр Кристофер Крэйдок вышел вслед с двумя броненосными крейсерами и одним вспомогательным, оставив далеко позади линейный корабль «Канопус», который должен был охранять угольщиков. Рандеву крейсеров было назначено 1 ноября в пятидесяти милях от Коронеля на запад. Эскадра адмирала фон Шпее в полном составе заняла позицию также в 50 милях западнее этого пункта. На этот раз пути сходились безошибочно. Англичане думали, что немцы глупее, чем они были на самом деле. Германцы рассчитывали, что противник умнее, чем он был в действительности. Что же, мгновенная слава непобедимого Альбиона обязывала, многовековая слава пугала врагов.

«Вижу неприятельские броненосные крейсера, идущие курсом зюйд-ост» — сигнал тревожно трепетал на фок-мачте «Глэзгоу». Крейсер успел выйти из Коронель раньше, чем его окружили. Он успел занять свое крайнее место в развернутом строю эскадры и первым обнаружил противника. Теперь Крэйдок, не медля, повернул навстречу. Правда, адмирал мог бы отступать, выжидая появления «Канопуса», но лихой сэр Кристофер твердо обещал своим офицерам и «людям», что он избавит их от позора носить прозвище «трусов». И без того горячая голова сэра Кристофера пылала от желания доказать свою храбрость. Впрочем, разве неизвестны случаи, когда смелый, решительный натиск давал победу? Разве неизвестно, что риск есть всегда и нужен всегда? Кроме того, счастье... А оно до сих пор ни разу не оставляло сэра Кристофера без внимания. Итак, первая часть поставленной задачи была выполнена: противник найден. В тишине сумрачных кабинетов бумажные лорды сочиняли свои глупые телеграммы, не подозревая, что

он, контр-адмирал Крэйдок, уже разглядывает тяжелые сизые силуэты врагов, надвигающиеся из мглы. Он первый и сам решил задачу, которую не могли решить ни другие адмиралы, ни лорды адмиралтейства, и он сам создаст славу победы.

— Если я нашел свой потерянный портсигар, то я его подбираю, — сказал сэр Кристофер своему флаг-капитану, сдвигая фуражку чуть набок (очевидно, адмирал снова хотел говорить смешные слова):

— Прикажите поднять пары во всех котлах.

Это был блестящий адмирал, настоящий моряк-вояка, видавший виды и научившийся истреблять людей еще двадцать лет тому назад. Токар и Афафит в Африке; Таку, Шику, Пей-Янг в Азии были вписаны в его послужной список золотыми буквами. Коронель в Америке был бы отличным дополнением. Не случайно газеты называли карьеру сэра Кристофера «красивой службой». Победа манила. Счастье, которое шло всегда, как верный пес, рядом у ноги, не могло изменить. Неписанный устав военной службы всегда считал, что есть люди счастливые и несчастливые. Те, которым везло, имели соответствующую пометку в аттестации. Такая пометка еще с 1875 года украшала аттестацию офицера королевского флота Кристофера Крэйдока. Значит, он имел право рисковать. Пара-другая пробоин, десяток-другой раненых и убитых — неизбежная жертва. Ведь и китайцы отстреливались. Наконец берег был близко.

— Они вклиниваются между нами и берегом, — доложил флагманский штурман.

— Выгоды освещения на нашей стороне, — бодро ответил адмирал. Он стоял на самом верхнем мостике, наблюдая, как четко вырисовываются трубы и мачты неприятельских крейсеров. Внизу лихорадочно-тревожно гремели горны. Матросы разбегались по местам. Это были старые, знакомые переживания, волнующие и вливающие энергию, которая переходила в азарт. Адмирал стоял бравый и смелый, зная, как нужно держаться перед боем, чтобы поднять дух у подчиненных, зная, что офицеры и «люди» угадывают его фигуру по лихо сдвинутой фуражке, по красной бороде.

— Поворот все вдруг на четыре румба влево, — твердо приказал сэр Кристофер. Несомненно, он решил со своими двумя девятидюймовками и тридцатью четырьмя шестидюймовками при сложившейся обстановке все-таки принудить к бою противника, обладающего шестнадцатью восемьюдюймовыми и двенадцатью шестидюймовками.

— Они примут бой на дальних дистанциях, — сказал мидшипмен Сильвер. Фуражка у него съехала на затылок. Пальцы заметно дрожали. Мидшипмен торопливо производил в записной книжечке какие-то подсчеты, заглядывая в таблички и прислушиваясь к цифрам, которые выкрикивал юнга — установщик прицела. Короткие звонкие слова, четко звучавшие в мертвой тишине, наступившей после того, как окончились лязги и шумы приготовления корабля к бою, казались стуком маятника, который человеческим голосом отбивал минуты томительного времени. Юнга Эд выкрикивал ровно, как на учении. Это был молодчина Эд, смекалистый, бойкий парень, умевший бегать по вантам быстрее обезьяны и считать не хуже пеймастера. Мальчишке не захотелось копаться под землей в угле, как это пришлось его отцу и старшему брату. Догадливый мальчишка решил найти более веселую жизнь и добивался ее упорно и со стараньем. Несомненно, он и мидшипмен в тот момент были самыми молодыми и деятельными участниками небольшой группы людей, замкнутой в броне каземата.

Качало. Волна шла с юго-востока. Ноги уставали удерживать тело в равновесии, сохраняя уставную позицию. Лучше других, вероятно, чувствовали себя наводчики, имевшие достаточно прочные точки опоры. Но зато у них уставали глаза: горизонт метался вверх и вниз. Временами его застилала завеса дождя. Иногда волна подымала у борта водяную стену, угрожая залить стекла; а главное — не было цели: прибор показывал «левый борт». Двигалась только та стрелка, которая передавала дистанцию. Пощелкивая, она шла по кругу назад. Минуты ожидания, словно привязанные к ней, проходили вслед так же медленно и скачками. Зато в голове проносились целые сонмы мыслей. Это были бессистемные отрывки воспоминаний, беспокойства, смут-

ной, робкой надежды и, пожалуй, радости. Может быть, завтра в это самое время крейсера будут лежать на обратном курсе, поспешая к далеким родным берегам? Битва должна быть выиграна! Внимательный взгляд петти-офисера скользил по казенной части орудия, по всем углам каземата, проверяя присутствие предметов, которым надлежало быть на назначенных местах. Потом снова бежало свое, неслужебное, о дорогих и близких людях, которые не знали, что он стоит и ждет своей очереди в бронированном каземате. Мысли чередовались, смешиваясь, но любопытно, что в них не было страха; вероятно оттого, что враг не показывался; о том, что кое-кто мог вовсе не встать с палубы, в голову пришло только раз, но ненужные глупости были немедленно вытеснены расчетом (это было старое испытанное средство), хватит ли снарядов в батареях левого борта, если противник удержится в прежнем направлении? Петти-офисер Лидс ни на минуту не оставался в плену мечтаний, хотя мыслей оказывалось столько, что передумать их было невозможно. Но когда мозг прекращал лихорадочную работу, в голове как бы зияла черная пустота ожидания, взгляд улавливал на диске расстояний, что стрелка проскочила всего двести ярдов.

Тогда петти-офисер Лидс начинал оглядывать подчиненных «людей». Они были ясно видны. Если не по лицам, то по выразительным позам можно было понять, что матросов также угнетает эта пытка ожидания. Наводчики напряженно припали к наглазникам прицелов. Левый красноволосый был О'Брайен. Правый черный — Пэдфилд из Уэлса. О'Брайен сидел смирно, как каменный, а Пэдфилд пожимал плечами, словно ему было холодно. Впрочем, действительно свежий ветер задувал в амбразуру. Вероятно, от того же у строевого матроса Парсонса, плотного, одного из лучших боксеров эскадры, зубы иногда стучали так, что можно было подумать, что его челюсти соскочили с шарниров. Парсонс стоял наготове, держа, как ребенка, снаряд. Продолжало качать, и матрос боялся уронить свой тяжелый, неприятного свойства, предмет. Пришлось приказать уложить патрон на мат. Замочный Мэк-Кой, родом с самого севера, из Сезерланд, любивший в свободную минуту по-

играть грустные песни на рожке, опоясался парусиновым поясом, в который были заложены трубки, и теперь, положив, чтобы не потерять равновесия, одну руку на пушку, пытался что-то разглядеть в затворе. Мэк-Кой часто и неравномерно моргал. Парсонс был бледен. Мэк-Кой сер. Загар не мог не выдать. Бледность проступала на всех лицах, даже у мидшипмена. Вероятно, и у него, Лидса. В остальном каждый проявлял свое состояние по-разному. Но безусловно никто не мог похвастать яркостью щек, и даже нос другого снарядного, тоже строевого — Боди, на этот раз мог быть назван скорее синим, чем красным.

Прошло почти два часа, пока до задраенных в каземате людей долетел первый звук боя. Мидшипмен оказался прав. Германские корабли, обладая достаточным ходом, свободно удерживали выгодную дистанцию, превышавшую дальность огня англичан. Встреча и для них была неожиданной, но адмирал фон Шпее не считал себя в праве рисковать. За первым барьером, который наступило время преодолеть, мог быть второй. Впереди лежал путь еще через второй океан, а на корабле был только один комплект снарядов. Поэтому адмирал фон Шпее выжидал. Солнце садилось в штормовых облаках. Скоро оно должно было скрыться, тогда качества позиций противников должны были перемениться. По мере того, как меркло светило, а тучи еще больше умеряли действие его лучей; по мере того, как ночь подвигалась с востока, накидывая синеватую кисею на германские корабли, силуэты крейсеров сэра Кристофера Крэйдока все ярче выступали на розовом закатном горизонте. Когда яркие полосы света перестали бить в глаза комендорам, адмирал фон Шпее изменил курс на сближение.

Техника, помноженная на расчет и опыт, сделала свое первое дело: позиция относительно берега, ветра, волны и солнца была выиграна. Теперь призовики-артиллеристы, гордившиеся императорским призом, взятым еще только в прошлом году, должны были показать свою выучку в стрельбе с «качающейся платформы и по качающейся цели».

В надвигавшейся мгле короткой молнией сверкнули огни трехорудийного залпа. «Шарнхорст», отбрасывая

мощным высоким бортом гребни набегавших волн, открыл битву. Ни Лидс, ни его товарищи по казематy не видели этого грозного начала. Прикованные к своей пушке, они должны были ждать, и они ждали, упираясь ногами, плечами, локтями, как только могли, в броневые стенки. Снарядные припали к мату, подложенному у элеватора, и старались удержать боезапас, который грозил раскатиться по всему каземату. Когда юнга Эд, занимаясь эквилибристикой у своих циферблатов, крикнул срывающимся голосом: «Двенадцать», почти в тот же миг грохот и содрогание корпуса корабля возвестили о том, что башни открыли огонь. Но едва прокатился первый залп, как еще сильнейший грохот долетел через открытую амбразуру. Ярко сверкнула вспышка желтого огня. Наводчики отпрянули назад. Кто-то крикнул: «Взрыв»!.. Матросы метнулись к задней переборке. Мидшипмен вздрогнул, согнулся и опустил свою книжечку. Однако все были целы... Огня больше не было... И вдруг, словно многотонная кувалда, ударил по крепким бортам и палубам крейсера. Что-то гремело, звенело, скрежетало... Что-то рушилось... Битва не звучала, а ревела. Неожиданно, страшно... Широко открыв глаза, «люди» смотрели в лица своих командиров. Безусловно, они ждали каких-то коротких, понятных слов, которые должны были успокоить и все объяснить. А командиры молчали. Мидшипмен Сильвер попрежнему стоял, согнувшись, и жмурил глаза, поникая головой при каждом ударе, как-бы ожидая, что эти жестокие, неумолимые удары посыплются ему на голову. Петти-офисер, черный и злой, вытянувшись во весь рост, прирос к переборке; желваки перекатывались у него под кожей щек... Новые залпы продолжали потрясать корпус «Доброй Надежды». На стрелки приборов уже никто не смотрел, и юнга Эд замолчал... Потом удушающий дым внезапно ворвался в каземат и наполовину лишил людей способности видеть.

— Пожар! — крикнул замочный Мэк-Кой. Закрывая лицо руками, матрос кинулся к двери. За ним метнулись Парсонс, Боди и другие.

— Назад! — гаркнул петти-офисер Лидс, отделяясь от переборки.

— Назад!.. — хрипло повторил мидшипмен, судорожно выхватывая из кармана платок. — Назад... Труба...

Чарли нанес удар кулаком в грудь матросу, но сам потерял равновесие.

— Переговорная труба, — успел он крикнуть падая.

Газы шли по переговорной трубе. Значит, где-то она была перебита, и дым пожара несло по отсекам и отделениям. Но уже кто-то отвернул задрайки. Кто-то выскочил. В тот же миг пламя метнулось, заполняя палубу, врываясь в каземат, ослепляя людей. Будто солнце упало с неба. Гул нового взрыва прокатился по кораблю. В грохоте потонул одинокий выкрик человека. Погас свет. Потом стало тихо и страшно. За бортом шумела волна.

Оглушенные, израненные, может быть уже мертвые люди лежали в палубе, развороченной взрывом. В другом конце занимался все ярче и ярче пожар. Кто-то застонал. И словно в ответ на его крик, новый залп обрушился в палубу.

Чарли Лидс очнулся от боли. Грузное тело навалилось на него и прижало голову к болту, державшему основание орудийной тумбы. Но воздух очистился. Петти-офисер освободил руки и сдвинул мешавший груз. Это был Парсонс, снарядный. Лидс коснулся его лица и почувствовал, как кровь прилипла к руке. В углу кто-то шевелился, хрипел и отплевывался.

— Вставайте! — крикнул Чарли Лидс. — Вставайте!

Но поднялся только один. Это был О'Брайен. Ирландец присел на корточки у тумбы и сказал испуганно, почти шопотом:

— Я заткнул трубу, сэр. Честное слово, заткнул, но они сами открыли двери...

Снова ворвались клубы дыма. В палубе разгорался пожар и огонь грозил их отрезать.

— Где трюмные? — крикнул Чарли, свирепо глядя на О'Брайена, но тот только без слов покачал головой. Лидс вдруг с ужасом почувствовал, что не знает, что делать. Тьма, дым, корпус корабля трясется, брызги воды врываются в амбразуру — совершалось что-то невероятное. На учениях никогда этого не было.

— Стрелять? — но враг был с другого борта.

— Тушить огонь? — но шланги были перебиты, а может быть, и вода уже не могла итти по магистрали.

— Собрать людей? — но в каземате оставался только один О'Брайен, который еще мог двигаться, но двигался так, словно он был без костей и без мускулов. Остальные лежали или без жизни или без сознания.

Вдруг на глаза попался смутный блеск офицерских пуговиц. Прислонившись к переборке, лежал с закрытыми глазами орудийный командир мидшипмен Сильвер. Теперь его фуражка совсем свалилась, и скудный медленно разгоравшийся свет озарял бледное, вытянутое детское лицо, на котором застыла гримаса неподдельного страха. Тогда вспомнился королевский устав. Выход был немедленно найден. Лидс подхватил легкое тело начальника и, упираясь плечом в косяк бронированной переборки, высунулся в палубу в поисках выхода.

Под ногами валялись тела. У самого комингса лежал с разбитым, окровавленным ртом юнга Эд. Мальчик был жив. Должно быть он разбил себе рот при падении или шальной осколок попал ему в зубы. Юнга лежал на боку, сложив руки, как бы собираясь сладко уснуть. Было видно, как колышется его грудь от глубоких вздохов. Петти-офисер запнулся и остановился. О'Брайен заметил испуганный взгляд начальника, и ему показалось, что тот опустил свою ношу. Матрос просунулся к двери с желанием помочь, но услышал хриплый, сердитый шопот и отшатнулся.

— Сразу двух не вытащить. Сначала этого.

Сквозь пламя и дым, сжимая лицо и руки, спалив усы и брови, прыгая через изогнутые куски железа, через тела неузнаваемых товарищей, они потащили мидшипмена и выскочили на наветренный борт. Там было меньше дыму. Весь носовой отсек вышел из строя. Трюмно-пожарный дивизион отстаивал теперь машину. Борт был разворочен. Волны хлестали в пробоину. У еще уцелевших орудий люди работали временами по колено в воде. Электрические элеваторы не действовали. Матросы-снарядные выбивались из сил, вручную, при помощи талей, поднимая снаряды и заряды и передавая их к орудиям. Офицер в тужурке, запачканной кровью и

с галстухом, сбитым на сторону, хриплым надрывным голосом подавал команду. Она не была сложной. Стрельба шла в упор. Мостик только управлял движением корабля. Крейсер, захлебываясь в волне, упрямо стремился к противнику. Хотя бы тараном. Хотя бы на абордаж. Не так ли поступал Нельсон, смелый, дерзкий Нельсон — барон Нильский, герцог Нельсон-Бронтэ?! Только не отступать... Теперь это было бы двойным позором... Лихой адмирал еще верил в свое счастье и вел израненный корабль, а за ним и другие, находясь под гипнозом губительной, безнадежной мысли. Огни залпов сверкали из тьмы совсем близко, грохот стрельбы смешивался с грохотом взрывов, рушились железные надстройки, осколки звенели по броне казематов, пламя и дым больше и больше охватывали корабль, и вот уже люди, не в силах справиться с неуловимым врагом, который снова исчезал невредимый во тьме, обессилевшие перед стихией, которая глухо ворча обрушивалась на избитый крейсер, бросали исковерканные заклинившиеся орудия и убегали от дыма, огня и газов наверх.

Лидс, не бросая своей ноши, с помощью О'Брайена вскарабкался по надломанному трапу на шканцы. Там собралось немало матросов. Они цеплялись за обухи, исковерканное железо, за балки, просто за палубу, в молчаливом ужасе глядя на костер, который разгорался под полубаком и должен был кончиться взрывом носовой башни. Часть команды уже прибежала оттуда. Люди были грязны от дыма и мокры. Часть, вероятно, погибала в погребах, будучи отрезана огнем. Факел начинал пылать и вокруг носовой рубки, языки ползли вверх по фок-мачте. На одном из крыльев мостика показались две тени. Должно быть, это были матросы-сигнальщики. Они пробовали спуститься на палубу, ухватившись за стойки и снасти. Волна взметнула корабль в сторону, положила его сильно на борт, один из людей ударился о стойку и сорвался вниз. Крика его не было слышно. Новый залп ударил в кормовую надстройку. Над головами засвистели обломки и осколки. Люди прижали головы к палубе. Все-таки команда еще не потеряла ни дисциплины, ни надежды. Они покидали свои посты постепенно, теснимые водой и огнем. Если бы сейчас при-

шел такой человек, который призвал бы их за собой, если бы сказали, что нужно сделать, они кинулись бы за ним, несмотря на смятение и раны. Но мелкая артиллерия была слишком бессильна в этом страшном бою. Никто не подавал сигнала к спасению. Матросы не знали, куда итти... Но на чем же было спасаться, если все шлюпки были разнесены в щепки, а то дерево, которое хранилось на рострах, начинало пылать? Какой-то офицер, вероятно, это был сёб-лейтенант Котер из кормового отсека, взобрался на машинный люк, раскачиваясь на одной ноге, как акробат. Он что-то кричал, стараясь перекричать грохот стрельбы, моря и ветра, но никто не мог понять, что он приказывал. Лидс закричал ему:

— Сэр, сэр!.. Надо спасать людей! Сэр! Наша артиллерия больше не стреляет.

Да, орудия «Доброй Надежды» замолчали. Те, кто были на легких крейсерах, рассказывали, что это выглядело как пловучий костер. Кто-то потянул петтиофисера за рукав. Лидс посмотрел и с трудом понял, что это О'Брайен.

— Бросьте, — говорил ирландец, — положите его... Не поможет... Мы отслужили свою подписку и тоже не нужны... Слышите, надо спасаться.

Он настойчиво тянул за рукав, и Лидс невольно опустил свою ношу рядом. Опустил и снова забыл, что надо делать. Посмотрел налево: там сверкали стремительные огни залпов. Враг, совершенно невидимый, расправлялся с «Монмёс», который еще виднелся справа на чуть светлой желтоватой полоске закатного горизонта. «Монмёс» горел, и в свете огненных языков, лизавших его трубы и мачты, виднелись поднятые боевые флаги.

— Сэр, — прохрипел, лежа ничком О'Брайен, — ведь я не увижу мою Сисли... Не увижу, сэр...

Лидс, схватившись руками за голову, без сил прислонился к сетке: наступал конец, и не хотелось верить, что он будет таким страшным.

Вдруг распахнулась дверь в кочегарку и на палубу вывалилась толпа оборванных, грязных, мокрых, уже не от воды, а от собственного пота, кочегаров. Они посылали проклятия и грозили кому-то кулаками. Один побежал к борту и хотел кинуться вниз, но внезапно его

взял страх; и он, как подкошенный, упал у самых поваленных стоек. Другие столпились у машинного люка и, увидев страшный факел, плывший вслед за «Доброй Надеждой», замолчали. Тогда предсмертную тишину нарушил пронзительный крик:

— Земля! Земля!.. Огненная!

Это кричал толстый Уилл. Он стоял на коленях, простирая руки к огню. Потом вскочил, захохотал и заревел нескладно, как будто глотнув целый боченок рома:

— «Прощайте, прощайте, вы, испанские леди!»

Матросы с ужасом смотрели на него. Кто-то попробовал оттащить кочегарного петти-офисера в сторону, а он дико пел, размахивая руками, теряя на качке равновесие.

...Прощайте, прощайте, вы, прекрасные, испанские леди!
Сигнал подан: Главному флоту стать на якорь.
Все в Даунс! Эта ночь для встречи...
Мы будем кричать и хохотать, как подобает истым британским матросам.
Мы будем кричать и хохотать через соленые моря.
До тех пор, пока не наткнемся на глубины в канале Старой Англии.
От Ушана до Силли тридцать пять лье...

— Уилл! Уилл! Вы с ума сошли! Уилл! Спасайтесь!

Лидс встал, указывая людям на страшный факел, поднявшийся на полубаке. Столб огня вдруг стал расти. Как будто его раздували гигантские мехи, скрытые внутри корабля. Пламя разгоралось с тихим свистом. Чудилось, оно набиралось силы, чтобы разразиться громом. Петти-офисер Лидс рванул обвес ближайшей сетки и стал выбрасывать койки. Матросы судорожно хватали их и бежали к подветренному борту. Но черные волны были не менее страшны, чем огонь...

Уцелевшие корабли видели, как яркий взрыв взметнулся на том месте, где приходилась носовая башня крейсера. «Добрая Надежда» вдруг резко повернула вправо. Может быть, смелый адмирал убедился в том, что действительно было пора думать о спасении людей; а может быть, просто некому было управлять кораблем, и он, влекомый случайным поворотом штурвала, в дыму и в пламени уходил в океанскую тьму.

На мгновение разорвало тучи, и луна робко попробовала осветить корабли, которые еще пытались сражаться. Дождевой шквал снова закрыл ее и разделил врагов. Победители открыли себе путь вокруг Огненной земли, но лишь для того, чтобы затем в свою очередь найти беспощадную смерть под дождем снарядов в студеных водах Южного океана.

Новая трагедия разыгралась несколько позже. Поражение было подготовлено англичанами у Фальклэндских островов, но не было обязательным. Во всяком случае оно имело все шансы на отсрочку. Однако для этого следовало быть умным до конца. Возможно, моральная стойкость начала покидать адмирала германской эскадры, и он, не веря в благополучный исход своего грандиозного марша через океаны, искал способа скорейшего и наиболее выгодного окончания трудной кампании. А может, предыдущие успехи и победа над плохо подготовленным противником вскружили голову и позволили допускать оперативные и стратегические шутки. Так или иначе, в то время, когда существовали все предпосылки продолжить игру в лисицу и гусей, хотя бы и с новыми партнерами, адмирал фон Шпее решил еще раз удивить мир.

Германский адмирал безусловно достиг цели: мир был потрясен новой сенсацией. Без всякой предварительной разведки 8 декабря 1914 года он появился перед Фальклэндскими островами, намереваясь дерзким набегом уничтожить базу британского флота и захватить в плен самого генерал-губернатора; но в извилистом, укрытом фьорде уже прятались «кошки». Когда под задымленными низкими холмами показались характерные треногие мачты британских линейных крейсеров, бегство осталось единственным средством спасения. Шквалы и туманы Южного океана могли бы явиться хорошими союзниками. Но на этот раз океан был безмятежно голубым, и к ночи погоня и бой прекратились. Успел уйти только один легкий крейсер «Дрезден». Два броненосных, два легких крейсера и два транспорта затонули в голубых, но смертельно-холодных волнах. Свыше двух тысяч жизней (в том числе и самого просчитавшегося сочинителя безрассудной затеи) за один день было

вычеркнуто из списков германского флота. Погибавшим оставалось проклинать тех, кто швырнул их на гибель. Случайно оставшиеся в живых и подобранные британскими шлюпками имели право навсегда возненавидеть тех, кому понадобились их долгие и жуткие страдания. Но выживших было мало: спасенные умирали от истощения и разрыва сердца, — человеческие силы иссякли.

Впрочем, мы забегаем вперед.

15

В одном из маленьких портов Караибского моря, принадлежавшем какой-то республике, из числа так называемых банановых, стоял пароход. Это было старое судно, напоминавшее собою скорее кофейник, нежели паровой корабль. Но «Стэлла» не состояла в списке лайнеров, пересекавших океан. Она методически обходила порты Центральной Америки, собирая урожай фруктов. Потом, не торопясь, доставляла их в северные американские порты. Компания, державшая «Стэллу», входила в число тех, которые предпочитают и умеют снимать пенки там, где их обыкновенно не бывает. Поэтому пароход мог желать лучшего как в отношении своих внешних, так и внутренних качеств. Хорошие, настоящие матросы не рисковали итти на службу в эту компанию по вывозу фруктов из Центральной Америки, но своим упрямым поведением они не срывали предприятия. Опытные капитаны умели присмотреть себе нужных людей, и так как вербовщики не спрашивали документов, то они могли иметь достаточно дешевые и послушные руки. Правда, такому капитану приходилось постоянно держать в кармане кольт, но в конце концов жизнь не была прогулкой по бульвару.

Капитан Хоббс не строил воздушных замков, когда сидел в паршивом баре за стаканом виски. Собственно, пора было отваливать. Уже яркие тени стали заметно длиннее, и, пожалуй, даже можно было для собственного утешения говорить о том, что стало прохладней. Но кочегар свалился от лихорадки или еще чорт его знает отчего. Водка не помогла. Парня без задних ног выволокли и сдали в местную больницу. Еще пара часов,

и дело приняло бы убыточный характер. Однако капитан Хоббс обладал закаленным хладнокровием, которое не страдало и в тропическую жару. Точно так же, как ночной мотылек летит на огонь, кочегар должен был явиться сам; и мистер Хоббс терпеливо отпивал маленькими глотками виски, наблюдая одним глазом через окно, как толпа разного сброда в немыслимых, но живописных одеяниях копошилась около борта и на трюмах его «Стэллы», заканчивая погрузку. Под соломенным навесом бара сидели двое матросов с другого американца, выгружавшего рельсы. С ними, в одиночестве глотал разбавленный ром, человек в громадной соломенной шляпе, но с достаточно бледным лицом северянина. Кисть левой руки была у него замотана пестрой тряпкой, пиджак и брюки были слишком велики. Бродяга шатался, как «Стэлла» на хорошей волне, когда расплачивался за стойкой и лез за деньгами о внутренний карман. Стало видно, что пиджак надет на голое тело. Это были вполне обнадеживавшие признаки. Капитан Хоббс решил продолжить свое занятие, выжидая, когда будет удобно угостить парня доброй порцией виски. Он даже подумал взять быка за рога, но взгляд незнакомца в соломенной шляпе был слишком мрачен и даже свиреп.

В это время мимо бара побежал мальчишка с пачкой газет, крича что-то на непонятном наречии. Один из американцев сказал другому:

— Купим газеты. Вы понимаете эту тарабарщину. — Он бросил монету газетчику, а его товарищ развернул лист и громко сказал:

— О'кэй! Немцы таки набили зубы англичанам! Вот вам и непобедимый чемпион мира!

— Вы выпили немного и говорите несуразные вещи, Сэм! — усомнился другой, а человек в соломенной шляпе вздрогнул и стал смотреть в газету, заглядывая через плечо соседа.

— Переведите полностью, Сэм! Это должно быть интересно.

И американец начал перевод:

«Сегодня всеми американскими радиостанциями принята следующая радиотелеграмма из Вальпарайзо, со-

держащая донесение командующего эскадрой германских крейсеров в Тихом океане, адмирала графа фон Шпее...

«... Ноября 1-го, у Коронель... крейсера «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Лейпциг» и «Дрезден»... с британскими крейсерами «Добрая Надежда», «Монмёс» и «Глэзгоу» и вспомогательным крейсером «Отрэнто»... В течение сражения «Нюрнберг» действовал отдельно. Огонь был открыт на большой дистанции при большом волнении моря. Пушки вражеских кораблей приведены к молчанию в пятьдесят две минуты, и огонь был прекращен после захода солнца. Германский огонь вызвал большой взрыв на борту «Доброй Надежды», которая была сильно повреждена и исчезла в темноте, но при своем бегстве была усмотрена «Нюренбергом», который сразу открыл по ней огонь. Тогда «Добрая Надежда» опрокинулась. Бурное море и недостаток в шлюпках помешали немцам спасти экипаж. «Глэзгоу» был, несомненно, легко поврежден, но бежал. Вспомогательный крейсер обратился в бегство после первого же попадания. С нашей стороны не было никаких потерь, а только легкие повреждения...»

Когда перевод пришел к концу, другой матрос хватил руками по столу так, что стаканы подпрыгнули. Но американцы не успели ни обменяться мнениями, ни даже выразить своего удивления или восторга. Человек в соломенной шляпе вдруг вскочил и закричал на чистом английском языке:

— «Прощайте, прощайте, вы, испанские лэди!» Так напевал мой друг Толчер, пока собирался кормить рыб. Джентльмены, в благодарность за радостную весть, ставлю вам по порции. Эй, хозяин! Скорее!

Человек жестикулировал, то снимая шляпу и размахивая ею, то снова надевая, заглядывая в газету, потирая руки, чередуя слова с неестественно веселым смехом. Мистер Хоббс почувствовал, что момент наступил.

— Вы позволите присоединиться к вам, джентльмены, и разделить вашу радость. Я плачу за все и ставлю вдобавок по одной!

— Ура, — крикнул человек в соломенной шляпе. — Мы выпьем за моего бывшего начальника петти-офисера Лидса, который всегда давал мне хороший отзыв, за

лейтенанта Фишера, который представил меня к нашивке за хорошее поведение, за мидшипмена Сильвер, который наградил меня похвалой с доверием, наконец, за глупого рыжего О'Брайена и его бедную невесту Сисли, за толстого кочегарного петти-офисера Толчера и за других недогадливых людей, которые были там, а особо за моего лучшего друга комендора Хармера, который вытянул счастливый билет в лотерее. Ура! Всем кричать троекратное ура!

Он залпом вытянул целый стакан, и все последовали его примеру. Потом им всем стало здорово весело, и хозяин бара обрадовался, что они решили итти тулять. Он даже шепнул им, где можно сейчас за сходную цену найти приличных женщин, и моряки ограничились только тем, что швырнули в него стаканом. Однако мистер Хоббс не был столь пьян, как можно было подумать. Он придержал человека в соломенной шляпе за рукав и дал американцам уйти вперед. Затем подхватил спутника под-руку и повел по направлению к «Стэлле».

— Хармер, — сказал он уверенно и сразу увидел, что не ошибся, — у вас нет ничего, кроме тюрьмы или даже пули в лоб, а у меня место кочегара. Стол обеспечен. Пароход должен сейчас уходить. В Штатах можно устроиться. Согласны?

Конечно, Хармер был согласен и даже смеялся. На первую вахту он еще не годился, но к третьей смене мог вполне отлежаться.

Хармер волочил свое потерявшее равновесие тело, опираясь на могучую опытную руку самого капитана. Это была даже честь; но Хармер думал больше о том, какое привалило ему счастье.

— Хотел бы я видеть, какие рожи будут у этих лордов из адмиралтейства, когда они узнают об этом, — бормотал счастливец, балансируя на сходне.

16

Бывший комендор королевского флота, ныне дезертир, Хармер, мог быть спокоен: лорды адмиралтейства тоже узнали о поражении, понесенном непобедимым британским флотом у Коронеля. Как это ни странно, они

узнали печальные новости из той же телеграммы, полученной американскими радиостанциями. Хенри Бредфорд, лейтенант Морского генерального штаба, крепко запечатлел в памяти этот мрачный день, который вошел в его жизнь, вероятно, как и в жизнь многих других людей, в качестве яркого, неизгладимого знака нового этапа пути.

Солнце желтым пятном проглянуло сквозь закопченные облака. Слабые блики упали на карты, серыми прямоугольниками покрывавшими стены. Дежурный офицер лейтенант Клод только что принес подписанную первым лордом и начальником штаба телеграмму, комодор Кери с явным удовлетворением просматривал ее. Скудное на ласку позднее солнце выглянуло как бы нарочно, чтобы порадовать начальника. Может быть, от его слабых лучей глаза сэра Эдгара светились прежним, почти забытым, острым огоньком.

«Радиотелеграфная станция Лондон-«Белый Дворец» на радиотелеграфную станцию Рио-де-Жанейро.

Британское королевское посольство.
Для передачи на «Добрую Надежду».

«Ноября, 3-го, 10 ч. 15 м. а. m.»

По достоверным данным, эскадра германских крейсеров, возглавляемая адмиралом фон Шпее, сосредоточилась в чилийских водах. 1 ноября два броненосных крейсера и три легких крейсеровали в 50 милях к западу от Коронеля. Вам надлежит держать свою эскадру сосредоточенно, присоединив к себе линейный корабль «Канопус» и крейсер «Защита». Одновременно дается распоряжение Стоддарту о немедленной отправке «Защиты» к вам.

Фишер, адмирал, первый морской лорд.
Оливер, контр-адмирал, начальник Морского генерального штаба».[1]

[1] Под давлением общественного мнения 1 ноября 1914 г. в адмиралтействе произошла смена высших морских руководителей. Принца Баттенбергского сменил адмирал лорд Ficher, а вице-адмирала Стерди — контр-адмирал Oliver.

— Наконец-то, Хэл, мы начинаем воевать по-настоящему. Вы знаете, наш новый лорд категорически заявил, что если фон Шпее прорвется в Атлантику, он не остановится перед тем, чтобы послать за ним «кошек». Кажется, мы все начинаем говорить одним языком!

— Сэр, вы помните наш разговор? Я могу гордиться, что лорд Фишер держится того же мнения.

— Отправляйтесь, Клод, а вы, Хэл, забудьте пока разговоры, а сделайте расчет на случай отправки линейных крейсеров на Фальклэндские острова.

Комодор не успел закончить фразу, как затрещал телефон. Новый начальник штаба немедленно требовал к себе начальника оперативного отдела. Штабная служба вырабатывает способности по едва уловимым интонациям и вибрации голоса угадывать скрытые мысли. Лейтенант Бредфорд сказал коротко: «Есть, сэр», и, положив трубку, доложил комодору: «Опять что-то скверно, сэр. Вас вызывают немедленно».

Через четверть часа начальник вернулся с телеграммой адмирала графа фон Шпее, полученной через прессбюро.

— Это... — начал комодор, кладя документ на стол, — это... — и не мог найти подходящего слова.

— Тсу-Сима, — прошептал он, наконец, накрывая листок ладонью, как бы желая незаметно вдавить его в дерево.

Хенри побледнел. До сих пор это японское слово было ярлыком, которым награждали самые глупые, позорные поступки во флотах всего мира, и вдруг комодор решился произнести его. Впрочем, когда лейтенант прочел, стало понятно: только что отправленная телеграмма была последним убийственным доказательством. И словно сговорившись, ни командиры остальных кораблей, ни британские консулы ничего не доносили.

Сообщения в конце концов все-таки пришли. Но они не были утешительны. Немцы, очевидно, к концу боя сами потеряли ориентировку, кого утопили они, а кто погиб сам, не выдержав борьбы с огнем и водой. Напоследок крейсер «Нюрнберг» видел пылающий корпус только одного корабля. Видел, что флаги продолжали развеваться на мачтах. Есть одно из немногих всегда

соблюдаемых международных правил войны: противника, не спускающего флаг, бить до тех пор, пока он не погибнет или не сдастся. Может быть, горящий «Монмёс» действительно хотел сохранить за своим именем хорошую славу, а может быть, матросы просто не были в состоянии добраться до флага, но «Нюрнберг» соблюл правила до конца. Это «Монмёс» перевернулся под его огнем, а след «Доброй Надежды» потерялся среди океанской тьмы.

На следующее утро газеты передавали правительственное сообщение через пресс-бюро:

«Лондон, четверг».

«Секретарь адмиралтейства с сожалением сообщает, что вследствие отсутствия новой информации, гибель его величества кораблей «Добрая Надежда» и «Монмёс» должна быть предположена.

«Список офицеров и людей, которые, согласно сведениям адмиралтейства, служили на этих двух кораблях во время боя, в скором времени будет опубликован».

Как нарочно, миссис Бредфорд вышла к утреннему завтраку: она читала и покачивала головой. Хенри не выдержал:

— Сэр Эдгар ходит как сумасшедший... Но я говорил, говорил... И сэр Эдгар сделал бы это, но принц Баттенбергский...

— О принце Баттенбергском говорили до сих пор с большим уважением. У него погиб сын на фронте.

— Не в том дело, Сьюзен! «Кошек» надо было послать раньше, а не сейчас.

— Каких «кошек»?

— Ах, мы называем так линейные крейсера.

— На которых служит Рэф?

— Да.

— До вечера, Хэл. Может быть, вы привезете более приятные вести.

* * *

Повествование о том, как мой приятель Сидни Лидс заплакал во второй раз, приходит к концу. Но перед этим и напоследок следует рассказать, как провели все

наши герои тот тяжелый осенний вечер, в отношении которого миссис Бредфорд выразила доброе пожелание.

Хэл Бредфорд навестил сэра Эдгара Кери. Перед этим он попросил разрешения пройти в гостиную. Там сидел целый сонм девушек, достойных дочерей членов клуба «Леди армии и флота». Они были в аккуратных серых халатиках с белыми манжетами и воротничками. Белокурые и темные головы усердно склонялись над шитьем. Девушки срочно готовили праздничные платья для бельгийских девочек-сирот, которых они принимали в «крестницы». Чтобы не было скучно, Дайан Монахэн читала. Роман был трогательный, и хотя все знали, что он окончится счастливо, сердца сжимались от жалости к бедной героине. Появление офицера вызвало волнение. Не было ли новых вестей? Правда ли, что «Монмёс» выбросился на чилийский берег? К счастию, среди них не было ни одной, которая имела бы на погибших кораблях родных или близких знакомых.

Лейтенант только успевал отвечать:

— Нет, нет, будьте спокойны. Враг будет жестоко наказан.

Серьезная Дайан, которая (по конфиденциальным данным Бэл) была влюблена в Хэла, упорно вопрошала:

— Отчего все это случилось? Зачем крейсера вступили в бой с заведомо сильнейшим противником и не сумели во-время выиграть нужную дистанцию?

Дайан употребляла совершенно правильные термины и подчеркивала это, украдкой поглядывая на молодого человека. Девушка хорошо знала о том, что Бэл невеста Хэла; она безусловно отказалась от каких-либо надежд, кроме тех, что намеревалась быть нежной подругой для Бэл; но тот, о котором она все-таки не раз мечтала, должен был оценить, сколь глубоко ее чувство. Однако лейтенант не имел желания задерживаться в столь милом обществе.

— Бэл, как чувствует себя ваш отец? Он сегодня так плохо выглядел. Не пройдем ли мы вместе к нему?

Бэл извинилась перед подругами и попросила Дайан подождать с чтением. Потом держась за руки, они тихо спустились по лестнице и хотели поцеловаться, но стук двери внизу помешал. Молодые люди ускорили шаги и

просунули головы в кабинет комодора. Отец увидел их и улыбнулся. Жизнь и счастье все-таки не покидали его дом. Он, опытный человек, не имел права растравлять рану личного самолюбия, но должен был только благодарить бога: его жертва уже была принесена и была, видимо, угодна богу. Сейчас он размышлял о несчастье других, о тех, кто оплакивал тринадцать сот людей, сгоревших и потонувших в далеком океане. И по мере того как скорбь охватывала сознание, росло желание помочь общему горю. Собственная жизнь, родные, дом казались куском необычайного счастья, которым щедро наградило его провидение. Потеря младшего сына не лишала счастливой жизни. Отпала маленькая, хотя и дорогая крупинка. Но оставалось еще много, слишком много... — думал он, и в это время чуть скрипнула дверь, и улыбающиеся лица дочери и будущего зятя, подосланные самой судьбой, возвестили ему, что он прав.

Комодор встал и протянул руки:

— Добро пожаловать. Добро пожаловать, мои дорогие. Я немного понервничал, но я так хорошо знал сэра Кристофера и капитана Фрэнклина и капитана Брэндт. Старику позволительно задуматься над такими вещами. Но не надо считать, дети, что все пропало. Нужны жертвы, и мы их приносим. И никому не позволим говорить, что они бесполезны. Мы заставим приносить их, если это требуется! Сэр Кристофер знал, что делал! И он должен служить нам примером мужества. Не правда ли, дети, игра стоит того, чтобы принести? Не так ли, Хэл? Вы знаете лучше, Бэл, что игра стоит риска. Я теперь совсем, совсем спокоен... Спасибо вам, что вы так внимательны... Не беспокойтесь. Старый Кери еще имеет достаточно сил, чтобы ударить по бильярдному шару.

Комодор говорил улыбаясь. За последние недели у него сильно побелели виски, но лицо было молодое. Он даже смеялся, показывая крепкие, ровные зубы. Потом он стал снова серьезным и сказал, больше обращаясь к Хэлу, чем к Бэл:

— Я думаю, мой милый помощник, нам придется расстаться. Не здесь, конечно, а на службе. Тем, что

сменены высшие руководители адмиралтейства, король и правительство признали, что мы старики, ошибались.

— Вы тут ни при чем, сэр! Вы принимали нужные меры.

Бредфорд почувствовал даже досаду: нужно же было додуматься до таких выводов!

— Вы ни при чем тут и не имеете права покидать пост в такие дни, — повторил он уже сердито. И Бэл подтвердит вам это.

— Мне кажется, помимо всего прочего, этого требует служебный этикет, — покачал головой комодор. — Я хотел бы вместе с адмиралом Стерди пойти в море, чтобы исправить те ошибки, которые привели к гибели сэра Кристофера Крэйдока.

— Никто не знает истинных причин, сэр.

— Может быть, может быть, Хэл. Но есть разные вещи. Гибель крейсеров у Коронеля это не прорыв «Гебена» и «Бреслау». Если официальные и досужие мастера пера могут создать глубокомысленные версии вокруг прорыва германцев в Дарданеллы и тем спасти нашу славу непобедимых, то с поражением адмирала Крэйдока ничего не выйдет. Война создает много тайн, но, пожалуй, еще больше раскрывает. Вспомните, Хэл, как вы говорили мне о том, что мы воюем нелепо. Вы можете порадоваться, — если способны на это сегодня: я решил окончательно признаться в том, что комодор Кери потерял ориентировку. Я говорил вам об этом, Хэл... Помните, тогда, в сентябре... Теперь мне ясно... Я потерял старую веру и не нашел новой. Что может быть ужаснее, чем писать распоряжения человеку, которого уже нет в живых. Нового не получилось, но оно должно быть, и я вам завещаю, Хэл, найти его. Но меня еще хватит на то, чтобы повести корабль в бой. Я думаю, что так будет лучше, и я уверен, что мы его выиграем.

— Папа!.. — Бэл молитвенно сложила ладони. — Вы хотите уехать? Но кто же будет с нами?

— Я думаю, моя дочь умеет приносить жертвы, — улыбнулся комодор, поправляя прядь волос на лбу Бэл. — С вами останется Хэл. И я думаю, что мы должны устроить вашу свадьбу поскорее. Вы поможете Хэлу создать то новое, о котором он думает, и пода-

рите мне хорошего внука, который, я надеюсь, будет с уважением и гордостью вспоминать своего деда, который всегда умел быть игроком в своей команде.

Так одновременно и радостно и печально переживала тот вечер семья Кери. Я не упомянул самое леди Кери, но она работала в клубе, и ее мысли были заняты сознанием собственной значимости. Что касается старшего сына, то Рэф стоял на вахте на рейде в Кромерти, и так как слухи об усилении деятельности германских подводных лодок не прекращались, ему было не до размышлений о новых и старых проблемах.

Интереснее и веселее проводила вечер миссис Бредфорд. У нее собрался дамский кружок любительниц гуманитарных наук (как они называли себя). Своевременно, около девяти, приехал доктор Грэй, в течение часа рассказывал об удивительных явлениях в природе, свидетельствующих о возможности передачи мысли на расстоянии. — Подобно радиотелеграфной станции, мозг человека получает невидимые, неощущаемые, неуловимые никакими известными аппаратами волны, — говорил он нараспев, — только мозг другого человека, настроенный на ту же еще неградуированную техникой волну, способен принять сигнал. Иногда сам отправитель не знает, что он дал его. Не ведает этого и приемщик. Но факт налицо — сердца бьются в унисон.

Мистер Грэй, затянутый в безукоризненный фрак, с лицом в ореоле блестящих черных волос, оттенявших бледность лица, был центром внимания. Несколько пар глаз внимательно следили за каждым его жестом, и, вероятно, каждой слушательнице казалось, что яркие вспышки взгляда лектора относились именно к ней. Тогда очередная леди скромно потупляла глаза и делала особенно серьезный вид. Впрочем, две дамы вели себя несколько своеобразно. Одна из них была пожилая, с копной мелких рыжих кудряшек на голове, леди Норингтон, ярая теософка, намеревавшаяся писать большое сочинение и сделать небольшой, но внушительный сдвиг в науке. Почтенная дама в силу некоторых обстоятельств семейной жизни презирала мужчин, вследствие чего предпочитала заполнять полустенографическими записями толстую тетрадку, лежавшую у нее на коленях.

Другая — была сама хозяйка дома. В отличие от подруг, сидевших вытянувшись, как палки, она откинулась на спинку кресла и в большой степени предавалась собственным мыслям. Это было заметно по ее рассеянному взгляду, который больше задерживался на руках лектора, чем на физиономии. Пожалуй, миссис Бредфорд предпочла бы совсем не слушать, но голос доктора был звучен и вкрадчив. Слова и фразы сами лезли в уши:

— Сердца бьются в унисон...

«Какая чепуха» — думала Сьюзен.

— ...Сны отображение идущих сигналов. В то время когда человек спит, неградуированный приемник человеческого мозга подставляет свою шкалу произвольно. Волны иногда совершенно случайно попадают на нее, смешиваются, но, бывает, и фиксируются совсем ясно. Спящий видит сон. Отсюда нетрудно перейти к главе о реальности сновидений, к умению отсеять все верное.

Доктор Грэй кончил и опустил руки, опершись пальцами на бамбуковый столик. Обмахнулся белоснежным платком. Поклонился, приглашая задавать вопросы. Четыре пары глаз взирали на него почти благоговейно. Представительная леди Кэмерн, с пышной прической, в тяжелом бархатном платье, считавшая себя душой кружка, глядела явно благосклонно. Даже желчная леди Норингтон подняла свой нос и поблескивала пенсне. Доктор Грэй улыбнулся и сказал:

— Я знаю, вы ожидаете примеров. Вы в праве требовать их.

— Да, да... примеры... — коротко и настойчиво защебетали слушательницы. И доктор Грэй немедленно удовлетворил их желание.

Чтобы безусловно убедить аудиторию, он предложил вспомнить один из снов, который они рассказывали на первом занятии, ну, хотя бы сон уважаемой хозяйки дома.

— На реке Амазонке плавали корабли, всего три. Потом миссис Бредфорд отправилась в Дувр с намерением ехать на материк, но море было в дыму. Виднелся огонь, и слышался грохот. Незнакомый человек схватил ее за руку и сказал, что ехать нельзя. «Там враги, го-

товые вас убить» — сказал незнакомец. «Но я опоздаю» — вскричала миссис Бредфорд. «Ничуть, — спокойно возразил человек, — уже с Амазонки идут корабли, чтобы разгромить врага. У них большие пушки и враг не устоит». Можете ли вы сомневаться в том, что миссис Бредфорд уловила то, что на-днях опубликовано в газетах. Впрочем, удивляться не приходится: племянник миссис Бредфорд и мой друг служит в королевском флоте, а потому здесь мы имеем особенно яркое проявление таинственных волн, вызванных взаимным беспокойством.

Дамы с завистью посмотрели на замечательную подругу. Леди Норингтон отметила что-то на последней странице тетради. Леди Кэмерн покачала пышной прической и выразила сожаление, что спит так крепко, что снов не видит, а если и видит, то забывает, как только проснется.

Молоденькая мисси Джерритт, краснея и путаясь в словах, попробовала тоже рассказать один свой замечательный сон, но сбилась и обещала сделать это в следующий раз. Она была так мила и забавна в своей застенчивости, что всех рассмешила, и дамы, а с ними и доктор, непринужденно стали вспоминать разные веселые сны. Сьюзен стряхнула с себя рассеянность и забыла руки доктора. Она утверждала, что посредством снов узнает, что делает ее муж в России, и сегодня ей приснилось, что он купил ей прекрасный мех на зимнее манто (в самом деле мистер Бредфорд сообщил ей об этом в письме). И тут же ей пришла в голову другая задорная мысль. Миссис Бредфорд сделала грустный вид и со вздохом сказала:

— Мои дорогие, но как ужасно переживать войну. Я мучаюсь кошмарами целые ночи.

Все согласились с хозяйкой, а она рассказала то, что привиделось вслед за тем, как мистер Бредфорд вышел из магазина в Петербурге, где он покупал меха. По улице шли все офицеры и люди, погибшие на...

— Какой ужас! Перестаньте! — выкрикнула миссис Джерритт, закрывая лицо руками.

— Говорите, моя милая, — почти басом ободрила лэди

Норингтон, кидая строгий взгляд поверх пенсне в сторону нервной дамы.

— Я не хочу доставлять неприятности моим гостям, — грустно возразила Сьюзен.

— Ради научного интереса, — благосклонно разрешила леди Кэмерн, обнимая миссис Джерритт, — она не будет бояться.

— Ах, там был Артур, Артур Сильвер, двоюродный брат моего мужа. Это так ужасно. На корабле было много мидшипменов. Крейсер не должен был итти туда. Такое несчастье... — Но она все-таки устыдилась своего малодушия и умолкла, а миссис Бредфорд закончила свой рассказ. По ее словам выходило, что возмездие за уничтожение жизней лучших сынов Британии должно было последовать в ближайшем будущем. Две кошки бежали вслед за душами погибших и требовали, чтобы им показали тех крыс, которых следовало придушить.

— Неужели кошки? — спросил с изумлением доктор Грэй.

— Самые настоящие, — подтвердила Сьюзен и едва не улыбнулась от удовольствия.

— Может быть, их как-нибудь звали? — вставила робко голубоглазая, обычно молчаливая миссис Маклин.

Но Сьюзен не вспомнила. И вполне понятно, так как она никогда не запоминала бесчисленных названий кораблей. Впрочем, никто и не настаивал. Милые дамы были напуганы гримасой смерти. Беседа расстроилась. К тому же было поздно, и доктор Грэй начал извиняться и торопиться. Дамы разъехались тотчас за ним; Сьюзен вернулась в гостиную. Она подошла к азиатскому божку и щелкнула его по плоскому носу.

— Алло, мой дорогой, в следующий раз я его подниму на-смех, если он не признается.

— Кто? — откликнулся вопросом знакомый мужской голос.

— Хэл, неприлично подслушивать.

— Наши сердца бьются в унисон, дорогая тетушка. Такова, кажется, конечная формула доктора Грэя?

— У него некрасивые, покрытые волосами пальцы, — ответила Сьюзен, — кроме того, я убедилась, что он или обманщик, или легковерный человек. К счастью, вернее

последнее. И то и другое для ученого не подходит... Вас тянет к креслу, Хэл. Разрешаю вам сесть.

Она осталась стоять рядом с азиатским божком, который хитровато пытался выглядывать из-за ее плеча, как бы в ожидании интересного финала сегодняшнего вечера. Однако ничего особенного не случилось.

— Не торжествуйте, Хэл, — строго заметила миссис Бредфорд, подметив подобие улыбки на лице племянника, — у доктора Грэя есть любопытные мысли и весьма богатый запас исторических знаний. Кроме того, он не имеет оснований подозревать меня в обмане.

— Зачем же вы водите его за нос?

— Я не выношу самоуверенных и самодовольных мужчин, Хэл. Я говорила вам это не раз. Но можете представить себе картину, когда наш уважаемый друг будет валяться у моих ног! Я уже представляю себе это.

— Я все-таки не понимаю, для чего все это нужно, — удивился Хэл. Ему вдруг представилась Бэл, занимающаяся такими же странными проделками.

— Это от праздности, Хэл. Кроме того, такое развлечение ничего не стоит. Надо только отозвать человека в угол и шепнуть ему, что на самом деле все, что сказано, не сон, а слышанное или полученное в письме.

Затем в гостиной наступила тишина. Разговор вдруг иссяк, незаконченный. Сьюзен стояла среди вещей, как высокий, тонкий маяк среди островков. Она заложила руки за спину и рассматривала серию акварелей на противоположной стене, изображавших сцены из романов Вальтера Скотта. Хенри сидел в раздумьи, подставив руки под теплый поток, шедший из камина. Он явно был подавлен впечатлениями дня. Контрасты были слишком велики. И как эта женщина, безусловно умная, привлекательная женщина, могла быть столь пустой в дни, когда вся нация болезненно переживала кризис?

Лейтенант протянул руку к толстому альбому, украшенному девизом рода Бредфордов, желая поднять свое настроение созерцанием обликов своих мужественных предков, но Сьюзен подошла и дружески потрепала его по плечу.

— Вы снова потеряли равновесие, мой дорогой пле-

мянник. Довольно глупостей... Скажите, сэр Эдгар видит для себя единственный выход снова пуститься в море?

— Это решено, Сью. Корабли уже готовятся к походу. Будем надеяться, что сэр Эдгар и Рэф останутся невредимы и с честью исполнят свой долг.

— Добрая надежда, Хэл. Как это не скучно, будем жить доброй надеждой.

— Она нужна, Сью. Если ее не будет, то как же жить? Кто же будет воевать?

— Я предпочла бы жить не с надеждой, а с уверенностью.

— Это идеал, Сью. Сэр Эдгар завещал мне создать то, что должно восстановить уверенность наших действий, но, признаться, при всем своем личном счастье я не вижу возможности приступить к осуществлению своих больших замыслов.

Он хотел продолжить свои сетования, но Сьюзен оборвала его:

— Только не порицайте Бэл. Кроме того, вы слишком холодны и самоуверенны, когда имеете дело с внешним миром, Хэл. И это касается не только лично вас. Это пугает меня вообще в Англии. Признаться, я с удовольствием уехала бы в Америку. Там еще пока можно сделать больше, чем здесь.

Было уже за полночь, и Нэлли пыталась напомнить об этом, но они сидели как прикованные к месту.

— Итак, вы вносите поправку в ваши расчеты, Хэл, — задумчиво продолжала Сьюзен, рисуя кончиком туфли непонятный узор на ковре. — Вы меня пригласите на свадьбу?

— Я смею надеяться, что семья моего дяди, заменяющая мне все время родную семью, примет и в дальнейшей моей жизни близкое участие?

— Я тронута, Хэл. Первая любовь — великое счастье. Я помню мое первое замужество. Это было упоительно, Хэл... Немного страшно и так привлекательно.

— Вы были уже раз замужем? Разве?

— Милый Хэл! Это маленькая женская тайна. Я выдала ее вам, но только вам, в порыве хорошего чувства.

— Мой дядя...

— Он покладистый человек, Хэл, и доверчив в таких

вопросах. К тому же мое замужество не было официальным. Моя любовь догадалась меня бросить. С тех пор я не жду, чтобы мною швырялись. Что касается мистера Бредфорда, то я ведь не спрашиваю, сколько было женщин у него до меня.

— Но он мужчина. Холостой человек... Я никогда не думал...

— Вы еще мальчик, Хэл. К тому же еще английский мальчик. Но во мне действительно мало хорошего. Но я все таки нравлюсь и сама себе и кое-кому. Рано или поздно я найду ясный смысл в жизни. Хотя бы и в бандитизме, но найду.

— Вы тоже полны доброй надежды, Сью.

Хэл хотел улыбнуться, но улыбка не получилась. Необычайно мирный, душевный разговор окончился... Расставаясь, миссис Бредфорд против обыкновения крепко пожала руку лейтенанта. Хенри понял, а когда уже стоял в дверях своей спальни, вдруг констатировал прилив радости и печали одновременно.

«Я становлюсь сентиментален, — одернул он себя. — Неужели пора лечить нервы?»

Хэл хотел захлопнуть дверь, но его остановил тревожный громкий шопот, донесшийся из-за спины из полумрака коридора.

— Сэр, могу я переговорить с вами?

Это была Нэлли, и совсем некстати. Впечатлений за день и за вечер было более, чем достаточно, чтобы наполнять ими ночные часы.

— Нет, Нелли, я очень устал... — Но она уже вошла и заговорила, скромно потупив свои живые, смышленные глаза.

— Сэр, я слыхала, скоро ваша свадьба?

— На Рождество, Нэлли.

— Я вам больше не нужна, сэр?

Она спросила совершенно спокойно. Только щеки чуть порозовели. Ничего не оставалось, как так же просто ответить:

— Нет, Нэлли.

Тогда она все-таки вздохнула и сказала приглушенным шопотом:

— Жаль. С вами все-таки было хорошо, и миссис Бредфорд не бранила, а только смеялась...

Лейтенант покраснел. Он даже рассердился и хотел приказать Нелли оставить его. Но она перешла на самый деловой тон:

— Сэр, не могли бы вы мне оказать услугу небольшим вознаграждением. Вы же понимаете: риск все-таки был. Кроме того, вы знаете, что таким девушкам, как я, надо зарабатывать, чтобы жить. Я бы очень хотела выйти замуж, но пока это невозможно. Тогда я не могу работать, а у отца без меня трое и больная мать. Я очень вам благодарна, сэр, за то, что вы мне давали. Но вы собирались жениться не раньше конца войны. Признаться, я думала, пройдет еще по меньшей мере полгода. В воскресенье я гуляла — только по улице, сэр, только по улице! — с одним гвардейцем, и он тоже так думал. А сейчас я узнала, что вы...

— Это очень скверно подслушивать чужие разговоры, Нэлли.

— Это получилось случайно, сэр. Кроме того, миссис Бредфорд мне сейчас сама сказала об этом и посоветовала с вами поговорить.

Должно быть, девушку испугало сердитое замечание лейтенанта. Она нервно теребила край передника и опустила темную голову в белой наколке. Но все было сделано так деловито и просто, что Хэл даже изумился. Хорошее расположение духа немедленно вернулось. Все устраивалось как нельзя лучше. Женщины оказывались умнее, чем он предполагал. Хенри засмеялся и взяв хорошенькое личико двумя пальцами за подбородок, повернул его к себе. Нэлли сейчас же улыбнулась и скромно опустила веки.

— Все хорошо, Нэлли. Я постараюсь оправдать ваши надежды и до свадьбы выплачу вам за полгода вперед и два фунта сверх того, специально на новое платье или на развлечение. Девушки должны развлекаться.

— Вы очень добры, сэр. Благодарю вас.

— Я передам вам через миссис Бредфорд, Нэлли, раз уж она приняла в вас такое участие.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас.

Продолжая теребить передник, она стояла у приоткрытой двери, как бы ожидая приказаний. Все-таки она была не совсем догадлива.

— Можете итти, Нэлли, — кивнул головой лейтенант. Он не стал разглядывать, как краска сбежала с ее лица, как зашевелились губы в желании что-то сказать, как бесшумно она скрылась в полутьме. Путь дошел до вершины очередного холма, и с высоты уже рисовалась новая перспектива.

17

Наконец пора рассказать и о том, как прошел тот вечер в Блайсе. Но было столько пережито уже до того, как он наступил! Начиная с момента, когда была объявлена первая мобилизация, покой был утрачен (не считая тех немногих дней, которые Чарли провел перед тем, как навсегда уйти на «Доброй Надежде»). В маленькой квартирке Лидсов стало пусто, как никогда. Ведь и раньше «волк» не часто сидел у домашнего очага, но все-таки Шарлот сумела оценить тот кусочек совместной жизни, который выпал им в последние годы. Как хорошо было возиться с жарким, зная, что скоро откроется дверь и высокий, крепкий «волк», улыбаясь во весь рот, расправит черные усы и сожмет ее в плечах так сильно, совсем по-молодому, что она вскрикнет. Как отрадно было наводить чистоту на эти стулья, на китайские безделушки, украшать комод кружевной салфеткой, зная, как будут соседи ставить в пример ее заботу о муже. Дети уже приучились встречать своего отца в определенный час на улице. Иногда он втаскивал младшую, Эсси, с собою, зажав под руку, как мешок. Девочка визжала и болтала ногами. Чарли посмеивался и говорил страшным голосом:

— Прекрасная миледи, не купите ли у меня живого поросенка? Если угодно, я могу его тут же зарезать.

Кусочек, ничтожный кусочек жизни, когда все ей завидовали, когда даже мистер Блондел перестал высказывать сожаление, а приветливо расспрашивал о делах и о здоровье. День за днем, мысленно следуя за крей-

сером в её долгом и дальнем пути, она разматывала воспоминания как клубок шерсти; и страх за свое долгожданное счастье все больше вытеснял уверенность.

Однажды она поймала себя на том, что уже не утешает миссис Пирсон, как делала обыкновенно, когда бедная Мэри, бывшая ее подруга детства, приходила рассказать про свою тяжелую жизнь. Мэри Пирсон осталась с сыном на пенсии. Она только что собиралась учить Уилли, но теперь рушились все расчеты. Шарлот вдруг показалось, что и у нее все кончилось, что рассчитывать больше не на что. Когда расплакавшаяся подруга, не получив обычных подбадривающих слов, ушла, Шарлот спохватилась: «Не схожу ли я с ума» — подумала она. — Ведь Чарли жив и здоров».

Потом вспомнились разъяснения мистера Райта, мужа сестры, который весьма ясно толковал о том, что за Чарли бояться нечего, что «купцы», плавающие в здешних водах, куда больше подвергаются риску, чем сильный крейсер, находящийся в отдаленной части света, где немцы не могут ни выставить мин, ни выслать подводных лодок. При этом мистер Райт или, попросту говоря, Джон, которого она помнила еще коренастым, плечистым молодцом, раскроившим нос и скулы известному драчуну Тому Блэку, претендовавшему на внимание ее сестры, чувствовал себя героем нисколько не меньше, чем были Чарли, толстый Уилл и другие настоящие военные. Он уже четыре раза пересек море с военным грузом и раз даже видел след перископа подводной лодки. Правда, кое-кто подсмеивался и утверждал, что ему попалась подводная лодка типа «дельфин», но кто знает. Надписи там не было, а он, мистер Райт, отвечал за груз, а потом он в праве был изменить курс.

— Это лучший способ, дорогая Шарлот. «Право на борт». Потом снова «прямо руль»! Потом «лево на борт» и опять «прямо руль». Ручаюсь, что никакая подводная лодка не расчухает, как за тобой угнаться. Надо думать, что там на «Доброй Надежде» такой же добрый капитан.

Мистер Райт хрипел. Голос у него был постоянно простужен, и он считал, что глотку полезно смачивать чем-нибудь крепким. «Промыв горло», он делался обык-

новенно разговорчивым и любил рассказать о своих опасных походах. Как бы ни хвастал Джон, его собственное присутствие говорило за то, что все кончится благополучно. Но тут вспомнились слова того же Джона. В прошлое воскресенье зашел разговор о трагической гибели крейсера «Хоуг», и мистер Райт мог только сказать:

— Это лотерея, дорогая Шарлот. В конце концов это — лотерея. А что если Чарли вытащил билет с крестом?..

Шарлот почувствовала в ногах слабость и даже опустилась на стул. Сид, который сидел за обеденным столом и готовил уроки вскочив, подбежал:

— Вы больны, мама. У вас очень черные глаза.

Милый мальчик вероятно хотел сказать, что глаза ввалились. Она еще на-днях заметила, как поблекло, осунулось ее лицо и волосы стали уже не такими густыми. Жизнь шла к концу, и так мал был ее беззаботный кусочек. Услышав слова брата, бросила куклу и подбежала маленькая Эсси. Нервозность матери передавалась девочке. Однажды Эсси с плачем проснулась среди ночи и рассказала, что она чуть не утонула в море. Теперь Эсси немедленно взобралась на колени, крепко обвила шею ручонками и приготовилась плакать. Это было видно по ее жалобному взгляду, по частому морганию век.

— Идите, идите, дети, — сказала Шарлот. — Учитесь, Сид, и присматривайте за сестрой. Я схожу за углем.

Она надела старенькую шляпку, которую решила не обновлять до возвращения «волка», и пошла на улицу. Когда вышла, вспомнила, что нужно зайти к миссис Пуль, которая просила взять в штопку вещи, и направилась к площади Уотерлю, и там увидела страшное зрелище, — как почтенная, всеми уважаемая миссис Уильямс хотела лишить себя жизни. В самом деле, это было так; и даже до сих пор кое-кто в Блайсе помнит этот необыкновенный случай. Дело в том, что в те дни лорд Китченер набирал свою вторую армию. Теперь слава принадлежала не только королевскому флоту. Все знали и славных солдат Норсэмптонширского полка, и западных йоркширцев, и непобедимых шотландцев, и безудерж-

ную конницу индусов, наводившую страх на самых стойких врагов, и смелых линкольнцев, захвативших сразу семь пушек, и многих других, покрывших себя лаврами на полях Бельгии и Франции. Журналы и витрины были полны изображениями необычайных подвигов. Плакаты покрывали иногда целые фасады домов. Хозяин «Королевской гостиницы» даже составил себе состояние, расположив патриотические призывы, в которых были приведены слова самого короля и мистера Асквита, между всеми окнами и по всем этажам своей гостиницы и тем обеспечив себе славу патриота, первейшего в Блайсе и даже во всем графстве. Разумеется, многие молодые люди, и в том числе сосед Лидсов — Том Грин, не стали дожидаться, когда мальчишки на улицах стали бы смеяться над ними. Хотя некоторые умные женщины отговаривали своих сыновей, советуя подождать, добровольцы шли на пункт и записывались у высокого, тонкого офицера, который в заключение протягивал свою крепкую руку, встряхивал руку добровольца и поздравлял. По мнению этого долговязого, добровольцы приобретали великую честь. Так как очередь была небольшая, вербовщик мог не торопиться. Он лихо подмигивал левым глазом и говорил «Ну, мы-то с вами сыграем партию в крикет в Берлине», или «На такую широкую грудь двух орденов будет мало».

Грин слыхал только два таких заманчивых восклицания. Но надо думать, что их было заготовлено у этого бравого молодца для каждого. Таким образом он набрал добрый взвод блайсовцев и, объявив, что они весьма годятся в норсемберлендцы, как раз отправлял их в полк, в Ньюкасль. Одна машина была нагружена вещами, другая наполнена людьми. Среди последних Шарлот увидела и соседа маляра, который еще вчера заходил прощаться. Совсем с краю сидел Уильямс, бывший клерк с железнодорожной станции, а ныне новобранец Норсемберлендского полка. Парень был бледен. Голова его свисала на грудь, как будто ему подрезали жилы. Конечно, было тяжело смотреть на плачущую мать. Миссис Уильямс была с непокрытой головой, совсем растрепанная. На плечи был накинут старый байковый платок. Она всхлипывала, закрывая лицо ладонями. Рядом с ней

стояли другие женщины, вероятно, тоже матери, провожавшие своих сыновей, судя по тому, что все были пожилые и очень печальные. Почти у всех глаза были красны от пролитых слез, но они сейчас крепились и даже произносили бодрые напутственные слова. Вот из дома вышел бравый офицер и с ним петти-офисер с красивыми нашивками на левом рукаве.

— Счастливого пути и победы! — крикнул офицер и приложил руку к козырьку.

Кто-то в толпе крикнул «ура». Возглас подхватили мальчишки, до тех пор разглядывавшие систему автомобиля. Петти-офисер уселся рядом с шофером. Мотор зафырчал. Ребята отскочили в стороны и снова закричали «ура». Некоторые добровольцы сняли тяжелые форменные фуражки и стали ими махать. Мотор зарокотал еще раз. И вдруг миссис Уильямс бросилась вперед и упала, как мешок, прямо на мокрую мостовую перед колесами машины.

— Не пущу! — закричала она. — Не хочу! Не пущу! Он сам не знает, что делает. Он один у меня.

Многие почтенные люди, составлявшие украшение города Блайса, в тот день перестали уважать миссис Уильямс, опорочившую своим несознательным поступком доброе имя городка. Сам принц Уэльский имел мужество надеть форму 1-го Гренадерского полка гвардии, а она не могла быть сознательней своего храброго сына. Но мистер Пуль объяснил, что миссис Уильямс «тронулась», и за ней сохранилось это мнение, так что, когда ее сын позднее пропал без вести в боях под Ипром, и ее действительно отправили в больницу для умалишенных, никто больше не удивлялся.

Разумеется, миссис Уильямс своим поступком отнюдь не могла помочь делу. Сразу же подошел полисмен Симпсон и одной рукой поставил женщину на ноги.

— Вы заплатите штраф за нарушение уличного порядка, — сказал он и легонько дернул ее в сторону тротуара, так что миссис Уильямс сразу оказалась подпертой стеной дома, освободив путь машине.

— Ура! — еще раз закричал бравый офицер. А почтенные господа, которым стало стыдно за поступок

миссис Уильямс, и особенно те, у которых не было сыновей, обязанных добровольно ехать на войну, тоже стали кричать «ура» и махать шляпами и зонтиками, заслонив плачущую миссис Уильямс. Эта картина опять так взволновала бедную Шарлот, что она даже забыла, как и зачем очутилась на площади. Только тогда, когда все разошлись, и площадь приняла свой обычный вид, она спохватилась и заметила, что идет не в ту сторону. Когда миссис Лидс возвращалась домой, ей казалось, что ее ждет какое-то несчастье. Она поднималась по лестнице, и сердце билось настолько сильно, что пришлось остановиться — перевести дыхание. Дома оказалось все благополучно. Однако чувство надвигающейся опасности не покидало Шарлот.

И вот однажды Сид, вернувшийся из школы, принес газету. Мальчик молчал, но в упор смотрел на мать широко раскрытыми глазами. Она не поняла сразу, почему он не сказал обычного приветствия, почему не закричал с порога о том, что на фронте союзники одержали новую победу. Сначала она хотела спросить его, но Сид настойчиво совал смятую газету ей в ладонь. Шарлот, холодея, торопливо развернула ее и поняла все... Жирный заголовок тянулся через несколько столбцов: «Битва в Тихом океане».

«Добрая Надежда» и «Монмёс» вероятно погибли».

«Секретарь адмиралтейства с сожалением...»

Дальше она не читала. Она уже знала: петти-офисер Лидс Чарльз... Но какой был номер?.. Он, вероятно, тоже имел его, как и другие. Ведь он не был офицером, которые обходились без номеров.

«...в скором времени будут опубликованы».

Не обращая внимания на это деликатное заключение вежливого секретаря адмиралтейства, она мяла газету, искала список, но не находила.

— Сид, Сид... — сказала она, наконец. — Я что-то плохо вижу... Посмотрите вы, Сид.

— Это неправда, мама. Честное слово, неправда. Я говорю вам...

Это наивное утешение словно сразило ее. Голова закружилась... Шарлот упала, не успев сделать шага. Дети кинулись к ней. Эсси закричала и, присев на пол,

стала в страхе стучать ногами, словно отбиваясь от кого-то. Мать лежала с закрытыми глазами, запрокинув голову. Мальчику вдруг показалось, что она мертва. Он стоял и не знал, что нужно сделать. Тогда Сид не выдержал и заплакал.

Очнувшаяся Шарлот застала его на том же месте, посреди комнаты. Сид плакал тихо, закрывая лицо всей рукой. Ему, конечно, было стыдно плакать, но он больше не мог терпеть. В это время прибежала сестра, миссис Райт, с дочерью и принялась помогать бедной Шарлоте, утешая, что список не объявляют, потому что, вероятно, проверяют, кто спасен.

То в словах, то в молчании, то во взаимных утешениях прошел остаток дня и вечер. Иногда снова зажигался согревающий огонек надежды, казалось, что умный, опытный «волк» сумел сохранить свою жизнь. Но сразу же становилось страшным тешить себя надеждой. Шарлот произносила слова утешения только ради Эсси. Сид помнит, что у него весь вечер болела голова и он боялся признаться в этом матери. Все томительные часы он продумал о том, как бы успокоить мать и сестру, и иногда пытался говорить, но слова были печальны, одно печальнее другого, и слезы сами собой набегали на глаза. После ночи должна была начаться новая, черная жизнь. И Сиду хотелось, чтобы скорее прошла эта ночь.

Утомленные горем и слезами, Шарлот и дети забылись в тяжелом сне поздно, вернее — под утро. В памяти запечатлелось, что дождь назойливо стучал по железному подоконнику, не давая заснуть. Эсси ни за что не хотела уйти от матери, и та взяла ее к себе. Сиду тоже было бы спокойнее закрыть глаза под материнскую ласку, но он побоялся тревожить Шарлот и остался один, завернувшись с головой. Теперь ему вздумалось представить отца живым, веселым. Это удавалось. Тогда он попробовал представить его убитым — и не мог. Отец не хотел быть мертвым. Он стоял и улыбался. Черные усы его шевелились над губой, глаза сияли. И снова не верилось, что отца больше нет. «Больше нет... Больше нет... нет...» — эта фраза звучала как-то неправдоподобно, и вдруг до сознания дошел весь смысл слов.

Мальчик чуть не вскрикнул, но во-время зажал себе рот, прижавшись к подушке. Позднее Шарлот подходила к постели сына оправить сползшую подушку. Рукой почувствовала, что наволочка была влажна.

Через день Сид решился задать вопрос Шарлот:

— Мама, мы сегодня с Уилли говорили об его отце и о моем отце... Потом мы пошли и спросили учителя: зачем воюют так, что убивают людей? Он нам сказал, что таков закон, раз объявлена война. Разве правда то, что в мире так устроено, что люди должны убивать друг друга? Все-таки это очень страшно, мама...

Он целовал ее пальцы, прижимая крепко к губам, чтобы не расплакаться.

— Нет, нет, что вы... этого больше не будет, Сид, никогда. Наступит мир, и все будут жить хорошо. И мой Сид будет большой, умный и хороший. Чарли говорил, что вы будете монтером, это очень интересно, Сид.

— О, мама... Когда я вырасту, я подам нашему королю просьбу, чтобы этот закон изменили. Хотя бы для Англии. Мы уже говорили с Уилли об этом. Кроме того, мы отмстим проклятым гуннам. Это они виноваты!

Мальчик сжал кулаки и твердо посмотрел матери в глаза.

Так мой друг, утерев глаза, вступил в суровую жизнь. В это время началась война в Малой Азии, а за восемью-девятью немецкими «корсарами» продолжали гоняться свыше семидесяти союзных крейсеров, и ходили определенные слухи о гибели у берегов Ирландии большого линейного корабля — дредноута, который взорвался в таком месте, где присутствие врага казалось немыслимым. А новый первый морской лорд, чей девиз был: «Бей первым, бей крепко, бей всюду!» — претендовавший на роль Нельсона, Родни или, наконец, Джервиса, призванный спасать господство Британии на морях, объявлял к сведению всех коммерческих британских и иностранных судов Северное море запретной зоной и что отныне «все суда, пересекающие линию, проходящую от северной оконечности Гебридских островов через острова Фероль до Исландии, будут делать это на свой риск и страх». Если бы толстый Уилл был жив, он наверное пропел бы: «Прощайте, прощайте, вы, испанские леди!..»

Но толстый Уилл исчез с лица земли, и служба по нем была отслужена самая скромная. Миссис Толчер по соображениям экономии сговорилась по этому поводу с Шарлот Лидс. Ведь они были небогатые вдовы; пышность была бы им не к лицу. Но все-таки они с завистью прочли заметку, перепечатанную из лондонских газет:

СЛУЖБА В ПАМЯТЬ СЭРА К. КРЭЙДОК

«В память сэра Кристофера Крэйдок, который погиб на Е. В. «Добрая Надежда», в пятницу состоялась служба в церкви Христа, Мейфэар.[1]

Король был представлен сэром К. Кестом, королева Александра — сэром Дайтоном Пробином, В. К. и адмиралтейство — капитаном Ричмондом. Наследная принцесса прислала великолепный венок из лилий и пальм, который был помещен на фронтоне церкви. Особенностью службы было дивное исполнение соло леди Мод Уоррендер «О, пребывающие у господа».

Прочли и вздохнули и вспомнили, что больше надежды нет.

18

На этом можно было бы закончить повествование о том, как мой друг Сидни Лидс вынужден был заплакать во второй раз в своей еще непродолжительной жизни. Однако нельзя быть небрежным по отношению к тем персонажам, которые имели прямое отношение к событиям, потрясшим жизнь героев. Поэтому напоследок следует вспомнить о двух джентльменах, замеченных нами когда-то в славном городе Копенгагене и желавших отправиться в Англию. Скажем без лишних слов, что они вполне благополучно зажили в Лондоне. На другой день, после описанного тяжелого, полного волнений и переживаний вечера, оба джентльмена вошли в ворота ограды, окружающей знаменитый Британский музей.

Они вступили туда порознь. Сначала в вестибюль вошел ученый. Он сбросил с себя неуклюжее, громоздкое

[1] Самый аристократический район Лондона.

пальто и шляпу, усеянные водяной пылью, и сразу стал похож на «воплощение мудрости и тайн жизни и смерти», как это и было предусмотрено им самим еще три месяца назад в номере гостиницы «Космополит». Красивый, чернобородый джентльмен постоял перед статуей великого художника Шекспира и не торопясь вступил на главную лестницу. Очевидно, его не интересовала ни гигантская библиотека, ни галлерея скульптуры, так как он уверенно и важно зашагал через верхнюю анфиладу комнат, бросая короткие взгляды на бесконечные серии сосудов и ваз, запечатлевших в своих орнаментах и рисунках тысячелетия человеческого труда, на изящные изображения богов и героев, воплощавших человеческие идеалы, а также на редких посетителей, беспомощно застывших в созерцании искусно обработанной бронзы, и на немые фигуры служителей. Только тогда, когда ученого обступили безжизненные тела мумий, человекоподобные свирепые быки, звероликие с вывернутыми плечами люди, каменные куски и обломки, испещренные загадочной вязью иероглифов, когда вокруг стало особенно тихо и мрачно, он остановился, внимательно оглянул комнату и превратился в одного из многих молчаливых созерцателей.

Агент фирмы из Мальме шел менее уверенно. Вероятно, он был здесь впервые. Кроме того, сокровища, сосредоточенные в бесчисленных тускло освещенных хранилищах привлекали внимание, и он иногда даже задерживал шаг. На пути высокого, желтобрового джентльмена витрины были полны фарфора, терракоты, бронзы, лака и эмали. Китай, Япония, Аннам, Сиам и Борнео упорно желали напомнить о культуре, не признанной белыми завоевателями. Сокровищ было столько, что мистер Тэйлор, вместо того чтобы итти налево, свернул вправо и снова был подавлен смутным, холодным блеском. Теперь человечество хвасталось искусством делать вещи из глины и стекла. Мистер Тэйлор зашевелил губами, произнося неслышно слова удивления, вынул часы, посмотрел, покачал головой и повернул. Спросив указания у толстого, краснощекого служителя, быстро пошел мимо одежд и утвари всех частей света и настиг чернобородого джентльмена перед мумией женщины, от-

меченной датой «1000 лет до Р. Х.». Ученый стоял, пощипывая пальцами бороду. Мистер Тэйлор занял место рядом и придал своему лицу черты напряженного интереса.

— Извините, сэр, — сказал он немного простуженным голосом, — но подумать страшно, что сталось с женщиной. После этого не захочется любить.

— Наши сердца бьются в унисон, сэр. Я думаю о том же. И я очень рад, что мои глубокие мысли, навеянные тысячелетиями (джентльмен обвел рукой воздух вокруг себя), не являются плодом собственного воображения... Мне холодно в этих залах, которым нет числа, среди этих неодушевленных тел, в которых навеки законсервирована человеческая мудрость. А эта женщина, потерявшая все, кроме неясных очертаний, привела меня просто в подавленное состояние. Женщина, вероятно, мать, создательница новых людей, новой жизни, украшение богатейших пиров и скромного домашнего очага... Я не доволен вашей работой. Ваши сведения скудны и запаздывают.

— Я поражен глубиною ваших переживаний, сэр. Позвольте представиться: Джон Мэк-Грегор, эсквайр. Наша ферма в Австралии. Я малообразованный человек, сэр. В Мельбурне у нас нет таких вещей и в таком количестве. Этому могут позавидовать даже лучшие универсальные магазины. Я здесь с поручением отца по поставкам и заодно занимаюсь самообразованием. Меня больше всего поражает обилие... Вы подстригли себе бороду и сильно изменились. Если бы не костюм, я мог бы усомниться.

— Очень рад считать вас своим знакомым. Тем более, что я тоже издалека. Из Бомбея, мистер Мэк-Грегор. Да, представьте себе! Доктор Грэй, специально интересуюсь древним миром... Не увиливайте от вопроса: почему нет сведений?

— Но как вы находите вот этот скелет, сохраняющийся не то в асфальте, не то бог знает, в чем?.. Связь потеряна. Мой друг — клерк, с которым мы гуляли, ушел добровольцем.

— Созерцание скелета претит моему эстетическому чувству, мистер Мэк-Грегор. Не пройти ли нам в следующую комнату? Там есть дивные саркофаги-гробни-

цы, достойные древней цивилизации... Надо было сообщить мне раньше. Сейчас выгоднее всего иметь дела с женщинами. И полезно и приятно. Я всегда преклонялся перед женщинами и не ошибся и в этот раз.

— Единственная свободная женщина — служанка Молли в доме Кери, но она напускает на себя такое благочестие, что боится поднять глаза на мужчину... Я не нахожу в саркофаге ничего особенного, сэр. В простом гробу лежать, по-моему, так же скучно и неудобно, как и в каменном.

В зале посетителей не было. Старик-сторож, похожий на мумию, дремал в углу. Лицо ученого сразу оживилось. Он заговорил быстро и деловито:

— Еще освобождается служанка в доме Бредфордов. Я мог бы вам составить протекцию через самое госпожу, но теперь не стоит. У меня положение достаточно прочное. Имею отличный источник. Я предполагаю вас немедленно послать к шефу с моим отчетом. Заодно отвезете важнейшие сообщения: два линейных крейсера из состава Главного флота отправляются на поиски эскадры адмирала фон Шпее.

Глаза австралийского фермера отобразили радостное возбуждение.

— Донесение стоит повышенной оплаты, мистер Грэй. Кроме того, отъезд. Это может возбудить подозрение.

— Не врите! — доктор даже скрипнул зубами. — Когда вы научитесь быть художником дела? Деньги, деньги... Вы получаете их достаточно и получите еще. Но они вас погубят.

— Я не живу добрыми надеждами, мистер Грэй. Может быть, вы...

— Нашли кого учить! — Тон у доктора стал полон презрения, но он смягчил его. — Не будем горячиться. Вы, конечно, сами заинтересованы в успехе нашей фирмы. Я обещаю вам хорошую награду, если вы своевременно доставите мой доклад и донесение. Кроме того, перед отъездом вы дадите информацию вашему здешнему патрону... Что с вами? Не будьте невинной девушкой, сэр. Запомните, я повторяю: вы дадите информацию о том, что германское командование решило вы-

слать в крейсерство линейный крейсер «Фон-дер-Танн» навстречу конвоям, идущим из Канады.

— Ложным сведениям есть предел, сэр, — хрипло прошептал Мэк-Грегор. — Это... карается... смертью, сэр...

Мистер Мэк-Грегор угрюмо смотрел на мертвую маску знатного египтянина, а желтые брови то сходились, то расходились, губы чуть заметно дрожали.

— Вы сварливы и трусливы, как торговка, мой молодой друг, — с раздражением заметил доктор. — Как вы не понимаете, что в случае успеха вы получите вдвое больше, чем получаете до сих пор. Кроме того, вы займете вполне приличную нейтральную позицию где-нибудь в Швеции или в Норвегии.

Брови австралийского фермера медленно расправились. Мистер Мэк-Грегор перевел взгляд на изображение священного лотоса и одобрительно кивнул головой.

— Вы должны понять меня, доктор... Со времени нашей встречи в Копенгагене, когда я получил задание систематически дезинформировать об организации крейсерской войны, мною передано до семи ложных сведений об использовании норвежских шхер, о... «Дрездене», «Карлсруэ» и о новых высылаемых крейсерах...

Так как в зал вошли люди, он почтительно взял подруку ученого и повел дальше, наклоняя свою голову ближе к его уху.

— Это сделано вами вполне хорошо и своевременно, мой друг, — отеческим тоном откликнулся Грэй. — Адмиралтейство больше всего боится паралича на морских путях, а потому новому слуху, да еще небывалому, но вполне правдоподобному безусловно поверят. Напоследок, мой друг, напоследок...

Мистер Мэк-Грегор выразительно промолчал и опустил руку. Доктор Грэй был безусловно прав, и отъезд был выгоднее, чем иные комбинации, которые в конце концов могли обернуться против них обоих. Теперь полные взаимного понимания они медленно шествовали мимо мрачных сокровищ — свидетелей смерти многих поколений, — восхищаясь трудолюбием, долготерпением и вкусом мастеров и тонкостью их работы. Постепенно доктора Грэя охватывал подлинный восторг, который в

свою очередь поднимал в его груди волну вдохновения. Из слов и междометий по адресу художников мира можно было понять, что и себя талантливый доктор тоже причислял к «двигателям человеческой жизни», как он выразился, уже вступая в американскую комнату.

За столь культурным занятием, сопровождаемым мирной беседой, они провели целый час.

Мистер Грэй остался очень доволен посещением знаменитого Британского музея. Это было видно по приятным взглядам, которые черноволосый джентльмен обращал к встречным, как бы приглашая их разделить его восхищение, по нежным пожатиям локтя мистера Мэк-Грегор, по резвости, с которой доктор сбежал вниз к статуе Шекспира, наконец, по песенке, которую ученый вдруг замычал себе в бороду на непонятный, но бодрый мотив, когда они вышли под портик главного подъезда. Последнее было тем более удивительно, что погода была самая скверная. Ветер хлестал по лицу мокрыми клочьями туч. Последние отяжелели так, что не могли удержаться на крышах. Всюду была слякоть. Люди не шли, а стремились, иногда ослепленные шквалами, иногда безудержно подгоняемые ими. Как призраки, возникали машины и снова пропадали, шурша колесами и разражаясь то резкими, то придушенными сигналами. Перспектива улиц пропала. Обстановка для расставания была самая удобная.

И наши джентльмены расстались. Не знаю, переживали ли они предстоящую долгую разлуку или просто им не хотелось погружаться в волны сырого пронизывающего вихря, но они постояли несколько времени у подъезда, засунув руки в карманы и надвинув до самых глаз шляпы. Доктор Грэй говорил приятным, почти ласковым голосом:

— До свиданья, милейший мистер Мэк-Грегор! До свидания! Музей великолепен. Ни одна вещь, попавшая сюда, не может быть унесена отсюда. Таков закон. Заметьте, мой друг, это — закон. Англичане предусмотрительнее и умнее фараонов, императоров и королей, которые не позаботились в свое время оградить свои дворцы и саркофаги от грабежа. Поэтому в данном случае мы имеем перед собой не грабеж, и не думайте плохо

о создателях великого музея. Впрочем, ваши национальные интересы здесь, кажется, не затронуты... Пора итти, дорогой друг! Я вам готов позавидовать. Вы скоро избавитесь от этой слякоти и будете дышать здоровым воздухом молчаливых фьордов и ласкать крепких, золотоволосых скандинавских девушек. Я люблю скандинавский тип женщины, мистер Мэк-Грегор, хотя я нахожу их большеногими.

Джентльмены дошли до ограды и крепко пожали друг другу руки.

— До свидания, доктор, — твердо сказал австралийский фермер. — Я рад нашему знакомству и надеюсь — мы еще с вами увидимся... Отъезд очень кстати. Мне все равно следовало бы ехать, чтобы оправдать себя в глазах моего патрона с улицы Вишневого сада.

— Счастливого пути! Разумеется, мы еще встретимся. Но пока я буду здесь. Я нашел в Лондоне целый клад и рассчитываю, что моих поисков хватит еще надолго. Женщины — великое дело, мой друг. Никогда не презирайте их. Доктор — толкователь снов — для них развлечение. Они для меня — радость жизни. Таким образом, я надеюсь, что мы будем довольны друг другом... До свидания... Не забудьте: пакет на ваше имя будет оставлен у хозяев моей квартиры, милейших старичков Бриджеров. Внизу, в магазине.

После этого джентльмены расстались. Высокий зашагал по направлению к Мюзик-холлу. Чернобородый скрылся в узенькой Музейной улице.

Доктор Грэй вновь вынырнул в гущу движения на Стрэнд у вокзала Черинг-Кросс. Запахивая широко разбрасываемые ветром полы быстро пробрался на свою маленькую улочку, устремляясь к трехэтажному дому, узкий фасад которого был сдавлен двумя громадами. Он уже был у витрины магазина Бриджеров, когда в десяти шагах заметил стоящий у подъезда автомобиль. Силует был характерен. Представители Скотланд-Ярда за кем-то приехали... Доктор Грэй остановился. — Неужели игре пришел конец?.. — Немедленно повернул и вдруг встретился с деланно-безразличным взглядом человека. Последний, в котелке и в коротком легком пальто с поднятым воротником, стоял и, не обращая внимания

на скверную погоду, разглядывал образцы цветной бумаги и блокнотов. Наш джентльмен во-время остановился. Самым правильным было заинтересоваться бюваром, который был украшен стоящим на якоре и расцвеченным флагами дредноутом, — очевидно, крик последней патриотической моды. Мистер Грэй перевел дух и заставил себя спокойно войти в магазин.

— Добрый день, мистер Бриджер. Мне понравился бювар, выставленный в витрине. — Говорил, видел через мокрое стекло расплывчатый силует, думая о том, куда итти дальше. И почему-то страшно не хотелось снова выходить на холод и сырость.

«Как собака», — подумал мистер Грэй и вдруг увидел приветливое почти ласковое лицо старика, обрамленное сверху белым пухом волос.

— Это в честь королевского флота, мистер Грэй, я сейчас достану для вас, идут нарасхват.

Хозяин полез куда-то под прилавок. Потом высунул голову и сказал, принимая таинственный вид:

— А вы знаете, час тому назад агенты полиции хотели арестовать двух людей. Они их выследили и ловко захватили с обоих концов улицы. Одного схватили, а другой спрятался в доме напротив. Его ищут, мистер Грэй, и наверное найдут. Этот экипаж готов для него. Если вы будете дома, то из окна увидите. Это безусловно германские шпионы, мистер Грэй. Безусловно. У того, которого схватили, были воззвания против короля и правительства, против войны. Я ему даже хотел плюнуть в лицо, мистер Грэй. Но полицейский инспектор не подпускал никого.

Глаза ученого джентльмена просияли. Мистер Бриджер был чудесен в своем патриотическом негодовании. Доктор приподнял поля шляпы и уверенной походкой прошел из магазина мимо неприятного автомобиля в свою дверь. Опять напевая в бороду непонятную, но бодрую песенку, он снял отсыревшую одежду и прошел в уютную, теплую комнату, служившую гостиной и кабинетом. Прошелся несколько раз взад и вперед... Включил свет. Постоял перед картинкой, изображавшей национального героя на корме шлюпки, отваливающей по крутым, пенистым волнам к лишенному парусов и мачт

кораблю. Должно быть, вдохновившись смелой позой Нельсона, мистер Грэй сел за стол и взял карандаш.

«. . . В связи со сменой высшего морского командования можно ожидать более решительных действий флота. Расчет делается на то, чтобы в ближайшие сроки покончить с крейсерами. Сейчас можно ожидать наибольшего ослабления линейных сил Главного флота. До сих пор благодаря нашей ложной информации удалось оторвать от сил, находящихся в метрополии, только крейсер «Добрая Надежда» и еще несколько старых кораблей. Теперь же два линейных крейсера выделены для погони за эскадрой адмирала фон Шпее. Принимаю меры, чтобы отвлечь еще один-два дредноута в океан. По моим соображениям, это критическая точка: большего отвлечения сил ожидать нельзя, и если со стороны германского флота не последует решительных действий, то положение изменится не в его пользу. Из настроений вполне авторитетных кругов знаю, что адмиралтейство удивлено и обрадовано пассивностью Флота открытого моря в дни борьбы за побережье Фландрии. Но сейчас считают, что опасность миновала и остается окончательно ликвидировать угрозу паралича морских сообщений. . .»

С улицы, среди шума непогоды донеслись голоса. Доктор Грэй бросил карандаш и быстро подошел к окну. Прижав лоб к самому стеклу, увидел, как полисмен захлопнул дверцу автомобиля и сел рядом с шофером, как последний завел машину, как вспыхнули фары, как она вдруг рванулась и скрылась в тумане, смешанном с сумерками.

— «Гражданский мир» — пробормотал мистер Грэй и отошел от окна. Он потянулся, качнувшись на каблуках, и почувствовал себя вдруг совсем спокойно: не нужно было никуда итти, а в этой теплой, уютной комнате, сохранявшей, казалось, даже запах прошлого века, никто не имел права его тронуть. Тем более, что он отнюдь не агитировал против войны.

22/IV 1936 г.

4 р.

Оборот 20 к.